

ISSN 1993-3959

ИЗДАНИЕ И МИР

ЖУРНАЛ

3/2025

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР

Российский междисциплинарный журнал социально-гуманитарных наук

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.
Реестровая запись 30 июля 2020 г. ПИ № ФС 77-78825

*Журнал включен ВАК РФ в Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора
наук (ред. 22.10.2021) по историческим наукам, по научным специальностям:
5.6.1 — Отечественная история, 5.6.2 — Всеобщая история*

2025

Издается 4 раза в год

№ 3

Основан в 2001 г.

Проблемным советом РФ «Интеллигенция. Культура. Власть»

Учредитель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

Редакционная коллегия:

доктор исторических наук, доцент **В. Л. Черноперов** (главный редактор)

доктор исторических наук, профессор **С. М. Усманов**
(заместитель главного редактора)

кандидат исторических наук, доцент **И. А. Буданова**
(ответственный секретарь)

доктор исторических наук, профессор **Г. А. Будник**

доктор исторических наук, доцент **В. В. Комиссаров**

доктор исторических наук, профессор **И. К. Лапшина**
кандидат исторических наук **А. К. Калинин**

кандидат исторических наук, доцент **Н. Г. Юркин**

Международная редакционная коллегия:

доктор исторических наук, профессор **Г. В. Корзенко**,

Институт истории Национальной академии наук Беларуси (Минск)
главный редактор «Русского альманаха» **З. Паунович**, Сербия (Белград)
доктор исторических наук, профессор **Р. Юрковский**,
Варминско-Мазурский университет, Польша (Ольштын)

Точка зрения авторов публикаций может не совпадать с мнением редакционной коллегии.
Перепечатка без разрешения редакции журнала «Интеллигенция и мир» не допускается.

Электронная копия журнала размещена на сайтах

www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru, journal.ivanovo.ac.ru, www.ceeol.com

ISSN 1993-3959

INTELLIGENTSIA AND THE WORLD

Russian Interdisciplinary Journal of Humanities

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media
(Registry entry ПИ № ФС 77-78825 on 30.07.2020)

*The journal is peer-reviewed and recommended by the Supreme Attestation Commission of the Russian Federation to publish main results of Doctors and Candidates of Sciences dissertations (issued on 22.10.2021) on historical sciences, on scientific specialties:
5.6.1 — National history, 5.6.2 — General history*

2025 4 issues a year № 3

Founded in 2001
by the Council “Intelligentsia. Culture. Power” of the Russian Federation

Founded by Ivanovo State University

Editorial Board:

Assoc. Prof. **Vasiliy Chernoperov**, Dr. of Sc. (History) (*Editor-in-Chief*)
Prof. **Sergey Usmanov**, Dr. of Sc. (History) (*Deputy Editor-in-Chief*)
Assoc. Prof. **Irina Budanova**, Cand. of Sc. (History) (*Secretary of the Board*)
Prof. **Galina Budnik**, Dr. of Sc. (History)
Assoc. Prof. **Vladimir Komissarov**, Dr. of Sc. (History)
Prof. **Irina Lapshina**, Dr. of Sc. (History)
Alexander Kalinin, Cand. of Sc. (History)
Assoc. Prof. **Nikolay Yurkin**, Cand. of Sc. (History)

International Editorial Board:

Prof. **Georgy Korzenko**, Dr. of Sc. (History),
Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus (Minsk)
Zorislav Paunkovic, Editor-in-Chief of the “Russian almanac”, Serbia (Belgrade)
Prof. **Roman Jurkowski**, Dr. of Sc. (History),
University of Warmia and Mazury, Poland (Olsztyn)

The authors' views may differ from the viewpoint of the Editorial Board.
No reprints without the Editorial Board permission allowed.

The e-copy of the issue can be accessed at
www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru, journal.ivanovo.ac.ru, www.ceeol.com

Subscription index
in the “Press of RF” catalogue
41533

© Ivanovo State University, 2025

Редакционный совет:

Ю. М. Воронов	Ивановский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
О. В. Золотарев	Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина
И. В. Кондаков	Российский государственный гуманитарный университет (Москва)
Г. Н. Кочешков	Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского
И. В. Купцова	Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
В. А. Мансуров	Институт социологии РАН (Москва)
С. Н. Полторак	Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича
Д. И. Полывянный	Ивановский государственный университет
В. А. Порозов	Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
Е. М. Раскатова	Ивановский государственный университет
А. В. Репников	Всероссийский научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела (Москва)
С. В. Артамошин	Брянский государственный университет им. акад. И. Г. Петровского
И. В. Сибиряков	Южно-Уральский государственный университет (Челябинск)
А. А. Корнилов	Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского
Ф. Х. Соколова	Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова (Архангельск)
А. А. Соловьев	Костромской государственный университет

Editorial Board:

Yu. M. Voronov	Ivanovo Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
O. V. Zolotarev	Pitirim Sorokin Syktyvkar State University
G. N. Kocheshkov	Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky
I. V. Kondakov	Russian State Humanitarian University (Moscow)
I. V. Kuptsova	Lomonosov Moscow State University
V. A. Mansurov	Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences
S. N. Poltorak	Bonch-Bruevich St. Petersburg State University of Telecommunications
D. I. Polyvyanny	Ivanovo State University
V. A. Porozov	Perm State Humanitarian Pedagogical University
E. M. Raskatova	Ivanovo State University
A. V. Repnikov	All-Russian Scientific and Research Institute for Records and Archives Management (Moscow)
S. V. Artamoshin	Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education “Bryansk State Academician I. G. Petrovski University”
I. V. Sibiryakov	South Ural State University (Chelyabinsk)
A. A. Kornilov	National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
F. Kh. Sokolova	Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk)
A. A. Soloviev	Kostroma State University

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЕНИЯ

- Комиссаров В. В.* Управленческий потенциал советской интеллигенции: возвращение к старой дискуссии 9

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

- Рыбин В. Д.* Легалисты между русскими революциями:
воспоминания современников 30
- Зябликов А. В.* Киносталиниана 1930—1950-х гг.:
технология мистификации истории 51

ЛИЧНОСТЬ В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

- Евсеев В. А.* Дефо как пропагандист промышленного процветания Англии в начале XVIII в. (на примере сочинения «Путешествия по восточным графствам Англии») 68
- Воронцов С. Л., Лобова А. А.* Личность графа М. С. Воронцова как пример служения Отечеству 89
- Локшин А. Е.* Вехи биографии Теодора Герцля.
Сионизм и антисемитизм в конце XIX — начале XX в. 108
- Ткачев В. В.* Б. И. Лебединский и Н. М. Ядринцев (на пути к созданию Художественного музея в Иркутске) 129
- Хавкин Б. Л.* Лев Копелев и диалог культур 146
- Усманов С. М.* Русские интеллигенты и их искания: взгляд сербского интеллектуала 157
- Паункович З.* Три эссе о русских интеллигентах (Константин Леонтьев, Александр Грин, Сергей Дурылин) 162

ТВОРЧЕСТВО УЧЕНЫХ

Лифшиц А. С. Стихотворения 172

ПО СЛЕДАМ ПРОЧИТАННОГО

Черноперов В. Л. Вариативность развития международных
отношений и ответственность политиков: размышления
над монографией И. Э. Магадеева «В тени Первой
мировой войны: Дileммы европейской безопасности в
1920-е годы» 180

CONTENTS

URGENT PROBLEMS OF CONTEMPORARY INTELLIGENTSIA STUDIES

- Kommisarov V. V.* The managerial potential of the soviet intelligentsia: a return to an old discussion 9

FROM THE HISTORY OF THE INTELLIGENTSIA

- Rybin D. V.* Legalists between the first and second revolutions in the memoirs of contemporaries 30
- Zyablikov A. V.* Kinostaliniana of the 1930s and 1950s: the Technology of Hoaxing History 51

PERSONALITY IN THE DISCOURSE OF INTELLIGENTSIA STUDIES

- Evseev V.A.* Defoe as a propagandist of the industrial prosperity of England in the early XVIII century (on the example of the work “Travels in the eastern counties of England”) 68
- Vorontsov S. L., Lobova A. A.* The personality of Count M. S. Vorontsov as an example of service to the Fatherland 89
- Lokshin A. Ye.* Milestones in the biography of Theodor Herzl. Zionism and Antisemitism in the late XIX — early XXI centuries 108
- Tkachev V. V.* B. I. Lebedinsky and N. M. Yadrintsev (on the way to the creation of an Art Museum in Irkutsk) 129
- Khavkin B. L.* Lev Kopelev and the Dialogue of Cultures 146
- Usmanov S. M.* Members of Russian intelligentsia and their searches: a view from a Serbian intellectual 157
- Paunkovich Z.* Three essays on members of Russian intelligentsia (Konstantin Leontiev, Alexander Green, Sergey Durylin) 162

CREATIVE WORK OF SCIENTISTS

<i>Lifshits A. S.</i> Poems	172
-----------------------------------	-----

READING AND DISCUSSION

<i>Chernoperov V. L.</i> Variability of the development of international relations and the responsibility of politicians: reflections on the monograph by I. E. Magadeev “In the shadow of the First World War: Dilemmas of the Eu-ropean Security in the 1920s”	180
--	-----

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЕНИЯ

URGENT PROBLEMS OF CONTEMPORARY INTELLIGENTSIA STUDIES

Интеллигенция и мир. 2025. № 3. С. 9—29.

Intelligentsia and the World. 2025. No. 3. P. 9—29.

Научная статья

УДК 94(47+57).084.9

EDN <https://elibrary.ru/eknabp>

DOI: 10.46725/IW.2025.3.1

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СОВЕТСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ: ВОЗВРАЩЕНИЕ К СТАРОЙ ДИСКУССИИ

Владимир Вячеславович Комиссаров

Верхневолжский государственный агробиотехнологический

университет, Иваново, Россия, cosh-kin@mail.ru,

SPIN-код: 4674-4432, <https://orcid.org/0000-0003-2769-1860>

Аннотация. В статье анализируется дискуссия о неспособности советской интеллигенции заменить партийную бюрократию во время перестройки. Поводом для этой дискуссии стало высказывание экс-президента СССР М. С. Горбачева. В статье использован широкий круг литературы. Также автор привлек разнообразные источники, включающие архивные материалы, данные социологических опросов советских инженеров и школьников. Были изучены материально-бытовые условия жизни интеллигенции в СССР, степень реализации деловых качеств, престиж интеллигентских профессий. Не вызывает сомнений высокая социальная мобильность и значимость высшего профессионального образования в СССР. В finale подводится итог исследования. Показано, что

советская интеллигенция была достаточно активна в политическом плане, хотя и зависела от позиции властей. Сделан вывод, что утверждение о неспособности интеллигенции заменить бюрократию носит спекулятивный характер. Интеллигенция и не должна была заменять бюрократию. Но она не стала социальной базой реформаторов в полной мере. Однако вина за это лежит в большей степени на самих реформаторах, нежели на интеллигенции.

Ключевые слова: интеллигенция, перестройка, партийная бюрократия, управленческий аппарат, инженерно-технические работники, гуманитарная интеллигенция

Для цитирования: Комиссаров В. В. Управленческий потенциал советской интеллигенции: возвращение к старой дискуссии // Интеллигенция и мир. 2025. № 3. С. 9—29.

Статья подготовлена в рамках технического задания на выполнение научно-исследовательской работы по заказу Ивановского государственного университета № 2025 — 03 «Интеллигенция и интеллектуалы, многообразие современного мира и будущее России».

Original article

THE MANAGERIAL POTENTIAL OF THE SOVIET INTELLIGENTSIA: A RETURN TO AN OLD DISCUSSION

Vladimir V. Komissarov

Verkhnevolzhsk State University of Agronomy and Biotechnology,
Ivanovo, Russia, gmar@inbox.ru, SPIN-код: 6287-2348,
<https://orcid.org/0009-0005-65680152>

Abstract. The article analyzes the discussion about the inability of the Soviet intelligentsia to replace the party bureaucracy during perestroika. The reason for this discussion was the statement of the ex-President of the USSR Mikhail Gorbachev. The article uses a wide range of literature. The author also drew on a variety of sources, including archival materials, data from sociological surveys of Soviet engineers and students. The material and living conditions of the intelligentsia in the USSR, the degree of realization of business qualities, and the prestige of intellectual professions were studied. There is no doubt about the high social mobility and importance of higher professional education in the USSR. The final section summarizes the research. It is shown that the Soviet intelligentsia was quite active in political terms, although it depended on

the position of the authorities. It is concluded that the claim about the inability of the intelligentsia to replace the bureaucracy is speculative. The intelligentsia was not supposed to replace the bureaucracy. But it did not become the full social base of the reformers. However, the blame for this lies more with the reformers themselves than with the intelligentsia.

Keywords: intelligentsia, perestroika, party bureaucracy, administrative staff, engineering and technical workers, humanitarian intelligentsia

For citation: Komissarov, V. V. (2025), ‘The managerial potential of the soviet intelligentsia: a return to an old discussion’, *Intelligentsia i mir* [Intelligentsia and the world], no. 3: 9—29 (in Russ.).

The article was prepared within the framework of the technical assignment for the implementation of research work commissioned by Ivanovo State University No. 2025 — 03 “Intelligentsia and intellectuals, the diversity of the modern world and the future of Russia”

Введение

Постановка вопроса и его актуальность. Поводом к данному исследованию послужила дискуссия, возникшая около 4 лет назад. Ее спровоцировала последняя статья ныне покойного экс-президента СССР М. С. Горбачева «Понять перестройку, отстоять новое мышление», в которой автор подводил итог своей политической деятельности. В ней экс-президент, по утверждению некоторых обозревателей, якобы заявил, что рассматривал интеллигенцию как возможную замену партийной бюрократии. Данный тезис вызвал множество комментариев, в ряде случаев ернических и даже откровенно издевательских, выдержаных в духе: «Вот, мол, нашел себе союзников». Для некоторых комментаторов это стало поводом, чтобы усомниться в адекватной оценке М. С. Горбачевым ситуации. Особенно ехидные отзывы звучали на радио и в телепередачах.

Следует отметить, что в реальности высказывание М. С. Горбачева звучало несколько иначе: «Никто не получил от гласности больше, чем наша интеллигенция. Она в полной мере воспользовалась возможностями свободно говорить и писать. Интеллигенция буквально ринулась осваивать новые идеи, развивать их, обосновывать необходимость глубоких перемен. Но правда и то, что в условиях свободы быстро проявилась неготовность многих представителей интеллигенции, особенно “статусных”, к разумным

и постепенным изменениям, непонимание ими того простого факта, что свобода неотделима от ответственности. Интеллигенция не смогла заменить партийную номенклатуру в управленческой сфере, ей не хватило для этого знаний и опыта. Ее представители сосредоточились на критике и разоблачении нашего прошлого, но не смогли выдвинуть конструктивных идей о том, как идти к будущему¹. Конечно, здесь можно усмотреть косвенное признание в том, что интеллигенция действительно рассматривалась как возможная замена партаппарата. Однако проблема управленческого потенциала не так проста, как кажется, и имеет длительную историю.

Предшествующий анализ проблемы. Вопрос об интеллигенции и власти проходит красной нитью через всё интеллигентование, поэтому обзор всей литературы по данному аспекту потребовал бы специального историографического труда. Если вкратце, то появление концепции постиндустриализма привело к оценкам возможной трансформации социальной структуры нового общества, причем важное значение приобрел вопрос о будущем господствующем классе. В этих теоретических построениях интеллигенции отводилась особая роль. Еще в 1930-е гг. американский обществовед Д. Бернхейм сделал вывод, что на поздних стадиях развития капитализма, наряду с буржуазией и пролетариатом, должен возникнуть новый класс, подобно тому, как в недрах позднего феодализма сформировалась буржуазия. И точно так же, как буржуазия стала господствующим классом новой капиталистической формации, этот гипотетический класс должен занять лидирующие позиции в той стадии, которая сменит капитализм (или индустрIALIZМ). В роли зародыша нового класса сам Д. Бернхейм рассматривал «управляющих» (руководителей производства, администраторов, чиновников), М. Джилас — государственную правящую бюрократию СССР и других государств марксистского социализма. Схожие с М. Джиласом идеи высказывал М. Восленский [Восленский, 2005]. Иначе говоря, в качестве будущего доминирующего класса стали рассматриваться те группы, которые с точки зрения социально-профессионального подхода являются отрядами интеллигенции.

¹ Михаил Горбачев: Понять перестройку, отстоять новое мышление. URL: https://www.gorby.ru/userfiles/file/statya_ms_2_avgusta_2021.pd (дата обращения: 25.12.2024).

Несмотря на идейную чужеродность, эти веяния мировой социальной мысли нашло свое отражение в советском обществоведении, хотя и в очень своеобразном виде. Данный вопрос достаточно подробно исследовал основоположник ивановской интеллигентоведческой школы В. С. Меметов [Интеллигенция, 2016: 78—86]. Здесь имеет смысл повторить общие выводы. В конце 1960-х гг. в марксистской философии начались дискуссии о переосмыслинии социально-классовой структуры советского общества и об изменении пролетарского характера КПСС. Предполагалось, что профессиональные управленцы должны составить отдельную социальную группу, а коммунистическая партия приобрела бы общенародный, интерклассовый характер. Таким образом, научно-техническая революция поставила вопрос о пересмотре роли и места интеллигенции.

Э. А. Араб-Оглы и его коллеги в 1969 г. выступили в коллективном сборнике, где декларировали возникновение в ходе НТР высокообразованной рабочей интеллигенции и, как следствие, формирование нового рабочего класса, а также новой категории управленцев. Э. А. Араб-Оглы выдвинул тезис, что в условиях НТР сфера высшего образования будет расширяться, пока не приобретет всеобщий характер [Араб-Оглы, 1969: 28]. Схожие идеи ученым повторял и в своих публикациях 1980-х гг. [Его же, 1986: 175].

Соавтор Э. А. Араб-Оглы по сборнику, социолог А. К. Останин поставил вопрос о трансформации советского общества под влиянием НТР. Он попытался обосновать появление новой рабочей интеллигенции и сращивание в рамках единой социальной группы технических специалистов и высококвалифицированных рабочих [Останин, 1969: 110—111]. Другие авторы сборника приводили примеры этого в условиях автоматизированного производства на передовых советских предприятиях, например на Нижне-Тагильском металлургическом комбинате. Социологов подвергали вполне справедливой критике за единичность приводимых примеров, но, вероятно, главная причина критики была иной: идея сращивания рабочего класса и интеллигенции и образования на их базе новой страты могла поставить вопрос о ликвидации политической гегемонии пролетариата, что считалось неприемлемым с идеологической точки зрения.

Подобные настроения были характерны не только для СССР, но и для других стран марксистского социализма. Представления об

интеллигенции как классе управляющих приобрели особое звучание у идеологов «Пражской весны». Рабочий класс провозглашался политически инертной силой, неспособной возвыситься до понимания насущных задач общества в целом, вырваться из круга сугубо производственных, узко материальных интересов. В качестве единственной демократической и сознательной силы современного прогресса приверженцы элитарных теорий выдвигали интеллигенцию. Рабочий класс и рабочее движение, по их мысли, добивались наибольших успехов в том случае, если во главе движения стоит революционная интеллигенция [К событиям..., 1968: 35—36].

Естественно, что после таких оценок этой концепции надолго был приkleен ярлык ревизионизма. Аналогично расценивались и все идеи об изменении роли интеллигенции в новых условиях. Именно по этой причине они не получили развития в советском обществоведении и фактически оказались под партийно-идеологическим запретом. Для партийно-идеологических руководителей интеллигенция опять превращается в объект подозрений и расценивается как «слабое звено» в социальной структуре советского общества.

Интеллигенции было отказано в праве на критическое восприятие действительности; пресекались все ее притязания на самостоятельную роль в политической структуре общества. В последующее десятилетие (1970-е гг.) специалисты по истории и деятельности интеллигенции в своих публикациях и диссертациях были вынуждены в обязательном порядке отмечать подчиненное положение интеллигенции по отношению к рабочему классу или колхозному крестьянству. В то же время в частных вопросах истории интеллигенции ученые приводили много примеров самостоятельного поведения данной группы. С. А. Федюкин, а затем А. В. Ушаков на дореволюционном материале доказывали, что политические пристрастия и ориентации интеллигентов зависят не столько от социо-профессиональной принадлежности, сколько от индивидуальных особенностей каждого человека, включая воспитание, социальный опыт и т. д. [Федюкин, 1972: 5; Ушаков, 1985: 33—34].

Только на рубеже 1980—1990-х гг. возникли политические, организационные и методологические предпосылки для переосмысления места и роли интеллигенции. Так, создатель ивановской интеллигентоведческой школы В. С. Меметов отмечал на самой первой конференции по проблемам интеллигенции: «Интеллигенция

сегодня — это вторая по численности после рабочего класса социальная группа советского общества. Она играет всё большую роль в политической, экономической, духовной жизни страны. Как известно, в 1967 году была подписана Международная конвенция об учреждении Всемирной организации интеллигентской собственности. Мне близка точка зрения авторов, которые отмечают, что на нынешнем этапе развития общества интеллигенция обладает явно выраженным признаком класса. Перестроочные процессы вызвали небывалый подъём в жизни советского общества и, прежде всего, в среде интеллигенции. Можно с полным основанием утверждать, что именно она приблизила перестройку» [Меметов, 1991: 3]. Спустя два с половиной десятилетия В. С. Меметов резюмировал итог своих исследований: «Следует отметить еще одно немаловажное обстоятельство. Партийно-комсомольское руководство и советская интеллигенция были связаны множеством отношений (так и хочется сказать “генетических”), большинство из которых носили неформальный и неофициальный характер. Они учились в одних и тех же вузах, вместе служили в армии и работали на освобожденной партийно-комсомольской работе» [Интеллигенция, 2016: 96]. Но, как свидетельствует высказывание М. С. Горбачева и его трактовки в прессе, в общественном сознании до сих пор существует мифологизированная картина политического участия интеллигенции в перестройке.

Методология и методы исследования

Методология предусматривает использование принципов историзма, научной объективности, причинной обусловленности процессов, явлений и событий. При изучении источников и литературы применялись специальные методы исторического исследования: историко-системный, историко-биографический, историко-социологический и историко-сравнительный.

Основная часть

Социальный облик позднесоветской интеллигенции

Вопрос о том, что представляла собой позднесоветская интеллигенция, достоин нескольких объемных монографий, поэтому здесь будут широкими мазками обозначены общие контуры решения этой проблемы. В СССР действовали несколько социологических

школ, изучавших структуру советского общества, основные слои и общественные классы, включая интеллигенцию. Так, в Ленинграде тщательно анализировали социально-психологический облик инженерно-технического корпуса. Столь пристальное внимание к этому профессиональному отряду объяснимо: именно инженерно-технический корпус играл значительную роль в развитии промышленности в целом, и оборонной индустрии в частности; в 1960—1980-е гг. происходит заметный численный рост этой группы, как в удельном значении, так и в абсолютных цифрах. Если в 1960 году доля инженеров среди всех занятых в промышленности составляла 8,9 %, то к 1985-му она выросла до 14,6 %. В целом численность ИТР выросла с 2 млн 18 тыс. чел. в 1960 году до 5 млн 548 тыс. в 1985 г. [Советская интеллигенция, 1987: 129].

В первой половине 1970-х гг. ленинградские социологи провели длительное комплексное исследование, охватившее более 1000 респондентов — инженеров девяти ленинградских проектно-конструкторских организаций. Всего изучению подверглись 524 инженера, 387 руководителей групп, 184 главных инженера. Результаты обследования были обнародованы в коллективной монографии «Социально-психологический портрет инженера», опубликованной под общей редакцией основателя ленинградской социологической школы профессора В. А. Ядова. С точки зрения практической социологии эти данные давно утратили актуальность, однако сами сведения могут служить своеобразным срезом, демонстрирующим все особенности изучаемой социальной группы в период «зрелого социализма». Видимо, это понимали и сами ленинградские социологи: «На уровне ценностных ориентаций мы фактически имеем дело не столько с инженерами, сколько с советскими гражданами середины 70-х годов, мужчинами и женщинами, представителями интеллигенции, живущими в Ленинграде — крупном индустриальном и культурном центре СССР» [Социально-психологический..., 1977: 117].

Обследование проводилось в учреждениях с типично советскими наименованиями: Гипроприбор, Гидропроект, Промэнерго-проект, Ленпроект, Теплоэлектропроект, Гипромашбогащение, Теплопроект, Ленгипроинжпроект и Гипроторг. Как видно, это гражданские организации, скорее всего, не имевшие прямого отношения к оборонным разработкам, о чем косвенно свидетельствует и публикация итогов обследования в открытой печати. В сфере

оборонных разработок условия труда и его оплата могли заметно отличаться от гражданского сектора. Например, доктор технических наук А. Б. Прищепенко вспоминал, что в середине 1970-х гг., после окончания МИФИ, он поступил на работу в НИИ авиационной автоматики (отраслевой НИИ в системе атомной промышленности), где получал оклад в полтора раза больший, чем у инженеров в «мирных» институтах [Прищепенко, 2009: 72—73]. Причем это касалось не только инженерно-конструкторского состава, но и представителей управленческой интеллигенции. Известный политический журналист А. Е. Бовин рассказывал, что в конце 1950-х гг. ему предлагали работу инструктора райкома КПСС в закрытом уральском городе с зарплатой втрое большей (!), чем на «большой земле» [Бовин, 2003: 81—82].

А теперь о материально-бытовых условиях респондентов ленинградского опроса. Из них 62,2 % проживали в отдельных квартирах, что для Ленинграда 1970-х гг. было очень высоким показателем. В среднем в то время в «северной столице» своим жильем обладали только 47 % семей, остальные жили в коммуналках. Столь же высокой по советским меркам была обеспеченность бытовой техникой: 10,2 % имели автомашины, 36 % — мотоциклы или мотороллеры, 90 % — телевизоры и радиоприемники, 74,7 % фотоаппараты и кинокамеры, 88,9 % — холодильники, 67,4 % — пылесосы и полотеры. Средний доход в семьях советских ИТР оценивался авторами исследования в 90 руб. на человека [Социально-психологический..., 1977: 200—201]. В семье того времени примерно половина ее членов были неработающими (дети и пенсионеры), так что среднюю зарплату можно грубо оценить в 180 руб., что для середины 1970-х гг. вполне достойный уровень. Таким образом, советские инженеры эпохи «зрелого социализма» отнюдь не были нищей социальной группой, как это иногда пытаются представить в исторической публицистике.

Сопоставимый уровень зарплат был и в различных группах гуманитарной интеллигенции. В системе научно-популярных журналов ЦК ВЛКСМ в 1966 г. были установлены следующие должностные оклады: главный редактор — 280 руб.; заместитель главного редактора — 240 руб.; ответственный секретарь — 210 руб.; заведующие отделами — от 160 до 180 руб.; литературные сотрудники — от 130 до

160 руб.² Руководитель областного цензурного ведомства (т. н. облита) в то же время зарабатывал 200 руб. в месяц; старшие цензоры — 115 руб.; цензоры — 105 руб.³ У некоторых групп уровень оплаты был еще выше. Например, член-корреспондент Академии наук получал только за факт членства (т. е. «за погоны») 250 руб.; а действительный член АН СССР — 500 руб. Эти выплаты сохранялись и после прекращения (в силу возраста) активной исследовательской деятельности.

Конечно, следует учесть, что в советском обществе 1960—1980-х гг. деньги не играли решающей роли. Гораздо большее значение имел доступ к внеэкономическому распределению благ, т. е. привилегии. Например, ведущие советские фантасты с мировой известностью братья А. Н. и Б. Н. Стругацкие долгое время проживали в семьях родителей своих жен: Аркадий Натанович в Москве, а Борис Натанович в Ленинграде. Причем Аркадий отвергал предложения младшего брата приобрести жилье в жилищном кооперативе (ЖСК) под тем предлогом, что такие известные писатели должны получить квартиры от Союза писателей. И только когда жилищный вопрос окончательно обострился, Борис Натанович купил кооперативную квартиру в Ленинграде, а спустя несколько лет жилье в ЖСК приобрел и Аркадий Стругацкий в Москве. Мы можем легко составить представление о квартире А. Н. Стругацкого: точно в таком же экспериментальном доме на проспекте Вернадского снималась известная новогодняя комедия «Ирония судьбы или с легким паром» [Скаландис, 2008: 377—378]. Это было хорошая для 1970-х гг. квартира «улучшенной планировки», но все-таки не элитное жилье, на которое могли рассчитывать писатели их уровня. В то же время лица, занимавшие ответственные должности в Союзе писателей («литературные генеральы»), могли пользоваться государственными машинами, дачами и жильем элитного уровня в «цековских домах». Аналогичная ситуация была и в других творческих союзах.

Вернемся к итогам социологического обследования ленинградских инженеров. Изучаемая выборка была представлена

² Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. М85. Оп. 1. Д. 2. Л. 5а.

³ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 9425 (Главлит). Оп. 2. Д. 395. Л. 18—19 (далее: ГА РФ).

разными возрастами, но преобладала группа респондентов, достигших к началу исследования 30—35 лет, — т. н. «дети войны». Это наложило свой отпечаток на их жизненные траектории: авторы обследования подчеркнули, что многие выросли в неполных семьях, у 30 % опрошенных отцы погибли на войне [Социально-психологический..., 1977: 201]. Следует заметить, что советские ИТР даже в середине 1970-х гг. были динамичной развивающейся группой. Только у 7,4 % респондентов родители тоже были инженерами, у 33,3 % — служащими с высшим образованием. Остальные рекрутировались из семей рабочих (14,3 %), колхозников (1,8 %), служащих без высшего образования (13,7 %) и др. При этом лишь 57,9 % обследуемых инженеров были урожденными ленинградцами, остальные — приезжими [Там же]. Эти цифры могут свидетельствовать о работающих социальных лифтах и высокой социальной мобильности позднесоветского общества.

У вузовской и научной интеллигенции имелся еще один существенный ресурс — относительно свободный график труда, что давало резерв свободного времени. Еще в 1956 г. в вузах были отменены обязательные нормы учебной нагрузки на спецкафедрах, они сохранялись только при преподавании общественных дисциплин в размере 550 учебных часов в год, а для заведующих кафедрами — 420 часов (золотая мечта современных преподавателей). Также преподаватели вузов освобождались от табельного учета рабочего времени [Лебин, 1971: 129]. Конечно, по трудовому законодательству преподаватели высшей школы должны были находиться на рабочих местах 6 часов в день, но это требование во многих вузах соблюдалось номинально. Возможно, наличие свободного времени стало одной из причин высокой политической активности вузовской интеллигенции в годы перестройки. Свободным графиком обладали члены творческих союзов, они могли распоряжаться временем по своему усмотрению.

Обзор социального облика советской интеллигенции позднего социализма можно продолжать и далее. Но здесь можно резюмировать, что и в 1970-е, и в 1980-е гг. интеллигенция оставалась вполне статусной обеспеченной группой, а интеллигентские профессии пользовались популярностью у молодежи. Например, в конце 1960-х гг. среди новосибирских школьников был проведен опрос, в котором они должны были оценить престиж тех или иных

профессий по 10-балльной шкале. В итоге горный инженер и учёный-химик набрали 7 баллов, инженер-связист и врач — 6 баллов, инженер-швейник, инженер-пищевик и экономист-плановик — 3,5—3,6 балла [Социально-психологический..., 1977: 17—18]. Похожий результат был и у ленинградских школьников, которые при опросе ранжировали профессии по списку из 40 специальностей. На 3-м месте оказался инженер-радиоспециалист, на 14-м — инженер-металлург [Там же: 18].

Таким образом, интеллигенция являлась социально динамичной группой с высоким уровнем мобильности, возможностью социального продвижения. Образование оставалось важным социальным лифтом вплоть до самых последних лет существования Советского Союза.

Антиинтеллигентская кампания позднего социализма

В конце 1960-х гг. в Восточной Европе началась новая волна интеллигентофобии. Тщательный анализ данного явления дал А. В. Зябликов в своей недавней статье [Зябликов, 2023]. Однако из поля зрения исследователя выпала интеллигентофобская кампания конца 1960—1970-х гг., охватившая т. н. страны социализма. Поводом к ней стала «Пражская весна» и последовавшие за ней события. Следует заметить, что советское руководство видело в чехословацких событиях интеллигентскую окраску. Например, один из спичрайтеров Л. И. Брежнева А. Е. Бовин приводит слова генсека, сравнивавшего чехословацкий и польский кризисы: «В Чехословакии бузила интеллигенция, а здесь протестует рабочий класс» [Бовин, 2003: 217]. Одной этой оценки достаточно для развертывания кампании против интеллигенции. В СССР она проявилась в публикации антиинтеллигентского романа В. А. Кочетова «Чего же ты хочешь?». Были и другие проявления. Например, в конце 1960-х гг. социолог А. Горбовский подготовил к изданию книгу «Будущее интеллигенции», которую планировали к публикации одновременно в СССР (в Агентстве печати «Новости») и на Западе. Но Главлит остановил эту публикацию. Среди причин запрета была попытка автора увязать интеллигенцию с понятием «элитарная группа» и упоминание о борьбе советской интеллигенции с косностью официальной

бюрократии⁴. А «специалист по борьбе с идеологическими диверсиями» П. К. Болотнов в сравнительно небольшой по объему книжке дважды отметил: «Буржуазная пропаганда особое внимание уделяет воздействию на интеллигенцию и молодежь» [Болотнов, 1968: 27, 40]. И далее автор резюмировал: «К сожалению, и среди людей с высшим образованием встречаются политически незрелые люди. ... эти люди ... умудряются в злопыхательской буржуазной пропаганде находить какую-то объективность и распространять среди окружающих нелепые слухи» [Там же: 60].

Но в целом в Советском Союзе критика интеллигенции носила достаточно умеренный характер. С большей силой данная кампания развернулась в восточноевропейских государствах. В качестве примера можно привести чехословацкий детективный сериал «30 случаев майора Земана». Ряд его эпизодов посвящен событиям «Пражской весны» и следующим за ними годам. Так, в 24-й серии под красноречивым названием «Клоуны» Земан расследует преступление в среде пражской «творческой интеллигенции»; в 25-м эпизоде («Травля») сам становится жертвой журналистского расследования о репрессиях периода Готвальда и терпит притеснения по службе; 26-я серия («Колодец») завершается крахом «Пражской весны» и служебной реабилитацией Земана. В этих эпизодах бескомпромиссному майору противостоят именно чешские интеллигенты: тележурналисты, начинающие литераторы, эстрадные исполнители, — показанные в нарочито гротескном, утрированном виде. Они истеричны, лживы, мстительны, погрязли в распутстве, пьянстве и в сплетнях. Более того, 29-й эпизод сериала («Мимикия») посвящен членам андеграундной рок-группы, устраивающей подпольные концерты с так называемыми «зонгами протеста». Музыканты на поверхку оказываются наркоманами и угоняют за границу самолет, попутно убив летчика. И, наконец, финальная серия («Розы для Земана») рассказывает о тлетворном западном влиянии и сводит зрителей с некоторыми прежними персонажами-интеллигентами, которые, утратив былой лоск, теперь просто торгуют наркотиками и с которыми продолжает бескомпромиссную борьбу чехословацкая госбезопасность. Примечательно, что сериал «30 случаев майора Земана» в 1980-е гг. демонстрировался и на советском телевидении. Но, если следовать

⁴ ГА РФ. Ф. 9425 (Главлит). Оп. 1. Д. 1372. Л. 7.

телепрограмме, указанные «антиинтеллигентские» эпизоды в советский показ не попали (кроме финальной 30-й серии), что может свидетельствовать о крайне осторожном отношении власти к такому вопросу, как отношения с интеллигенцией⁵.

Фактический провал последней антиинтеллигентской кампании в СССР связан во многом с нежеланием представителей интеллигентии выполнять данный заказ. Например, в конце 1970-х гг. известный режиссер Г. А. Панфилов получил задание создать фильм об интеллигентах-отщепенцах, бросающих Родину и выезжающих в эмиграцию. Сразу же выторговав невмешательство киновластей, Г. А. Панфилов выполнил задачу формально, по-своему расставив акценты⁶. В сделанном им фильме «Тема» действительно есть персонаж в исполнении Станислава Любшина, намеревающийся покинуть СССР. Но центральной фигурой стал вполне лояльный власти преуспевающий писатель Ким Есенин в исполнении Михаила Ульянова, бывший фронтовик, который на деле оказался конъюнктурщиком, бабником, пьяницей. Конечно, такая трактовка власть не устроила, и фильм положили на полку. Некоторое противопоставление интеллигентии и рабочего класса есть в фильме «живого классика» советского кинематографа С. А. Герасимова «Дочки-матери». По его сюжету девушка-сирота из рабочей среды разыскивала свою мать и попала в ходе поиска в московскую интеллигентскую семью. Такое «столкновение цивилизаций» привело к различного рода коллизиям, но С. А. Герасимов не случайно считался мэтром и сделал это противостояние настолько деликатным, что в фильме нет отрицательных и положительных героев, каждый персонаж по-своему объемен и неоднозначен.

Таким образом, значимость различных профессиональных отрядов интеллигентии для стабильности режима вынуждала власть искать с ней общий язык, избегать открытых конфликтов, хотя и не пренебрегать идеяным контролем в разнообразных формах.

⁵ Телепрограмма с 01.01.1979 по 31.12.1990. URL: <https://20vek.net/> (дата обращения: 25.12.2024).

⁶ Однако существует мнение, что на самом деле никакого заказа против диссидентов-эмигрантов при заявке на фильм «Тема» не было: Фильм Глеба Панфилова «Тема»: <https://dzen.ru/a/Z77Nikwq1hFFpjEo?ysclid=m7nmn750b4317434877> (дата обращения 25.12.2024).

Советская интелигенция во власти

Опять обратимся к работе ленинградских социологов. Авторы исследования разделили респондентов на 6 категорий по *деловым и профессиональным качествам*: «инженеры поневоле», «исполнительные», «добросовестные», «непрятязательные», «самопрограммируемые» и «самоуверенные» [Социально-психологический..., 1977: 119—126]. Среди них высшие позиции заняли «самопрограммируемые» и «самоуверенные». Именно в этих группах ярче были выражены ориентация на профессиональный успех, инициатива, энергичность. Представители этих групп быстро добивались служебного продвижения. Каждый десятый из инженеров с 10-летним стажем выдвигался на должность руководителя группы. Среди инженеров с 15-летним стажем доля руководителей групп увеличивается вдвое, а при достижении 20-летнего показателя уже половина занимает должности старших инженеров или руководителей групп [Там же: 79]. Следует заметить, что продвижение по карьерной лестнице требовало от инженеров не только профессиональных, но и значительных организационно-управленческих компетенций. Авторы исследования особо отмечали: «Главный инженер проекта решает не только технические, но и организационные вопросы... Главный инженер проекта обязан обеспечивать применение новейших достижений науки и техники, эффективных конструкций, материалов и изделий, снижение стоимости строительства. Он также руководит работой подчиненных групп, несет основную ответственность за выполнение плана работы, участвует в составлении заданий на проектирование, контролирует полноту и качество их выполнения, составляет технические условия и согласовывает их с заказчиком, защищает выполненные проекты» [Там же: 38—39].

Однако ориентация на успех в профессиональной сфере не обязательно сочеталась со стремлением к высокой социально-политической активности. Авторы исследования отмечали низкую общественно-политическую активность своих респондентов: они тратили на общественную работу и политическое самообразование от 30 (женщины) до 35 (мужчины) минут в неделю, что, прямо скажем, немного [Там же: 189]. Так же этому препятствовали как специфика элитного отбора в советском обществе, так и культивируемые в

процессе этого отбора качества. Конечно, авторы цитируемого обследования не могли назвать своими словами «сервилизм» или «конформизм». Но не упомянуть об этих явлениях тоже не могли — правда, представили их как явления единичные. «Отсутствие привычки высказывать собственное мнение обернулось гражданской безответственностью, — пишут авторы исследования и продолжают. — Истоки подобной “диспозиции” следует искать в обстоятельствах семейного и школьного воспитания инженера, в том, какие нравственные качества сформировались … в студенческие годы. Конечно, случившееся является также следствием организации труда и психологического климата …» [Там же: 140].

Тем не менее инфильтрация интеллигенции в партийно-государственные органы в СССР 1970—1980-х гг. шла довольно активно. По официальным советским данным, к 1985 году среди секретарей райкомов, горкомов и окружкомов КПСС выходцы из промышленности и сельского хозяйства составили 68 %, а среди секретарей обкомов, крайкомов — 83 %. Причем почти все они (99,9 %) имели высшее образование [Советская интеллигенция, 1987: 207]. Аналогичная ситуация была в т. н. советских органах. К середине 1980-х гг. доля лиц с высшим образованием в местных советах составляла 30,7 %, в Верховных Советах союзных и автономных республик — 49,4 %, в Верховном Совете СССР — 54,2 % [Там же: 94]. Конечно, данная «цифрица» достаточно лукава. Те же Советы формировались квотированным способом, когда представительство различных социальных групп определялось директивно. Работники партаппарата зачастую были профессиональными чиновниками, из карьерных соображений получавшими либо заочное профессиональное образование, либо управленческое образование в системе совпаручебы.

Не следует забывать, что в позднем СССР всегда существовал слой интеллигенции, близкий к власти и занимавшийся ее интеллектуальным обслуживанием. На высшем уровне — это аппарат консультантов ЦК КПСС, о деятельности которого мы узнали из воспоминаний Ф. М. Бурлацкого, А. Е. Бовина и дневников А. С. Черняева. На следующем уровне был обширный штат отраслевых и страноведческих НИИ, включая Институт марксизма-ленинизма (ИМЛ), Институт мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО), Институт востоковедения АН СССР (ИВ АН), Институт стран Латинской Америки, Институт США и Канады — и мн. др.

К категории интеллектуальной обслуги режима относился немногочисленный, но очень важный институт политических обозревателей центральных газет. Хотя их было немного (по утверждению А. Е. Бовина, в начале 1970-х гг. в центральных газетах — всего 7 политических обозревателей), они занимали высокое положение. Зарплата в 500 руб. не считая гонораров, доступ к правительенной связи в виде кремлевской АТС (т. н. «вертушки»), пользование служебной автомашиной, лечение в кремлевской поликлинике и питание в соответствующей столовой [Бовин, 2003: 265]. На низовом, региональном, уровне это были лекторские группы крайкомов и обкомов, сотрудники местных партийных и комсомольских изданий. Иначе говоря, значительная группа советской интеллигенции уже была во власти или около нее. И если она не прямо влияла на принятие политических и административных решений, то заметно детерминировала данный процесс.

Именно интеллигенция стала наиболее радикальной в своих политических требованиях группой в попытках реформирования СССР во второй половине 1980-х гг. Данное обстоятельство однозначно свидетельствует о большом значении интеллигенции в социальной структуре позднесоветского общества. Различные группы научной и творческой интеллигенции стали ведущей движущей силой горбачевской перестройки. Можно вспомнить обстоятельства 5-го съезда кинематографистов в мае 1986 г., когда в полной мере проявился протестный потенциал, накопленный деятелями киноискусства. После объявления на XIX партийной конференции альтернативных выборов в советские органы именно представители интеллигенции в Москве и других крупных городах стали формировать инициативные группы по выдвижению и поддержке альтернативных кандидатов. С этого и началось формирование многопартийной системы. И, как и в начале XX века, возникавшие новые партии также носили интеллигентский характер и конструировались под идеологические модели различных групп интеллигентов. В силу этого интеллигенция составила значительную группу в депутатском корпусе Съездов Народных депутатов союзного и российского уровней.

Сохранилась тенденция активного участия интеллигенции в Государственных Думах 1990-х гг. Во II Думе 1990-х гг. количество депутатов с высшим образованием составило 94,7 % от всего депутатского корпуса. Причем из них 22,3 % имели ученую степень

кандидата, а 11,9 % — доктора наук, 9,6 % — ученое звание профессора, 8,5 % — академика, 2,2 % — члена-корреспондента, 7,7 % — доцента или старшего научного сотрудника. Самой «высокообразованной» была фракция «Яблоко» (100 % с высшим образованием), а «наименее образованной» — фракция ЛДПР (88,2 %). В остальных фракциях депутаты с высшим образованием уверенно составляли свыше 90 % [Васильев, 1998: 75]. Конечно, при анализе этих данных следует учитывать большее распространение высшего образования, которое стало обязательным для многих видов профессиональной деятельности. Но сведения по родам занятий депутатов также не оставляют сомнения, что интеллигенция (в социологическом понимании термина) составляла в парламентах 1990-х значительную часть.

Заключение

Как мы видим, утверждение М. С. Горбачева о том, что интеллигенция не смогла заменить партаппарат, и комментарии его критиков об отсутствии у интеллигенции необходимого управленческого потенциала не совсем соответствуют действительности. Советская интеллигенция была чрезвычайно активна политически, но степень ее активности зависела от внешних условий, прежде всего, от пределов допустимого властями. При этом следует учитывать, что интеллигенция во многом поставляла управленческие кадры. Другой вопрос, что, попадая в структуры власти, специалист с высшим образованием должен был играть уже по внутриаппаратным стандартам, фактически превращаясь в чиновника.

Сама по себе постановка вопроса, что интеллигенция не смогла заменить бюрократию, носит спекулятивный характер. Она и не могла этого сделать по функциональным качествам. Другой вопрос — что она не стала социальной опорой реформаторского крыла КПСС. Но здесь, видимо, проблема не интеллигенции, а самого М. С. Горбачева и его соратников. Интеллигенция активно приняла перемены, но половинчатость и непоследовательность реформаторов заставила ее поддержать другие силы, в первую очередь власти национальных республик, набиравших силу. В России таким стало демократическое движение, персонифицированное в лице, прежде всего, Б. Н. Ельцина.

Список источников

- Араб-Оглы Э. А.* О социальных последствиях научно-технической революции // Научно-техническая революция и общественный прогресс. М.: Мысль, 1969. С. 3—35.
- Араб-Оглы Э. А.* Обозримое будущее: социальные последствия НТР. Год 2000. М.: Мысль, 1986. 204 с.
- Бовин А. Е.* ХХ век как жизнь: воспоминания. М.: Захаров, 2003. 773 с.
- Болотнов П. К.* О подрывной деятельности иностранных разведок и повышении революционной бдительности. М.: [б. и.], 1968. 117 с.
- Васильев И. А., Дудина О. М., Мельникова А. Т.* Групповой портрет Госдумы — 96 // Социологические исследования. 1998. № 1. С. 73—81.
- Восленский М.* Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М.: Захаров, 2005. 640 с.
- Зябликов А. В.* Рецидивы интеллигентофобии в общественном сознании современной России // Интеллигенция и мир. 2023. № 2. С. 9—30.
- Интеллигенция и интеллектуалы — такие разные ... и похожие. Проблемы самоопределения и деятельности в ХХ — начале XXI века: кол. монограф. / отв. ред. В. С. Меметов, В. Л. Черноперов. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2016. 200 с.
- К событиям в Чехословакии. Факты, документы, свидетельства прессы и очевидцев. М.: Пресс-группа советских журналистов, 1968. 160 с.
- Левин Б. Д., Цыпкин Г. А.* Права работника науки. Л.: Наука, 1971. 226 с.
- Меметов В. С.* Интеллигенция и политика (Вступительное слово на открытии конференции «Интеллигенция и политика». 18—19 апреля 1991 г.) // Интеллигенция и политика: тез. докл. межрегиональн. науч.-теорет. конф., Иваново, 18—19 апреля 1991 г. Иваново: Иван. гос. ун-т. 1991. С. 3—6.
- Останин А. К.* Влияние научно-технической революции на изменения социально-классовой структуры советского общества // Научно-техническая революция и общественный прогресс. М.: Мысль, 1969. С. 77—114.
- Прищепенко А. Б.* Шелест гранаты. М.: Моркнига, 2009. 256 с.
- Скаландис Ант.* Братья Стругацкие. М.: АСТ, АСТ Москва, 2008. 704 с.
- Советская интеллигенция: словарь-справочник / сост. В. С. Волков. М.: Политиздат, 1987. 224 с.
- Социально-психологический портрет инженера / под ред. В. А. Ядова. М.: Мысль, 1977. 231 с.
- Ушаков А. В.* Интеллигенция России в период буржуазно-демократических революций // Интеллигенция и революция. ХХ век. М.: Наука, 1985. С. 5—62.
- Федюкин С. А.* Великий Октябрь и интеллигенция. М.: Наука, 1972. 472 с.

References

- Arab-Ogly, E. A. (1969), ‘On the social consequences of the scientific and technological revolution’, in *Nauchno-tehnicheskaiia revoliutsii i obshchestvennyi progress*, Mysl’, Moscow, Russia: 3—35.
- Arab-Ogly, E. A. (1986), *Obozrimoe budushchee: sotsial’nye posledstviia NTR. God 2000* [The foreseeable future: social consequences of scientific and technological revolution. Year 2000], Mysl’, Moscow, Russia.
- Bolotnov, P. K. (1968), *O podryvnoi deiatel’nosti inostrannikh razvedok i povyshenii revoliutsionnoi bditel’nosti* [On the subversive activities of foreign intelligence services and increasing revolutionary vigilance], [bez izdatel’stva], Moscow, Russia.
- Bovin, A. E. (2003), *XX vek kak zhizn’: vospominaniia* [The XX century is like life: memories], Zakharov, Moscow, Russia.
- Fedyukin, S. A. (1972), *Velikii Oktiabr’ i intelligentsia* [The Great October Revolution and the intelligentsia], Nauka, Moscow, Russia.
- K sobytiiam v Chekhoslovakii. Fakty, dokumenty, svидетельства прессы и очевидцев* [To the events in Czechoslovakia. Facts, documents, press and eyewitness accounts] [1968], Press-gruppa sovetskikh zhurnalistov, Moscow, Russia.
- Levin, B. D. and Tsypkin, G. A. (1971), *Prava rabotnika nauki* [Rights of a researcher], Nauka, Leningrad, Russia.
- Memetov, V. S. (1991), ‘Intellectuals and Politics (Opening remarks at the opening of the conference “Intellectuals and Politics.” April 18—19, 1991)’, in Memetov, V. S. (ed.), *Intelligentsia i politika: tezisy dokladov mezhdunarod’noi nauchno-teoreticheskoi konferentsii* [Intelligentsia and politics: abstracts of reports of the interregional scientific and theoretical conference], Ivanovo, Russia, 18—19 April 1991, Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo: 3—6.
- Memetov, V. S. and Chernoperov, V. L. (eds) (2016), *Intelligentsia i intellektualy — takie raznye ... i pokhozhie. Problemy samoopredeleniia i deiatel’nosti v XX — nachale XXI veka: kollektivnaia monografija* [The intelligentsia and intellectuals are so different... and similar. Problems of self-determination and activity in the XX — early XXI centuries: collective monograph], Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo, Russia.
- Ostanin, A. K. (1969), ‘The influence of the scientific and technological revolution on changes in the social and class structure of Soviet society’, in *Nauchno-tehnicheskaiia revoliutsii i obshchestvennyi progress* [Scientific and technological revolution and social progress], Mysl’, Moscow, Russia: 77—114.
- Prishchepenko, A. B. (2009), *Shelest granaty* [The rustle of a grenade], Morniga, Moscow, Russia.
- Skalandis Ant (2008), *Brat’ia Strugatskie* [Strugatsky brothers], AST, AST Moskva, Moscow, Russia.

- Ushakov, A. V. (1985), ‘The intelligentsia of Russia during the period of bourgeois-democratic revolutions’, *Intelligentsiya i revoliutsiya. XX vek*. [Intelligentsia and revolution. XX century], Nauka, Moscow, Russia: 5—62.
- Vasiliev, I. A., Dudina, O. M. and Melnikova. A. T. (comps) (1998), ‘Group portrait of the State Duma — 96’, *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], no. 1: 73—81.
- Volkov, V. S. (comp.) (1987), *Sovetskaia intelligentsiya: slovar'-spravochnik* [The Soviet Intelligentsia: a dictionary reference], Politizdat, Moscow, Russia.
- Voslensky, M. (2005), *Nomenklatura. Gospodstvuiushchii klass Sovetskogo Soiuza* [Nomenclature. The ruling class of the Soviet Union], Zakharov, Moscow, Russia.
- Zyablikov, A. V. (2023), ‘Relapses of intellectual phobia in the public consciousness of modern Russia’, *Intelligentsiya i mir* [Intelligentsia and the world], no. 2: 9—30.
- Yadov, V. A. (ed.) (1977), *Sotsial'no-psikhologicheskii portret inzhenera* [Social and psychological portrait of an engineer], Mysl', Moscow, Russia.

Статья поступила в редакцию 09.01.2025; одобрена после рецензирования 28.01.2025; принята к публикации 30.01.2025.

The article was submitted 09.01.2025; approved after reviewing 28.01.2025; accepted for publication 30.01.2025.

Информация об авторе / Information about the author

B. B. Комиссаров — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры агрономии и землеустройства, Верхневолжский государственный агробиотехнологический университет, Иваново, Россия.

V. V. Komissarov — Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Professor of the Department of Agronomy and Land Management, Upper Volga State Agrobiotechnological University, Ivanovo, Russia.

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

FROM THE HISTORY OF THE INTELLIGENTSIA

Интеллигенция и мир. 2025. № 3. С. 30—50.

Intelligentsia and the World. 2025. No. 3. P. 30—50.

Научная статья

УДК 329+94(47)"1917"

EDN <https://elibrary.ru/fldrbbj>

DOI: 10.46725/IW.2025.3.2

Научная специальность ВАК

5.6.1. Отечественная история

ЛЕГАЛИСТЫ МЕЖДУ РУССКИМИ РЕВОЛЮЦИЯМИ: ВОСПОМИНАНИЯ СОВРЕМЕННИКОВ

Данил Вячеславович Рыбин

Санкт-Петербургский институт (филиал),

Всероссийский государственный университет юстиции

(РПА Минюста России), Санкт-Петербург, Россия,

danilarybin@rambler.ru, SPIN-код: 9503-1890,

<https://orcid.org/0000-0003-4851-2235>

Аннотация. В статье рассматривается история легалистского движения через мемуарные источники. Цель исследования — на основе мемуарной литературы выявить внутренние связи и группы, сложившиеся внутри либеральной юриспруденции Российской империи. Под либеральными легалистами понимается объединение либеральных сановников Российской империи второй половины XIX — начала XX в., преимущественно выходцев из судебного корпуса и ученых-юристов, а также их «спутников», ученых-экономистов, либеральных чиновников и пр. Идеологию легалистов можно определить как консервативный либерализм, а их идеяным вдохновителем был известный ученый-юрист Б. Н. Чичерин.

В нашей работе, опираясь на воспоминания легалистов, мы прослеживаем развитие этой группы. Умеренные либералы, захваченные бурными событиями, пытались, опираясь на свои этические догмы, внести моральное

начало в политику. Несмотря на постоянные поражения, они вновь возобновляли попытки по внедрению правопорядка и законности в государстве. Что интересно, и это отражает мемуарная литература, несмотря на постоянные поражения и жалобы, легалисты не унывали и с оптимизмом смотрели в будущее. Они исходили из того, что Россия является частью мирового процесса и в ней в свое время наступит «всё то, что есть в Европе». Тем горше были их переживания после 1917 года: Россия потеряла шанс на европейское развитие и «скатилась в дикое варварство».

Значительная часть воспоминаний и дневников опубликованы. Это облегчает задачи исследователя. Привлечение архивных источников вкупе с печатными изданиями позволяет сличить разнородные данные и прийти к общим выводам. Использование проблемно-хронологического метода и метода сравнения позволяют провести этот анализ.

Ключевые слова: А. Ф. Кони, П. А. Гейден, М. М. Ковалевский, легалисты, консервативный либерализм, либерализм, мемуары, правовой порядок

Для цитирования: Рыбин Д. В. Легалисты между русскими революциями: воспоминания современников // Интеллигенция и мир. 2025. № 3. С. 30—50.

Original article

LEGALISTS BETWEEN THE FIRST AND SECOND REVOLUTIONS IN THE MEMOIRS OF CONTEMPORARIES

Danil V. Rybin

St. Petersburg Institute (branch), All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia),
Saint Petersburg, Russia, danilarybin@rambler.ru, SPIN: 9503-1890,
<https://orcid.org/0000-0003-4851-2235>

Abstract. The article examines the history of the legalist movement through memoir sources. The purpose of the study is to identify internal connections and groups that formed within the liberal jurisprudence of the Russian Empire based on memoir literature. Liberal legalists are understood as an association of liberal dignitaries of the Russian Empire in the second half of the 19th — early 20th centuries, mainly those from the judicial corps and legal scholars, as well as their “companions”, economists, liberal officials, etc. The ideology of the legalists

can be defined as conservative liberalism, and the famous legal scholar B. N. Chicherin was their ideological inspirer.

In our work, through memoirs of legalists, we trace the development of this group. Moderate liberals, captured by turbulent events, tried, relying on their ethical dogmas, to introduce a moral principle into politics. Despite constant defeats, they again renewed attempts to introduce law and order in the state. What is interesting, and this is reflected in the memoir literature, is that despite constant defeats and complaints, the legalists did not lose heart and looked to the future with optimism. They proceeded from the fact that Russia was part of the world process and in due time it would have “everything that is in Europe”. Their experiences after 1917 were even more bitter. Russia lost the chance for European development and “slid into wild barbarism”. A significant part of the memoirs and diaries have been published. This makes the researcher's tasks easier. The use of archival sources together with printed publications allows us to compare disparate data and come to common conclusions. The use of the problem-chronological method and the comparison method allows us to conduct this analysis.

Keywords: A. F. Konii, P. A. Gayden, M. M. Kovalevsky, legalists, conservative liberalism, liberalism, memoirs, legal order

For citation: Rybin, D. V. (2025), ‘Legalists between the first and second revolutions in the memoirs of contemporaries’, *Intelligentsia i mir* [Intelligentsia and the world], no. 3: 30—50 (in Russ.).

Введение

Среди исторических источников по движению либеральных легалистов важнейшее место принадлежит источникам личного происхождения. В их число входят мемуары, дневники, воспоминания, записки.

В научной литературе легализм как единое движение не получил освещения. Поскольку легалисты зачастую не оформляли свои организации, а отдавали приоритет личным связям, воспоминания являются для нас важнейшими источниками об их деятельности, помогающими лучше понять сущность движения. Именно поэтому в нашей выборке мы анализируем комплекс мемуарной литературы.

После легализации политических партий российская интеллигенция с головой окунулась в процессы партогенеза, выборы в Государственную Думу и региональные представительные учреждения, политическую борьбу и т. п. Как известно, всё закончилось 1917 годом и крушением надежд для многих акторов этих событий.

Вполне объяснимо их желание через некоторое время написать мемуары, призванные пролить свет на события, людей, а также восполнить по возможности пробелы в историческом полотне эпохи «освободительного движения». Мы располагаем довольно впечатляющим списком воспоминаний современников по легалистскому движению. Это ценный арсенал источников, несмотря на неизбежный субъективизм авторов. Всего воспоминаний, затрагивающих легализм, насчитывается более сотни, поэтому мы остановимся только на тех, в которых история легализма отражается в наиболее яркой форме.

Авторитетным исследователем в нашей теме является Нина Борисовна Хайлова. Проанализировав воспоминания, она установила лично-политические связи между М. М. Ковалевским и С. Ю. Витте; подробно разбрала воспоминания И. Н. Ефремова, Д. Н. Шипова; изучала воспоминания оппонентов и внешних наблюдателей, подвергавших легалистов пристальному разбору [Хайлова, 2021: 65—68]. Среди ряда работ Н. Б. Хайловой на эту тему можно выделить публикации М. М. Ковалевского о Витте, В. В. Водовозова о Ковалевском, воспоминания И. Н. Ефремова о работе в Государственной Думе [Хайлова, 2010, 2011, 2014а, 2014б]. Стоит отметить, что, возможно, масштаб работы исследователя не позволили ей привлечь много других воспоминаний легалистов и о легалистах. Тем не менее выдержки из некоторых воспоминаний (М. М. Ковалевского, В. А. Оболенского, В. А. Маклакова, Ф. А. Головина и пр.) она активно использовала в своей диссертации. Также Н. Б. Хайлова «извлекла на свет» редко используемые дневники легалистов (П. А. Гейдена и К. К. Арсеньева и др.), которые подвергла критическому разбору [Ее же, 2017, 2018, 2021].

Большой пласт рассуждений о мемуарной литературе либералов содержится в диссертации и монографии А. Н. Егорова [Егоров, 2007, 2014]. Анализ мемуарной литературы либеральных политиков в годы предвыборных кампаний проводится в отдельных работах О. А. Патрикеевой [Патрикеева, 2018]. В большинстве случаев (за редким исключением) историки составляли краткую аннотацию к публикуемым мемуарам (частям); особенно часто такие аннотации известны по трудам В. К. Соловьева, В. М. Шевырина, В. В. Шелохаева. Подробный анализ литературы проводился редко.

Воспоминания дают нам представление о том, что большая часть легалистов были близкими друзьями: они переживали друг за друга, заботились о товарищах, поддерживали их, финансировали и совершали прочие коллективные действия. При этом каждый из них был талантливой индивидуальностью. Иначе говоря, они объединялись между собой наподобие союза взрослых, уважающих друг друга единомышленников. Такие сообщества характеризуются горизонтальными связями. Это придавало их объединениям непрочный характер, но, с другой стороны, существовали глубокие межличностные связи, удерживающие их вместе. Иерархия основывалась исключительно на степени уважения к конкретному человеку, зависящей из личного вклада индивида в общее дело (построение либерального этического общества). Юрист из Перми или Одессы, неизвестный в России, мог находиться чуть ниже общего уровня признания, а Кони, Таганцев или Ковалевский могли, за счет своего авторитета строителей правового государства, существенно возвыщаться над остальными единомышленниками. Например, любые споры коллег могли быть прерваны мнением лидеров, которые высказывали его крайне неохотно, стараясь избежать персональной ответственности за политические решения.

В начале XX века основная мемуарная литература относилась к выдающимся легалистам, выходцам в основном из профессорской или адвокатской среды. Воспоминаний о сановниках-легалистах выходило мало, популярностью они в то время не пользовались. Исключением стали только мемуары о А. Ф. Кони, а также воспоминания Н. С. Таганцева.

Так как тема идеологии российского государства — консервативный либерализм или либеральный консерватизм — остается важной и в настоящее время, мы уверены, что наша работа является актуальной.

Методология и методы исследования

В качестве основного метода использовался проблемно-хронологический подход. Сравнительный метод позволяет выявить точки зрения сторонников и противников легализма при их сопоставлении.

Основная часть

А. Ф. Кони. В 1915 году вышла статья одесского юриста Бориса Соломоновича Вальбе, посвященная биографическим очеркам

Анатолия Федоровича Кони. С одной стороны, Вальбе отдавал должное Кони и подчеркивал его достижения. С другой — он утверждал, что Кони принадлежит прошлой эпохе, XIX веку. «Старый утопист» живет той эпохой, всем говорит о ней. Его слова, «большинству ставшие непонятными», — это как милые воспоминания о былом обществе. Труды Кони — это панегирик, где стираются конфликты и разногласия. В своих трудах Кони рисует образ морального героя, образца; его герои как бы действуют вне социального контекста. Создавая образы реформаторов, общую социальную картину Кони игнорировал; интеллектуальные особенности людей его мало интересовали, ему были важны психологические аспекты личности. Он тщательно искал и выделял «добрые чувства», переживал из-за распада моральных ценностей, верил, что это явление носит временный характер. И, по Кони, возрождение морали грядет. Здесь Вальбе неосознанно нарисовал образ легалиста-идеалиста, характерный для многих представителей этого движения, ибо такими же чертами можно было наделить князя Евгения Трубецкого или публициста Константина Арсеньева [Вальбе, 1915].

В качестве наиболее взвешенной публикации можно привести статью коллеги Кони — Н. Чебышева, бывшего сенатора. Приверженность закону и правосудию сближала характеры двух бывших судей. Чебышев отмечал, что суд, где блистал наш гуманист, в России долгое время заменял парламент. Кони не успел создать техническую школу юристов, но зато «дал нам корпоративную этику». Кони — кодификатор судебной этики. Таким заявлением Чебышев подчеркнул, что Кони не просто разрабатывал этику, а был идеологом судебного сословия. Архивные материалы подтверждают, что Кони в начале XX века очень энергично отстаивал групповые интересы судебного корпуса [Чебышев, 1927: 4—5].

Стоит также отметить, что Кони написал воспоминания о почти всех легалистах второго поколения, своих современниках. Перечень его мемуаров о ведущих легалистах представляет из себя почти полный список руководителей движения. Именно Кони применял в речах термин «люди правового порядка», подразумевая под ним юристов консервативно-либерального направления.

Какова же была роль Кони в политических событиях последнего десятилетия старой России? Об этом говорит только один мемуарный источник — воспоминания Д. Д. Гrimма (член Госсовета,

близкий к кадетам). Гримм, характеризуя расстановку политических сил в Государственном Совете в 1907 г., отмечал, что в палате совершенно определенно сложились три группы: группа центра, правая группа и академическая, или левая, группа. Гримм подчеркивал, что члены Совета по назначению «обходили стороной» академическую группу и не рисковали сотрудничать с ней. Он отмечал, что близок к академической группе был А. Ф. Кони. Таких «сочувствующих» в академической группе шутя называли «тайнобрачными». В 1910 г. в Государственном Совете сформировалась еще одна группа — группа беспартийных, главную роль в ней играли А. Ф. Кони и барон Ю. А. Икскуль фон Гильденбрант. В годы Первой мировой войны данная группа примкнула к Прогрессивному блоку [Гримм, 2017: 83, 84].

Гримму принадлежит очень интересная характеристика А. Ф. Кони, которая отличается от «канонического образа». Гримм констатирует, что к началу XX века сложилась устойчивая репутация А. Ф. Кони, а именно: прогрессивный, принципиальный, бесстрашный общественный деятель. Гримм признает, что А. Ф. Кони был одаренным человеком, выдающимся судебным деятелем, прекрасным оратором — и т. д. Однако Гримм отрицает, что у А. Ф. Кони был стойкий характер и бесстрашие «в выявлении определенного политического мировоззрения» [Там же: 115]. Гримм критикует А. Ф. Кони за то, что тот числился в списке беспартийных членов Государственного Совета, и считает, что позиция Кони свидетельствовала о нежелании последнего позиционировать собственные политические взгляды, а соответственно, придерживаться определенного поведения в тех или иных принципиальных вопросах. Осуждая Кони за его абсолютную политическую бесформенность, Гримм отмечает, что А. Ф. Кони в частных разговорах подчеркивал свою близость к академической группе, а во время тайного голосования солидаризовался с ней. Гримм выделяет крайнюю осторожность А. Ф. Кони и желание его скрыть симпатии к академической группе [Там же: 116].

Гримм упрекает А. Ф. Кони еще и в том, что он на общих съятиях Государственного Совета избегал публично выступать по острым политическим вопросам. По мнению Гримма, Кони любил высказываться «по нейтральным вопросам», а именно — о народном образовании, авторском праве, расширении права женщин, борьбе с пьянством и пр. В итоге Гримм резюмирует, что А. Ф. Кони

не был бесстрашным политическим борцом, «не был тем политическим Bayrdom...» [Там же: 117, 118]. Другие источники частично подтверждают точку зрения Гримма. Кони действительно часто был пассивен, чересчур осторожен. Он как политик предыдущего поколения предпочитал подковерные, закулисные переговоры. Но он оказывал решающее влияние на всё легалистское движение, и его мнение (хоть и редкое) всегда имело решающее значение для его сторонников.

Н. С. Таганцев. Следующим крупным легалистом мы можем считать Николая Степановича Таганцева, также члена Государственного совета Российской империи. После 1917 года знаменитый юрист занялся составлением своих мемуаров и стал вести дневник. Часть материалов он успел опубликовать в 1919 году. Это были воспоминания о первой русской революции.

Ряд воспоминаний посвящен совещаниям по переустройству государства, проходившим в июле 1905 — апреле 1906 г. На первом (Петергофском) совещании количество умеренных либералов и консерваторов было примерно равным (20 % участников были учениками Таганцева). Сенатор показал панораму бурных дискуссий по содержанию компетенции будущей Думы и по избирательной системе. Решившись на реформы, царь подписал манифест от 6 августа 1905 года. Один из вариантов манифеста предложил Таганцев [Таганцев, 1919: 12—14, 21—33].

Следующей стадией стали царскосельские совещания, в составе собрания во главе с Д. М. Сольским. Таганцев показывал в воспоминаниях, как шаг за шагом государство отменяло административные ограничения для политической деятельности. После 17 октября в совещания были привлечены Д. Н. Шипов и А. И. Гучков. В целом Витте перетасовал состав совещаний, резко уменьшил число консерваторов и увеличил количество либералов. Либеральные земцы настаивали на введении всеобщего избирательного права (шиповский проект № 2). Их поддерживали отдельные чиновники. Старые легалисты А. А. Сабуров и Н. С. Таганцев поддержали проект введения сословной системы выборов (№ 1), считая, что новую систему вводить преждевременно. Таким образом, они остались на своих прежних позициях постепенного реформирования государства. Вновь обозначился разлад перед умеренными либералами и либералами, и в итоге возобладал проект № 1 [Там же: 47—53, 79—98].

В третьей комиссии графа Сольского разрабатывался проект реформы Госсовета. В то время в октябре Витте вел напряженные переговоры с либералами о вхождении их в правительство. Таганцев излагает свою версию привлечения его к посту министра просвещения, полностью противоположную тому, что рассказывает в своих воспоминаниях Витте. Единственное, в чем воспоминания совпадают, — это отказ сенатора занять министерскую должность. Чтобы не допустить своего назначения, Таганцев пошел на отказ от встречи с императором, что привело к закату его политической карьеры. В новые комиссии он уже не назначался. Тем не менее проект реформы ученый подробно разобрал в своих мемуарах [Там же: 99—140].

В феврале 1906 года открылось второе царскосельское совещание, которое должно было определить положение парламента в государстве и согласовать все акты предстоящей реформы. В составе совещания вновь преобладали либеральные деятели, включая Таганцева. После серии дискуссий основы преобразования государства были окончательно выработаны и вступили в силу в конституционных актах февраля — апреля 1906 года [Там же: 141—154].

M. M. Ковалевский. Одним из ведущих лидеров легалистов был Максим Максимович Ковалевский. В 1914 году он написал свои мемуары, известные под названием «Моя жизнь», причем прямо заявлял, что изначально писать их не собирался и что они субъективны [Ковалевский, 2005: 202].

Важной частью воспоминаний стали события первой русской революции и после нее. В 1905 году вернувшись в Москву, он оказался на очередном земском съезде, где заявление А. И. Гучкова по Польше вызвало «первый раскол в прогрессивном лагере». Речь шла о разногласиях по отношению к Польше между либерально-консервативными и консервативно-либеральными группами (дискуссия по этому вопросу отражена в переписке Д. А. Милютина и Б. Н. Чичерина в конце XIX века). Первые выступали против автономии Польши, вторые за ее расширение. Стоит отметить, что только что вернувшийся из Европы Ковалевский с удовольствием принял модель Булыгинской Думы, отвечавшей, в прошлом, требованиям умеренных либералов, но быстро понял, что общество требовало гораздо больших парламентских свобод [Там же: 338—346].

С сожалением Ковалевский писал об уходе Витте с поста председателя Совета Министров. Витте, либерал, подвергшийся шельмованию со стороны либералов и социалистов, оказался чрезвычайно мягким руководителем; Горемыкин был хуже, а Столыпин еще хуже (хуже в смысле жесткости государственной политики). По утверждению Ковалевского, Витте фактически не контролировал реформируемый Совет министров [Там же: 358—361].

Когда Ковалевский вернулся из-за границы, то известные легалисты А. С. Посников и К. К. Арсеньев уже основали партию демократических реформ. Арсеньев предложил Ковалевскому вступить в партию («партию, в которую меня записали»). Обсуждая с однопартийцами программу, ученый посчитал, что нецелесообразно на тот момент предоставлять равные избирательные права всем полам, а также неграмотному населению. Ковалевский напоминал, ссылаясь на опыт Франции, что «всеобщее избирательное право может дать столько же деспота, сколько и республику» [Там же: 349, 350, 367]. Ковалевский отмечал, что публика плохо восприняла его идеи, заключив, что «мы вернулись в Петербург, не присоединив ни одного члена к нашей партии» [Там же: 350].

Печатным рупором «Партии демократических реформ» стала ежедневная газета «Страна», а Ковалевский — ее главным редактором. На издание он получил от «богатой русской семьи» 200000 рублей, к которым добавил свои средства, и 19 февраля 1906 года вышел первый номер. Ученый привлек к работе над газетой группу своих товарищей: И. И. Иванюкова, К. К. Арсеньева, А. С. Посникова и других. Большого успеха газета не имела. Не предпринималось достаточных усилий к ее распространению, а конституционно-демократическая партия приняла меры, чтобы воспрепятствовать своим членам публиковаться на страницах «Страны». Газета выходила несколько месяцев и прекратила свое существование из-за приостановления властями, судебного преследования редакторов и отсутствия средств. Ковалевский после ряда попыток возобновить выпуск был вынужден ее закрыть [Там же: 347, 349].

По его воспоминаниям, после роспуска первой Государственной Думы П. А. Столыпин предпринял попытки сформировать кабинет министров с привлечением в него ряда представителей либеральных легалистов. М. М. Ковалевский крайне негативно воспринял тот факт, что его соратники вели переговоры со Столыпиным и считали

возможным для себя работать в его команде. По мнению ученого, Столыпин не соблюдал элементарные основы правового порядка. Ковалевский писал, что люди кристальной чистоты, такие как Н. Н. Львов или граф П. А. Гейден, соглашались войти в состав образуемого Столыпиным кабинета, хотя был твердо уверен в невозможности такого шага со стороны своих единомышленников. Ковалевский понимал, что, соглашаясь вступить в состав кабинета Столыпина, они погубили бы политическую карьеру и, как мемуарист подчеркивал, «наше общее дело». В случае такого шага Львов, Кони, Гейден совершили бы *salto-mortale* и прослыли бы перебежчиками [Там же: 374]. Под «общим делом», как мы можем предполагать, имелась в виду идеология легалистов и их планы построения правового государства.

Посников и Гейден создали Партию мирного обновления, в разработке программы которой принял участие и Ковалевский. Он критиковал название партии и называл его «смехотворным», а также впоследствии отмечал, что «она встала на ноги, с тех пор как сбросила с себя это название, и слынет теперь партией прогрессистов». Ковалевский определял место этой партии в политической палитре того времени: «несколько правее к.-д. и левее октябристов». Он отмечал, что в эту партию вступали «те, кто, не решаясь открыто выступить к.-д., не хотели в то же время идти заодно ни с октябристами, ни, тем более, с националистами» [Там же: 375]. Ковалевский подробно описал политический и психологический расклад работы членов Госсовета. В частности, он вновь выделял «людей правового порядка», к которым причислял себя, Кони, Таганцева [Там же: 402].

Смерть крупного ученого в 1916 году привела к серии биографических публикаций. Одной из первых вышла работа А. Ф. Кони. В период совместной работы Кони и Ковалевского в Государственном Совете они сблизились. Кони в этой связи писал, что у них с Ковалевским был постоянный обмен мыслями и взглядами, в которых, как подчеркивал Кони, «мы по большей части, хотя иногда и по разным основаниям, сходились» [Кони, 1916: 4]. Ковалевский выступал по законодательным вопросам в Государственном Совете, как правило, от лица академической группы, членом которой он состоял. Кони, несмотря на то, что не принадлежал ни к одной из групп, тяготел к последней и часто при голосовании солидаризировался с ней. С большой симпатией он высказывался о законотворческой деятельности

Ковалевского в Государственном Совете и его выступлениях на трибуне государственной власти: у них совпадали взгляды по вопросу смертной казни, суду присяжных, свободе совести и др. [Там же: 1—19].

Ковалевский неоднократно предостерегал от поспешного и слишком широкого применения 87-й статьи Основных Законов (статья, дающая возможность императору право издавать указы законодательного характера). В частности, Ковалевский настаивал на том, что применение статьи 87 необходимо в действительно чрезвычайных обстоятельствах, которые очевидно и властно « требуют неотложных мер, откладывать которые нельзя, не рискуя общественным благом и безопасностью» [Там же: 10]. Заслуживает внимания, по мнению Кони, мысль Ковалевского, который советовал «лечить больные общественные порядки не наскоро, не в смутные эпохи, а в эпохи относительного затишья» [Там же: 16].

Кони в своих воспоминаниях о Ковалевском писал, что последний выступал в Государственном Совете с горячей защитой суда присяжных, основываясь «на вековом опыте Англии». По свидетельству Кони, Ковалевский характеризовал суд присяжных как суд жизненный, имеющий облагораживающее влияние на народную нравственность, служащий проводником народного правосознания. Кони, безусловно, симпатизировал Ковалевскому по еще одному острому общественно-политическому вопросу той эпохи — свободе совести. Сенатор, характеризуя взгляды Ковалевского, подчеркивал его уважение к гражданским правам человека и истинное понимание свободы совести, не заменяемой суррогатом свободы вероисповедания [Там же: 16, 17].

20 января 1917 года Я. Магазинер (будущий советский учёный-юрист) сделал доклад в Петроградском юридическом обществе, где постарался «по свежим следам» изложить политическую теорию Ковалевского, своего учителя. По мнению докладчика, поставив принцип свободы личности превыше всего, учёный преломлял через него закон, государство, общество. Всё вторично перед этим правом. Магазинер рисует образ глубокого интеллектуала, одионокого и, в конечном счете, не востребованного обществом. В чем-то его одиночество сродни легалистским идеям, одним из идеологов которых он был [Магазинер, 1917]. Примерно в таких же выражениях

и о том же говорил коллега Ковалевского — профессор И. И. Ивановский [Ивановский, 1916: 20—28].

В том же 1917 году вышел сборник статей-воспоминаний о личности Ковалевского. Друзья с восторгом вспоминали о радостных моментах общения с крупным ученым [М. М. Ковалевский..., 1917: 121]. В. Д. Кузьмин-Караваев (один из деятелей партии демократических реформ), рассказывая о выступлениях Ковалевского в I Государственной Думе, подчеркивал, что это, пожалуй, были одни из самых ярких речей. Поучая депутатов, Ковалевский постоянно апеллировал к парламентской практике других стран, прежде всего, Англии. Кузьмин-Караваев отмечал: когда в кулуарах Думы обсуждался вопрос о формировании ответственного министерства, происходило «распределение портфелей», и почти все депутаты считали, что Ковалевский должен был стать министром иностранных дел [Там же: 87—93]. А. Ф. Кони вспоминал о законопроектной работе Ковалевского в высшей палате империи. Он подчеркивал его роль как знатока государственного права. Члены Госсовета пасовали перед ним, им было нечего возразить, и некоторые из них были раздражены его лекциями и нравоучениями. Умеренность, ум, прогрессизм, глубина, человечность — вот характеристики Ковалевского, по мнению Кони [Там же: 69—86]. В том же году один из его учеников Аркадий Фатеев выпустил воспоминания об учителе. Он указывал, что Ковалевский был кантианцем, англоманом (проецировал английскую модель на Россию), позитивистом [Фатеев, 1917: 48—52, 59—61].

В. А. Маклаков. Ковалевский был близок к кадетской партии. Один из лидеров ее, Василий Алексеевич Маклаков также тяготел к консервативному либерализму и возглавлял правое крыло кадетов. В своих воспоминаниях он обосновывал причины того, почему либеральное движение (кадеты) после 1905 года встало на путь свержения самодержавия. Маклаков распространял свое предположение на весь либеральный лагерь, что неверно, так как группа либеральных легалистов (Партия демократических реформ, Партия мирного обновления, Прогрессивная партия) фактически до последнего момента отстаивала необходимость диалога с властью (монархией) и эволюционный путь общественно-политического реформирования России.

Маклаков сравнивал «освободительное движение» рассматриваемой эпохи с войной, которая должна была завершиться перемирием между обществом и исторической властью. Он формулировал, что эта война не была необходима. И здесь автор предлагал легалистский подход. По мнению Маклакова, самодержавие было обречено, обществу достаточно было жить и расти, чтобы получить всё, что необходимо, в том числе «увенчание здания» (то есть конституцию). Вместе с тем, как считал Маклаков, руководителям общества на тот момент не хватило терпения, и они выбрали «войну», которую они выиграли. Автор обращал внимание, что самодержавие в результате войны с обществом рухнуло, но заключить «хороший мир» победители не сумели. Маклаков фиксировал, что были «либеральные деятели старой формации», которые войны не хотели и добивались своих целей мирным путем (легалисты). По мнению Маклакова, последние служили своим идеям в рамках существовавшего строя и тем самым готовили новый порядок. В этой связи он писал: «Мировой судья, который в своей камере защищал закон и права человека, работал над “увенчанием здания” не меньше, чем те, кто в подпольной прессе требовали конституцию» [Маклаков, 1936: 140].

Особый интерес представляют воспоминания, относящиеся к годам Первой русской революции. В ходе выборов в I Государственную Думу места «справа» заняли умеренные либералы: Гейден, Стахович. О них Маклаков отзывался очень комплементарно, наделяя их положительными чертами. Говоря о Гейдене, Маклаков вспоминал, что он был проповедником «правового порядка», «здравого смысла». Стаховича Маклаков считал «идеалистом самодержавия», так как орловский дворянин думал (прямо следуя за Чичерином), что самодержавие может произвести и политическую свободу, и социальную справедливость. Ковалевского кадет не идеализировал, подчеркивая, что его независимое поведение в Думе мало кому понравилось, зато в Госсовете он принес пользу освободительному движению. Характеризуя «дикого» Кузьмина-Караваева, Маклаков, отмечал, что «он принадлежал к Партии демократических реформ, состоявшей из четырех человек», поплыл по течению и положил свой авторитет на весы демагогии. В провале переговоров лидеров либералов и Столыпина в 1906 году Маклаков винил обе стороны [Выборы в..., 2008: 89—93, 422].

Многие либералы в то время и впоследствии оценивали перспективы умеренных либералов очень скептически. Так, П. Н. Милюков дал исчерпывающую, на наш взгляд, характеристику политическим перспективам легалистского движения: «В партию [kadетов] не вошли некоторые идеиные вожди русской интеллигенции, как К. К. Арсеньев, М. М. Ковалевский и др., много поработавшие над подготовкой ее же идеологии. Непривычка ли к коллективному действию и взаимным идеиным уступкам, индивидуальность ли личностей, жизненных привычек и взглядов, — как бы то ни было, эти общественные деятели, даже пытаясь объединиться, разбились по кучкам и образовали ряд замкнутых политических клубов, которые не могли иметь влияния на ход политической жизни в стране. Одним из них “kadеты” казались слишком умеренными, другим — слишком радикальными. Они и остались наблюдателями событий и критиками — со стороны» [Там же: 102].

Оценивая судьбу легалистов, составивших основу прогрессистской партии, Милюков отмечал, что это были неподдельные конституционалисты, не желавшие леветь. Тем не менее, сохраняя принципы индивидуализма, эта партия оставалась рыхлой и недисциплинированной [Там же: 577].

Н. П. Карабчевский. Специфичны воспоминания представителей российской адвокатуры праволиберального направления. Выдающимся их представителем был Николай Платонович Карабчевский, один из ведущих петербургских адвокатов. Его записки о событиях начала XX века состояли из серии очерков, в которых он вспоминал о различных людях и давал им оценку. Так, Карабчевский негативно оценивал всех деятелей левее легалистов (kadетов и социалистов) и правее (октябристов и всех монархистов). В то же время он с неизменным пиететом положительно говорил о Кони, Случевском («юристы либерального оттенка»), Герарде, Александрове, Андреевском, Спасовиче, Д. В. Стасове и пр.

Характеризуя присяжных поверенных, он указывал, что это было сословие и профессионально, и политически либеральное. Их он противопоставлял радикальным адвокатам. Много страниц Карабчевский посвятил противостоянию либеральных адвокатов — адвокатам-социалистам, о которых он отзывался пренебрежительно (они, по его словам, не только политизировали адвокатуру, но и были попросту слабыми ораторами). Также он с усмешкой говорил

о старых адвокатах умеренно-либеральной ориентации: А. И. Турчанинове, Ф. Н. Плевако и прочих, которые потерялись в новом мире. По его словам, он чуть ли не единолично противостоял разрушению петербургской адвокатуры. Как типичный легалист Карабчевский считал, что ничего нет превыше закона; никакая политика не оправдана, если право повержено [Карабчевский, 2018: 66, 68—71, 73—78, 80—83, 180, 200, 221].

Отдельную группу мемуарной литературы составляют дневники. В них легалисты информацию о деятельности своих организаций представляли фрагментарно. Так, в бытовые описания авторы периодически вкрапляли упоминания о тех или иных коллективных действиях юристов и их соратников. К таковым относятся дневники *П. А. Гейдена¹, Н. М. Акимова², А. В. Жиркевича* [Жиркевич, 2007: 219—636]. В других же дневниках, напротив, мы находим ценные данные, которые необходимы для реконструкции связей между представителями высшей российской бюрократии и либеральной интеллигенции.

Так, в дневниках члена Государственного Совета *А. А. Половцова*, умеренного либерального юриста, мы найдем много нелестных характеристик в адрес консервативных министров и высших сановников. Хотя в большинстве своем характеристики он дает уничижительные и высмеивающие, в ряде случаев сановники награждаются положительными эпитетами. И в каждом случае это либеральные чиновники.

Особый интерес представляют подробные сведения Половцова о создании Совета министров империи, родившегося на совещании у Д. М. Сольского в 1905 году. Причем основные споры разгорелись между либеральными сановниками: А. А. Сабуровым, И. Я. Голубевым, С. С. Манухиным, С. Ю. Витте, Н. С. Таганцевым, В. Н. Коковцовым и пр. При таком раскладе либерализация управления была неизбежна — речь шла только об ее интенсивности. То же самое происходило при переформировании Государственного Совета. Витте предлагал включить в его состав В. Ф. Плевако, К. К. Арсеньева, А. И. Гучкова и пр. Половцов предлагал ввести

¹ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 887. Оп. 1. Д. 4, 5, 7.

² Российский Государственный исторический архив. Ф. 1615. Оп. 1. Д. 44, 45, 46.

М. М. Стасюлевича, Г. А. Евреинова. Также фигурировали фамилии Кони, Д. А. Милутина и других. Таким образом, в 1905 году на короткое время царь отдал управление страной в руки либеральной бюрократии, частью которой были легалисты [Голечкова, 2015: 26—37, 153—165].

Большой интерес представляют неопубликованные дневники *К. К. Арсеньева*, одного из лидеров движения. Константин Константинович оставил обширные записи с 1866 по 1919 годы (17 дел). Дневники уникальны по количеству событий и лиц, вовлеченных в них. Записи погружают нас в атмосферу либеральной интеллигенции Петербурга. Благодаря дневникам мы можем установить даты заседаний легалистских организаций, частично реконструировать ежедневное расписание лидеров легализма, в том числе Кони, Арсеньева, Спасовича и других. Лидеров легализма (они же друзья Арсеньева) автор оценивал в положительных или восхищенных выражениях. Константин Константинович вел учет количества заседаний легалистских организаций, описывал совместные обеды лидеров легализма. В 1906—1910 годах Арсеньев описал строительство Партии демократических реформ и ее провал³.

Заключение

Подводя итог, можно констатировать, что воспоминания легалистов и их оппонентов позволяют судить о них как о субъективных идеалистах. Преисполненные идеей законности и кантовской этики, они упорно (вслед за Чичериным) стремились привнести эти идеи в политику. В случае с Гейденом, Шиповым и Стаховичем это привело к расколу с правыми октябристами, готовыми следовать за правительством. В случае с Ковалевским и Арсеньевым это привело к расколу с кадетами из-за несогласия с их неразборчивостью в политической борьбе. Индивидуализм, «высокое этическое знамя», чрезмерное теоретизирование, дидактическое поучительство легалистов вызывали раздражение и отталкивали многих избирателей. При этом все признавали высокие моральные качества лидеров легализма (Витте и многие политики и публицисты с удивлением писали о морализаторстве легалистов). Нежелание принимать аморальные правила политики привело движение к банкротству и обрекло его на провал.

³ Российский государственный архив литературы и искусств. Ф. 40. Оп. 1. Д. 23—40.

Список источников

- Вальбе Б.* Анатолий Федорович Кони, литературный портретист // Известия Одесского библиографического общества при императорском новороссийском университете. 1915. Вып. 5—6. С. 253—266.
- Выборы в I—IV Государственные думы Российской империи (Воспоминания современников. Материалы и документы) / под общ. науч. ред. А. В. Иванченко.* М.: [б. и.], 2008. 860 с.
- Голечкова О. Ю.* Бюрократ его величества в отставке: А. А. Половцов и его круг в конце XIX — начале XX века. М.: АИРО-XXI, 2015. 188 с.
- Гrimm D. D.* Воспоминания: Из жизни Государственного совета 1907—1917 гг. СПб.: Нестор-История, 2017. 272 с.
- Егоров A. H.* Очерки историографии Российского либерализма конца XIX — первой четверти XX века (дореволюционный и советский периоды). Череповец: Череповец. гос. ун-т, 2007. 275 с.
- Егоров A. H.* Образ М.А. Стаховича в воспоминаниях современников // Муромцевские чтения. Труды. 2009—2013: сб. науч. статей. Орел: Издатель Александр Воробьев, 2014. С. 306—316.
- Жиркевич A. B.* Потревоженные тени... Симбирский дневник. М.: Этерна-принт, 2007. 640 с.
- Ивановский И.* Максим Максимович Ковалевский. Биографический очерк. Пг.: [б. и.], 1916. 24 с.
- Карабчевский Н. П.* Дело о гибели Российской империи. М.: Алгоритм, 2018. 240 с.
- Ковалевский М. М.* Моя жизнь: Воспоминания. М.: Российская политическая энциклопедия (РОСПЭН), 2005. 784 с.
- М. М. Ковалевский. Ученый, государственный и общественный деятель и гражданин: сб. ст. Пг.: [б. и.], 1917. 274 с.
- Кони А. Ф.* М. М. Ковалевский в законодательной деятельности. Пг.: Семообразование, 1916. 19 с.
- Магазинер Я. М.* Политическая идея М. М. Ковалевского в связи с характеристикой его личности. Пг.: [б. и.], 1917. 22 с.
- Маклаков В. А.* Власть и общественность на закате старой России (Воспоминания современника): в 3 ч.: Прил. к журн. «Иллюстрированная Россия» на 1936 г. Париж: Журн. «Ил. Россия», Ч. 1. 1936. 610 с.
- Патрикееva O. A.* Воспоминания, письма, дневники начала XX столетия как исторический источник по изучению проблемы выборов в I Государственную Думу Российской империи // Гражданский мир — гражданская война: осмысление и прогнозы: материалы Междунар. науч. конф., Санкт-Петербург, 2 марта 2018 г. / под ред. В. М. Дороштана. Санкт-Петербург: Санкт-Петербург. гос. ун-т промышлен. технологий и дизайна, 2018. С. 180—183.
- Таганцев Н. С.* Пережитое. Учреждение Государственной Думы в 1905—1906 гг. Пг.: [б. и.], 1919. 228 с.
- Чебышев Н. А. Ф.* Кони (из воспоминаний) // Возрождение. 2 октября 1927. С. 4—5.

- Фатеев А.* Максим Ковалевский (к годовщине смерти). Харьков: [б. и.], 1917. 94 с.
- Хайлова Н. Б.* «Никогда еще он не говорил так откровенно со мною». Воспоминания М. М. Ковалевского о встречах с С. Ю. Витте накануне распуска II Государственной Думы. 1907 г. // Исторический архив. 2010. № 5. С. 123—153.
- Хайлова Н. Б.* «Расскажу один удивительный и очень трогательный эпизод». Воспоминания В. В. Водовозова о М. М. Ковалевском // Исторический архив. 2011. № 3. С. 26—29.
- Хайлова Н. Б.* «Надо было на что-то решаться...». Воспоминания депутата 1-й, 3-й и 4-й Государственной Думы И. Н. Ефремова. 1932 г. // Исторический архив. 2014. № 3. С. 83—98.
- Хайлова Н. Б.* «Я постарался припомнить важнейшие события всей моей жизни». Воспоминания депутата I, III и IV Государственных Дум И. Н. Ефремова. 1932 г // Исторический архив. 2014. № 2. С. 68—89.
- Хайлова Н. Б.* Хранитель «забытых слов»: К. К. Арсеньев в годы «великих потрясений» (1914—1918) // Гражданское общество в России и за рубежом. 2017. № 4. С. 16—25.
- Хайлова Н. Б.* Константин Константинович Арсеньев: «Свобода печати, свобода совести и личная неприкосновенность: вот три блага, потребность в которых чувствуется всё больше...» // Российский либерализм: идеи и люди: в 2 т. / под общ. ред. А. А. Кара-Мурзы. Т. 1: XVIII—XIX века. М.: Новое изд-во, 2018. С. 528—569.
- Хайлова Н. Б.* Центризм в идеологии и практике российского либерализма в начале XX века: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2021. 695 с.

References

- Chebyshev, N. (1927), ‘A. F. Koni (from memoirs)’, *Vozrozhdenie* [Renaissance], 2 October: 4—5.
- Egorov, A. N. (2007), *Ocherki istoriografii Rossiiskogo liberalizma kontsa XIX — pervoi chetverti XX veka (dorevoliutsionnyi i sovetskii periody)* [Essays on the historiography of Russian liberalism at the end of the 19th — first quarter of the 20th century (pre-revolutionary and Soviet periods)], Cherepovetskii gosudarstvennyi universitet, Cherepovets, Russia.
- Egorov, A. N. (2014), ‘Image of M. A. Stakhovich in the memoirs of his contemporaries’, *Muromtsevskie chteniia. Trudy. 2009—2013: sbornik nauchnykh statei* [Muromtsev Readings. Proceedings. 2009—2013: collection of scientific articles], Izdatel' Aleksandr Vorob'ev, Orel, Russia: 306—316.
- Fateev, A. (1917), *Maksim Kovalevskii (k godovshchine smerti)* [Maxim Kovalevsky (on the anniversary of his death)], bez izdatel'stva, Khar'kov, Russia.
- Golechkova, O. Yu. (2015), *Biurokrat ego velichestva v otstavke: A. A. Polovtsov i ego krug v kontse XIX — nachale XX veka* [His Majesty's retired bureaucrat: A. A. Polovtsov and his circle at the end of the 19th — beginning of the 20th century], AIRO-XXI, Moscow, Russia.

- Grimm, D. D. (2017), *Vospominaniia: Iz zhizni Gosudarstvennogo soveta 1907—1917 gody* [Memoirs: From the life of the State Council 1907—1917], Nestor-Istoriia, Sankt-Petersburg, Russia.
- Ivanovsky, I. (1916), *Maksim Maksimovich Kovalevskii. Biograficheskii ocherk* [Maxim Maksimovich Kovalevsky. Biographical sketch], bez izdatel'stva, Pg, Russia.
- Karabchevsky, N. P. (2018), *Delo o gibeli Rossiiskoi imperii* [The Case of the Fall of the Russian Empire], Algoritm, Moscow, Russia.
- Khailova, N. B. (2010) "He has never spoken so openly to me before." Memoirs of M. M. Kovalevsky about meetings with S. Yu. Witte on the eve of the dissolution of the Second State Duma. 1907', *Istoricheskii arkhiv* [Historical Archive], no. 5: 123—153.
- Khailova, N. B. (2011), "I'll tell you one amazing and very touching episode." Memoirs of V. V. Vodovozov about M. M. Kovalevsky', *Istoricheskii arkhiv* [Historical Archive], no 3: 26—29.
- Khailova, N. B. (2014a), "I tried to remember the most important events of my whole life." Memoirs of the deputy of the I, III and IV State Dumas I. N. Efremov. 1932', *Istoricheskii arkhiv* [Historical Archive], no 2: 68—89.
- Khailova, N. B. (2014b), "We had to decide on something..." Memoirs of the deputy of the I, III and IV State Duma I. N. Efremov. 1932', *Istoricheskii arkhiv* [Historical Archive], no 3: 83—98.
- Khailova, N. B. (2017), 'Keeper of "forgotten words": K. K. Arsenyev during the years of "great upheavals" (1914—1918)', *Grazhdanskoe obshchestvo v Rossii i za rubezhom* [Civil society in Russia and abroad], no. 4: 16—25.
- Khailova, N. B. (2018), 'Konstantin Konstantinovich Arsenyev: "Freedom of the press, freedom of conscience and personal integrity: these are three goods, the need for which is felt more and more..."', in Kara-Murza, A. A. (ed.), *Rossiiskii liberalizm: idei i liudi* [Russian liberalism: ideas and people], vol. 1: XVIII—XIX veka, Novoe izdatel'stvo, Moscow, Russia: 528—569.
- Khailova, N. B. (2021), *Tsentrism v ideologii i praktike rossiiskogo liberalizma v nachale XX veka* [Centrism in the ideology and practice of Russian liberalism at the beginning of the twentieth century], D. Sc. (History) Thesis, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
- Koni, A. F. (1916), *M. M. Kovalevskii v zakonodatel'noi deiatel'nosti* [M. M. Kovalevsky in legislative activities], Samoobrazovanie, Petrograd, Russia.
- Kovalevsky, M. M. (2005), *Moia zhizn': Vospominaniia* [My Life: Memories], Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia (ROSPEN), Moscow, Russia.
- Magaziner, Ya. M. (1917), *Politicheskaiia ideia M. M. Kovalevskogo v sviazi s kharakteristikoi ego lichnosti* [The political idea of M. M. Kovalevsky in connection with the characteristics of his personality], bez izdatel'stva, Petrograd, Russia.
- Maklakov, V. A. (1936), *Vlast'i obshchestvennost' na zakate staroi Rossii (Vospominaniia sovremennika): v 3-kh chastiakh: Prilozhenie k zhurnalu "Illustrirovannaiia Rossii" na 1936 god* [Power and public at the decline of old Russia (Memoirs of a contemporary): In 3 parts: Supplement to the magazine "Illustrated Russia" for 1936], part 1, Zhurnal "Illustrirovannaiia Rossii", Paris, France.

- M. M. Kovalevskii. Uchenyi, gosudarstvennyi i obshchestvennyi deiatel' i grazhdanin: sbornik statei* [M. M. Kovalevsky. Scientist, statesman and public figure and citizen: collection of articles] (1917), bez izdatel'stva, Petrograd, Russia.
- Patrikeeva, O. A. (2018), ‘Memoirs, letters, diaries of the early twentieth century as a historical source for studying the problem of elections to the First State Duma of the Russian Empire’, in Dobroshtan, V. M. (ed.), *Grazhdanskii mir — grazhdanskaia voyna: osmyslenie i prognozy: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Civil peace — civil war: understanding and forecasts: proceedings of the International Scientific Conference], Sankt-Peterburg, Russia, 2 March 2018, Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet promyshlennykh tekhnologii i dizaina, Sankt-Petersburg: 180—183.
- Tagantsev, N. S. (1919), *Perezhitoe. Uchrezhdenie Gosudarstvennoi Dumy v 1905—1906 godov* [Experienced. Establishment of the State Duma in 1905—1906], bez izdatel'stva, Petrograd, Russia.
- Valbe, B. (1915), ‘Anatoly Fedorovich Koni, literary portrait painter’, *Izvestiya Odesskogo bibliograficheskogo obshchestva pri imperatorskom novorossiiskom universitete* [News of the Odessa Bibliographic Society at the Imperial Novorossiysk University], iss. 5—6: 253—266.
- Vybory v I—IV Gosudarstvennye dumy Rossiiskoi imperii. (Vospominaniia sovremenников. Materialy i dokumenty)* [Elections to the I—IV State Dumas of the Russian Empire. (Memoirs of contemporaries. Materials and documents)] (2008), in Ivanchenko, A. V (ed.), [bez izdatel'stva], Moscow, Russia.
- Zhirkevich, A. V. (2007), *Potrevozhennye teni... Simbirskii dnevnik* [Disturbed shadows... Simbirsk diary], Eterna-print, Moscow, Russia.

Статья поступила в редакцию 29.11.2024; одобрена после рецензирования 27.12.2024; принята к публикации 30.01.2025.

The article was submitted 29.11.2024; approved after reviewing 27.12.2024; accepted for publication 30.01.2025.

Информация об авторе / Information about the author

Д. В. Рыбин — кандидат исторических наук, доцент, директор, Санкт-Петербургский институт Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста), Санкт-Петербург, Россия.

D. V. Rybin — Candidate of Sciences (History), Associate Professor, director, St. Petersburg Institute of the All-Russian State University of Justice (RPA Ministry of Justice), St. Petersburg, Russia.

Интеллигенция и мир. 2025. № 3. С. 51—67.

Intelligentsia and the World. 2025. No. 3. P. 51—67.

Научная статья

УДК 791:94(47+57)"1930/1960"

EDN <https://elibrary.ru/hwrgop>

DOI: 10.46725/IW.2025.3.3

Научная специальность ВАК

5.6.1. Отечественная история

КИНОСТАЛИНИАНА 1930—1950-Х ГГ.: ТЕХНОЛОГИЯ МИСТИФИКАЦИИ ИСТОРИИ

Алексей Вячеславович Зябликов

Костромской государственный университет, Кострома, Россия,

a.zyablikov@yandex.ru, SPIN-код: 5066-6359,

<https://orcid.org/0000-0003-2054-0066>

Аннотация. В статье выявляются сущностные черты киносталинианы 1930 — начала 1950-х гг., анализируются способы ее воздействия на аудиторию, определяется роль сталинской фильмографии в конструировании нового исторического нарратива и социальной реальности. На примере творчества Е. Дзигана, М. Калатозова, Л. Кулешова, Л. Лукова, А. Медведкина, М. Ромма, М. Чиаурели, С. Юткевича и других советских режиссеров раскрываются типологические и образные особенности советского кино, ресурсы которого были направлены на ментальную перекодировку общественного сознания. Обосновывается, что одним из основных инструментов влияния на массовое сознание выступает мистификация истории, нацеленная на соединение архетипических свойств народной души с идеологическими конструктами нового мира. Советский человек должен был ощутить себя субъектом особого жизненного пространства, в котором коллективизм, бескомпромиссное желание справедливости и правды, религиозный синкрезизм, простосердечная вера в авторитет становятся питательной почвой для нового понимания жизни. Делается вывод о том, что точкой сопряжения этих линий стал экранный образ И. В. Сталина, который создавался с расчетом на вкусы, привычки, традиции и бессознательные установки низовой части социума, ждущей простых ответов на сложные вопросы.

Ключевые слова: социальная реальность, цивилизационный проект, исторический нарратив, советское общество, пропаганда, массовое сознание, И. В. Сталин, кинематографический образ, художественное воплощение

Для цитирования: Зябликов А. В. Киносталиниана 1930—1950-х гг.: технология мистификации истории // Интеллигенция и мир. 2025. № 3. С. 51—67.

Original article

KINOSTALINIANA OF THE 1930S AND 1950S: THE TECHNOLOGY OF HOAXING HISTORY

Alexey V. Zyablikov

Kostroma State University, Kostroma, Russia,
a.zyablikov@yandex.ru, SPIN: 5066-6359,
<https://orcid.org/0000-0003-2054-0066>

Abstract. The article identifies the essential features of the Cinema of Stalinism of the 1930s and early 1950s, analyzes the ways it affects the audience, and defines the role of Stalinist filmography in constructing a new historical narrative and social reality. On the example of the creativity of E. Dzigan, M. Kalatozov, L. Kuleshov, L. Lukov, A. Medvedkin, M. Romm, M. Chiaureli, S. Yutkevich and other Soviet directors, the typological and imaginative features of Soviet cinema, whose resources were directed at the mental recoding of public consciousness, are revealed. It is proved that one of the main instruments of influence on the mass consciousness is the mystification of history, aimed at combining the archetypal properties of the national soul with the ideological constructs of the new world. A Soviet person had to feel like a subject of a special living space in which collectivism, an uncompromising desire for justice and truth, religious syncretism, and a simple-hearted belief in authority become the breeding ground for a new understanding of life. It is concluded that the interface point of these lines was the on-screen image of I. V. Stalin, which was created based on the tastes, habits, traditions and unconscious attitudes of the grassroots part of society, waiting for simple answers to complex questions.

Keywords: social reality, civilizational project, historical narrative, Soviet society, propaganda, mass consciousness, I. V. Stalin, cinematic image, artistic embodiment

For citation: Zyablikov, A. V. (2025), ‘Kinostaliniana of the 1930s and 1950s: the Technology of Hoaxing History’, *Intelligentsia i mir* [Intelligentsia and the world], no. 3: 51—67 (in Russ.).

Введение

Актуальность. Важнейшим источником для понимания сталинского цивилизационного проекта является игровое кино 1930—1950-х гг. Особенность его в том, что оно не только отражало

становящуюся советскую действительность, но и конструировало новую социальную реальность, определяло систему ценностных ориентиров человека. Кинематограф принимал самое деятельное участие в формировании нового исторического нарратива и новой идентичности [Зябликов, 2022]. Одним из ключевых элементов названного процесса стала киносталиниана, в которой кристаллизовался образ страны, находящейся под надежным и мудрым до-глядом непогрешимого вседержителя-вождя [Его же, 2016]. Анализу мифотворческих ресурсов советского кино 1930—1950-х гг. посвящены некоторые киноведческие работы [Дадамян, 2010; Дондумрей, 2010; Марголит, 2012; Его же, 2019]. Философский и культурологический дискурс представлен исследованиями М. А. Куртова, И. В. Лепиховой [Куртов, 2011; Лепихова, 2014]. В последние годы появились интересные научные публикации (по преимуществу зарубежных авторов), проблемным и методологическим полем которых является культурная антропология. Из работ этого круга выделим исследования М. Белодубровцевой, О. Булгаковой, Т. Ю. Дашковой, Е. А. Добренко, К. Кларк, Р. Салис, Ш. Фицпатрик, однако это лишь первые и не всегда бесспорные попытки осмыслить историю страны и менталитет советского человека через призму кинематографических образов [Белодубровцева, 2020; Булгакова, 1994; Ее же, 2010; Дашкова, 2013; Добренко, 2008; Его же, 2015; Его же, 2020; Кларк, 2018; Салис, 2012; Фицпатрик, 2008]. К сожалению, в огромном массиве исследовательской литературы по истории сталинизма кинематографу чаще всего отводится периферийная и — в лучшем случае — иллюстративная роль, хотя во второй четверти XX столетия советское кино превратилось в самодостаточную и весьма эффективную технологию, решавшую задачи не только эстетического, но и аксиологического, идеологического свойства.

Постановка вопроса. В постсоветской историографии киносталиниана конца 1930 — начала 1950-х гг. чаще всего преподносится как примитивный политический лубок, как нарочито-небрежная, аляповатая «стряпня» мастеров экрана, вынужденно участвовавших в заведомо пропагандистском проекте. Доля истины в такой оценке есть, и всё же она представляется слишком одномерной и плоской. Цель настоящей статьи — выявить сущностные черты киносталинианы 1930—1950-х гг. и способы ее воздействия на

аудиторию, определить роль сталинской фильмографии в формировании исторического сознания становящегося советского общества.

Методология и методы исследования

Исследование основывается на диалектическом понимании истории и социокультурных процессов, на общеначальных и общеологических методах познания. Используются проблемно-хронологический, историко-сравнительный и герменевтический методы.

Основная часть

Сталиномания: ресурсы воздействия

Нужно признать, что соблазн утвердить названную кинопродукцию в качестве инструмента самой беззастенчивой фальсификации истории весьма велик — с учетом того, сколь вольно обходились создатели картин с реальными фактами, событиями, персонажами. Тем не менее, на наш взгляд, уместнее вести речь не о фальсификации, а о мистификации истории. Фальсификация — грубо пропагандистский, мошеннический прием, питаемый конкретным корыстным расчетом. Мистификация имеет другую природу и преследует иные цели. Не случайно мистификация стала органичным элементом искусства, нисколько не подрывая канонов этой формы культуры. Фигуры Томаса Чаттертона или Джеймса Макферсона — тому пример [Уайтхед, 1986]. Случались мистификации и в истории мысли. Роман «Ночные бдения» Фридриха Шеллинга, осознанно укрывшегося за придуманным именем Бонавентура, — тоже мистификация, но она только подогревает читательский интерес к этому произведению. Интригующий текст, помещаемый в не менее интригующий контекст, — родовой знак мистификации. Она рождается не столько из желания кого-то обмануть, сколько от переизбытка творческой силы и энергии, из азарта игры, которая в какой-то момент приобретает са-модовлеющее значение, из желания (часто тщеславного) встроить свое «я» в пространство другого образа, в чем-то более притягательного.

Советское искусство 1930 — начала 1950-х гг. стало частью беспрецедентного социального эксперимента, содержанием которого являлось не просто переформатирование массового сознания, но создание человека и общества нового типа. Для решения столь грандиозной задачи традиционных средств пропаганды было явно недостаточно. Требовалось коренным образом изменить содержательные основы воспитания, образования, хозяйствования.

Искусство пыталось интегрироваться в этот сложный процесс за счет использования различных, в том числе нетривиальных, инструментов влияния. Мистификаторство, подкрепленное экстатичным порывом масс, оказалось действенной технологией для решения вполне конкретных политических и хозяйственно-экономических вопросов. Узнаваемый образ И. В. Сталина, тиражируемый всеми доступными средствами, ближе не к пропагандистским приемам, а к технологиям маркетинга, в которых миссионерский посыл причудливо соединяется с тем, что сегодня называется сетевой рекламой. Так конструировался идеальный образ страны, наполнился высоким звучанием смыслы и символы нового мира.

Кинематограф стал важным элементом включенного ротационного механизма: в массовом сознании реальный Иосиф Джугашвили всё активнее подменялся мистифицированным образом двойника. К середине 1930-х гг. партийный функционер превратился в сиятельного вседержителя, фигура которого стала сакральным ядром новой коммунистической теогонии. Вот как народная сказительница Марфа Крюкова описывает в одной из своих новин рождение нового мира из мрака и хаоса:

*Две-то зорюшки утренние сходилися,
Два-то ясных сокола слетались,
Два дородных молодца съезжалися.
Первый-от был Ленин-свет,
Второй-от — славный Иосиф-свет¹.*

Любопытно, что первый «сокол» назван по фамилии, а второй — по имени (подчеркнуто библейское звучание), которое к тому же снабжено эпитетом.

Выход на историческую авансцену «двойника» сопровождался окончательным перемещением реального Сталина в скрытое от посторонних глаз закулисье. Создание эффекта удаленности — один из испытанных и любимых сталинских приемов. К середине 1930-х гг. прямые контакты вождя с рядовыми советскими гражданами были полностью исключены. Stalin давно понял, что митинговая ораторика, политические дебаты и в целом публичная сфера — не его конек. Вождь выступал редко и всегда — перед тщательно отобранный

¹ Stalin в поэзии. К 60-летию со дня рождения: сб. М.: Гос. изд-во «Худож. лит-ра», 1939. С. 105.

и просеянной аудиторией. В сознании миллионов это многоократно поднимало цену каждого сказанного им слова, каждого сделанного им жеста. Главное общение шло в немногочисленном кругу особо приближенных. Стalinское Политбюро — своеобразный большевистский конclave, непременным условием работы которого мыслилась закрытость, отъединенность от мира.

Фантомный образ богоподобного Сталина активно формировался средствами искусства и пропаганды. К середине 1930-х гг. в СССР сложился свой круг гимнографов и одописцев, обслуживавших культ обожествленного правителя. Тон в непомерном возвеличивании вождя задавали поэты [Зябликов, 2015]. Огонь всенародной любви какое-то время тлел на окраинах Красной империи. В советских газетах всё чаще стали появляться стихи, «записанные» в каком-нибудь горном ауле, удаленной карельской деревне или в стойбище чукчей-оленеводов и наделявшие вождя сверхчеловеческими способностями. В таких текстах наивная и неловкая гиперболизация некоторых сталинских качеств не кажется избыточной и странной. Но очень быстро в народный хор встроились поставленные голоса профессиональных поэтов — и отдельные огневые сполохи сталинмании накрыли страну верховым пожаром, в котором сгорали остатки художнической свободы и здравомыслия:

*Грузины, русские, туркмены и узбеки —
Сыновнюю любовь все отдали ему.
Лети, мой звонкий стих, и пой о человеке —
О солнце истины, что победило тьму.*

(Самед Вургун, пер. с азерб. Н. Сидоренко и Д. Бродского)².

Стихи и песни о Сталине имеют выраженную литургийную основу. Поэты наперебой пускались в бессмысленное и ничего не добавляющее к образу солнечного бога состязание — настоящий карнавал идолопоклонства, сопровождаемого неуемным изъявлением благодарности вождю за всё и вся. В поэзии и песне Stalin был вознесен так высоко, что попытки очеловечить или чуточку «приземлить» его образ, как правило, проваливались. Николай Асеев в 1939 году рискнул увидеть в отце народов «простого и великого партийца», улыбающегося «из-под усов»:

² Там же. С. 95.

*Каждый день он встает,
умывается,
выбивает трубку с золой,
и заря за окном занимается,
та,
что сам он
зажег над землей...³.*

Заря, зажженная Сталиным за окном, вполне вписывается в поэтический канон тех лет, но какое отношение к этим нечеловеческим способностям имеет утренний туалет вождя (образ почти пародиен)? В 1939 году Сталина невозможно было представить умывающимся, или чистящим зубы, или просто почесывающим затылок. Как немыслимо вообразить его выходящим в плавках на пляж в Гагре или с теннисной ракеткой — на корт. Сталина нельзя представить в костюме и в галстуке. Полувоенный френч (позже китель генералиссимуса), долгополая шинель, усы, трубка, лукавый прищур, кавказский говорок — всё!

Возможно, сам Stalin понимал, что его канонический образ оставлял авторам очень мало простора для художественного воплощения. Необходимо было, не снижая божественного величия вождя, каким-то образом вписать его в реальную историю страны, красочно подчеркнуть его живую связь с судьбами конкретных людей. Пришло время выводить «двойника» на театральную сцену и на киноэкран.

Довоенное кино: сталинский «маршрут» истории

Первое появление вождя в пространстве художественного кино было довольно неожиданным. Фильм Александра Медведкина «Чудесница» (1936) вроде бы поднимает идеологически безупречную тему — становление новой колхозной деревни. Однако рассказ о воспитании коров-рекордсменок и борьбе с пережитками прошлого столь обильно насыщен веселой эксцентрикой, что возникает ощущение: драматургическая канва была необходима режиссеру для решения совсем иных художественных задач. Мы видим опереточную пожарную команду, комичного прокурора, страдающего от зубной боли, сельского чудака-почтальона, который едет на осле, читая газетную статью о японо-германском сговоре (!). В кадре

³ Там же. С. 53.

появляются старушки, спасающиеся на дереве от разбужившейся коровы, колоритный деревенский дед-бородач (в котором пассажиры теплохода — иностранцы — с ужасом угадывают черты Стеньки Разина), пастух Иван, в десятый раз похваляющийся своей удалью на пожаре. На этом-то пестром балаганно-лубочном фоне и появляется в финале фильма Сталин: Медведкин врезал документальные кадры с его участием в сцену выступления доярки Зинаиды Лагутиной (актриса Зинаида Бокарева) на заседании в Наркомате земледелия. Добрая и простосердечная Зина, будучи не в силах совладать с нахлынувшими чувствами, вдруг обращается к президенту: «Можно мне, товарищи, заплакать от великой радости?» «Ну что ж, поплачь, только недолго», — звучит с высокой трибуны. В этом утрированном диалоге стирается грань между экстатичными митинговыми здравицами в честь вождя и саркастичным их вышучиванием. По сути, гениальный Медведкин создал пародию на тотальное панегирическое безумие еще до того, как оно закрепилось в игровом кино (для публичного пространства такая риторика к 1936 г. уже стала нормой). «Кто поднял меня так над всем миром? — звонко вопрошает Зина Лагутина. — Я отдам ему по кусочкам, по маленьkim капелькам всю свою жизнь!...». Финал «Чудесницы» — за вычетом карнавально-шутовских коннотаций — на долгие годы стал каноническим для советского кино 1930 — начала 1950-х гг.

Первое художественное воплощение образа Сталина состоялось в 1937 г. в фильме Михаила Ромма «Ленин в Октябре» (по сценарию Алексея Каплера). Не забудем, конечно, и о мультипликационном Сталине, мелькнувшем в картине Фридриха Эрмлера «Крестьяне» (1935). Фильм Ромма, снятый к 20-летию Октябрьской революции, был призван объяснить зрителям, чьим промыслом и дерзанием она осуществлялась. Stalin в исполнении актера Семена Гольдштабастроен, поджар и очень скуп на слова. Ленин в фильме увлеченно ораторствует и жестикулирует — Stalin произносит лишь несколько коротких фраз, только попыхивает трубкой и чему-то улыбается в усы. Эмоционально образ никак не расцвечен, хотя А. Каплер в сценарии иногда делает соответствующие ремарки: «Рядом с Ильичом мы видим Сталина. Молодое, смуглое лицо, выпепленное железной волей, вдохновенной силой революции, горит сейчас гневом и презрением» [Каплер, 1938: 17]. Особый характер

отношений Ленина и Сталина в фильме акцентирован. Stalin предстает как один из творцов Октябрьской революции, как любимый, наиболее деятельный и способный соратник Ленина (хотя, чем именно он занимался в те дни, — доподлинно неизвестно) [Рыбас, 2020: 112]. «Stalin — ближайший сподвижник Ленина, — читаем в послевоенной официальной биографии вождя (1951). — Он непосредственно руководит всем делом подготовки восстания» [Александров и др., 1951: 65]. Дальше этой констатации дело, впрочем, не идет. Детали, как всегда, неясны.

Во втором фильме дилогии, «Ленин в 1918 году» (1939), изящного и несколько рафинированного Семена Гольдштаба сменил в царственной роли основательный, широкий в кости Михаил Геловани. Вторая часть дилогии М. Ромма на долгое время стала питательным бульоном для режиссеров, искающих формы воплощения на экране венценосного героя. Ефим Дзиган и Георгий Березко в фильме «Первая конная» (1941) почти дословно повторяют некоторые ходы, использованные М. Роммом. Повествуя о событиях на советско-польском фронте 1920 г., режиссеры показывают Сталина (актер Семен Гольдштаб) как главного творца военных побед. Всемогущий обитатель штабного вагона привычно предстает немногословным и жестким распорядителем: помочь, разместить, накормить, расследовать, наказать! Дзиган и Березко подчеркивают миссию Сталина как культурного героя: там, где он, хаос быстро превращается в порядок. Как восхищенно замечает один местный юнец: «Я уже приметил: вас тут слушают!» Любознательный парубок льнет к столичному «начальнику», восхищенно смотрит на него и продолжает допытываться:

— А вы сами воевали? Стреляли?

— Приходилось! — загадочно отвечает Stalin и вручает парню пистолет с наказом «бить врагов народа».

Этот вроде бы ничем не примечательный диалог заслуживает пристального внимания: когда и где Иосифу Джугашвили приходилось «воевать» и «стрелять»? Его уклончивый ответ рождает массу предположений. Возможно, он был зверя и птицу во время сибирской ссылки? Или впадал в молодой флибустьерский азарт, когда готовил экспроприаторские налеты и общался с уголовниками? В армии Stalin не служил: был признан негодным по здоровью. В годы революции и Гражданской войны стрелять ему было вроде бы незачем —

учитывая его высокий пост в красной иерархии. Ну не расстреливал же он, в самом деле, самолично паникеров и трусов! Можно предположить, что у режиссеров иногда возникал соблазн показать Сталина, поднимающим бойцов в атаку или летящим над битвой с шашкой наголо, подобно Чапаеву. Нет — нельзя! Резкие движения разрушают монументальность образа, обесценивают его царственное величие. Как блоковская Прекрасная Дама не может «ездить на пароходе», так божественного Сталина нельзя представить отстреливающимся из нагана или джигитующим с обнаженной саблей. Более того — он не может себе позволить ни окрик, ни взмах руки. Задача вождя — стратегическое управление, мудрый наказ, справедливый суд. Актер Семен Гольдштаб, как может, старается изгнать из характера своего героя всё суётное, случайное, мелкое. Единственная внятная эмоция, которую он позволяет себе, — сосредоточенная подозрительность: нарком во всем видит чей-то преступный умысел. «Советская власть никому не позволит вредить народу, — заявляет Stalin снятому им с должности командарму. — И уничтожает изменников». Вот он, канонический Stalin! Вердикт вынесен, виновный определен, выяснение деталей — формальность. Теперь и новообращенному хлопчику есть работа — прислушаться к напутствию «хозяина» и употребить по прямому назначению подаренный наган.

В 1941 г. образ Сталина мелькнул в картине «Яков Свердлов» (реж. С. Юткевич). Фильм уникален тем, что это единственная в советском игровом кино попытка показать публике «дореволюционного» Иосифа Виссарионовича, еще не обросшего золотыми позументами величия и славы. В фильме есть сцена задушевной встречи Сталина (актер Андро Кобаладзе) и Свердлова в турханском селе Курейка. Stalin и Свердлов, действительно, общались в местах ссылки, но известно, что отношения их не сложились, да и впоследствии не стали особо доверительными: эти деятели русской революции всегда относились друг к другу без особой симпатии. В фильме Юткевича лик молодого Сталина вносил опасный диссонанс в создаваемый средствами кино монументальный образ мудрого вождя и отца народов, поэтому с рискованными биографическими экспериментами и кинопутешествиями в молодость Иосифа Джугашвили раз и навсегда было покончено.

В фильме Михаила Калатозова «Валерий Чкалов» (1941) Stalin (Михаил Геловани) — это безраздельный хозяин страны,

создатель того строя жизни, о котором Ленин мог только мечтать. На фоне социалистических свершений 1930-х гг. меркнут самые смелые упования тех, кто гремел сапогами и ружьями в Смольном в октябре 1917-го. Поколение Валерия Чкалова — это уже всецело заслуга Сталина, плод его созидаательных усилий. «Птенцы» его гнезда! И знаменитый летчик (актер Владимир Белокуров) понимает это лучше всех. Все его сумасбродства, в сущности, объясняются одним — бьющим через край желанием доказать вождю свою преданность, показать ему свою благодарность. Бортмеханик (актер Василий Ванин), например, предлагает летчику сделать над Кремлем 250 мертвых петель. Но Чкалов мечтает о большем. «Эх, если бы сейчас война!» — с тоской вздыхает он...

Отношения вождя и Чкалова показаны как отцовско-сыновние. Точнее, как отношения пастыря и послушника, верховного жреца и молодого соплеменника, выдержавшего обряд инициации и готового на другие, самые суровые, испытания. Во время первой встречи Stalin журит летчика за слишком рискованный маневр. «Мы за таких людей, которые любят жить», — укоряет вождь Чкалова. Потом доверительно — то ли в шутку, то ли всерьез — добавляет: «Признаюсь по секрету, я и сам хочу пожить подольше». Здесь отзываются не только узаконенное сталинское «имяславие» и лико-почитание, но и большевистские опыты по бальзамированию высокопоставленных мертвцевов и омоложению организма. Главный же залог бессмертия — горячая кровь и юная энергия адептов. Вот и Чкалов поднимает тост за «бесконечное продолжение сталинского маршрута»!

Особняком в довоенной киносталиниане стоит картина Льва Кулешова «Сибиряки» (1940). Здесь образ Сталина (актер Михаил Геловани) подернут дымкой сказки и сна. Вождь является во сне Вали (актриса Александра Харитонова), девочке из далекой сибирской деревни, жители которой гордятся тем, что когда-то здесь жил политический ссыльный Иосиф Джугашвили. Видениям Вали предшествовала череда важных событий. Старик Дошиндон (актер Дмитрий Орлов) рассказывает пионерам легенду о трубке, подаренной Сталиным одному из местных охотников. Ребята ищут загадочную трубку, находят ее и теперь одержимы желанием вернуть обретенную святыню вождю. Тут и случай предоставляется: 15 лучших школьников премированы поездкой в Москву. Дальше начинается

Валин сон. Девочке снится, как ее друзья Сережа и Петя стоят у кремлевской стены, потом просят часового пропустить их к Сталину. Вот ребята входят в кабинет вождя. Тот уже ждет их. Пожимает им руки, улыбается. Читает принесенное ребятами письмо. Растолковывает им тайну Валиного провала на экзамене по математике. Появляется Валя. Stalin обнимает ее. Потом все оказываются на кремлевской площади, где возле Царь-пушки почему-то разведен костер. Пионеры вручают Stalin трубку. Тот раскуривает ее.

Сознание ребенка надежно перемещает Сталина в пространство мифа. Фильм Л. Кулешова не случайно начинается со сцены новогодней елки в колхозном клубе. Здесь есть сказочные персонажи, например, Дед Мороз в тулупе и с мочальной бородой. Но под маской из папье-маше скрывается учительница Анна Федоровна (актриса Тамара Альцева): председатель колхоза в самом начале праздника с нее эту маску снимает, чтобы премировать за трудовые успехи — шалью. К слову, в один год с «Сибиряками» вышла в свет картина Г. Александрова «Светлый путь», где весьма примечательна сцена новогоднего карнавала в фабричном клубе. Там гостей встречает Дед Мороз в компании с Чертом — мохнатым, рогатым и со свиным рылом! Stalin — это тоже Дед Мороз, только «всамделишный», настоящий! И, возможно, имеющий *alter ego* в образе хвостатой и рогатой нечисти. В отличие от ряженого Деда Мороза, этот не торопится вручать ребятишкам гостинцы: главный подарок — в виде «счастливого детства» — им уже сделан. Теперь товарищ Stalin сам ждет благодарности и подарков (хотя бы старую трубку) за свою доброту. В фильме «Гайчи» (1938, реж. Владимир Шнейдеров) есть такой эпизод: нанайские дети собирают подарки вождю. Учительница (актриса Юлия Цай) объясняет школьникам: Stalin не будет брать подарки от ребят, которые плохо учатся. «Мы хорошо учимся!» — канючат дети, напуганные перспективой впасть в немилость к кремлевскому волшебнику. В «Сибиряках» Л. Кулешов балансирует на грани между пропагандистским елеем и гротеском, фиксирующим чудовищную aberrацию народного сознания. Дескать, мудрый вождь Stalin — это историческая мнимость, фантом, это субъект наших подсознательных страхов, видений и снов. Анекдотичная связь (Stalin, узнав об истории с поиском трубки, приглашает сибирских ребят в гости на пельмени) только подогревает наши сомнения.

Мотив экстатичного поклонения Сталину обозначен в довоенном кино не столь явно, как в литературе или в изобразительном искусстве. Однако вождь как персонифицированная народная любовь прорисован отчетливо. Потерять его любовь — значит потерять любовь и доверие народа. Довоенные фильмы закрепляли Сталина в качестве единственного законного наследника и преемника Ленина, назначали Иосифа Виссарионовича главным хранителем и толкователем большевистских скрижалей [Зябликов, 2018]. Как наследник Сталин не только сохранил, но и многократно умножил то, что было создано в первые годы социалистических преобразований. Советское кино активно продвигало образ Сталина как создателя большевистского государства и его промышленного потенциала, непобедимой Красной Армии, счастливой и зажиточной колхозной деревни. К концу 1930-х гг. установилась пышная титулatura Сталина: «Друг и соратник великого Ленина, вождь народов, строитель и вождь большевистской партии, организатор социалистической революции и советского государства»⁴.

Образ Сталина — это образ культурного героя, отправляющегося в горячую точку пространства и упорядочивающего идущие там процессы. Он приносит знание, вершит праведный суд, открывает людям глаза на истинное положение вещей. Только он среди кризисов (объективно неизбежных или спровоцированных его же действиями) обладает всей полнотой знания- власти, чтобы указывать выход, т. е. играет роль «живого бога», венчающего собой здание всей культуры и ведущего народ и государство сквозь тьму внешних и внутренних врагов к «светлому будущему». Соответственно кризисное управление — не только экранное амплуа «отца народов», но и технология укрепления личной власти (до степени «без Сталина никак») в получившей впоследствии его имя исторической эпохе — технология с им же инициированными грандиозными «скакачками», организованными кампаниями в СМИ, репрессиями и политическими судилищами. Советское киноискусство, как и литература, — органическая составляющая общего процесса «сталинизации».

(Продолжение следует)

⁴ Сталин. М.: Правда, 1939. Нумерации страниц нет.

Список источников

- Александров Г. Ф., Галактионов М. Р., Кружков В. С. и др. Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография. М.: Госполитиздат, 1951. 244 с.
- Белодубровцева М. Не по плану. Кинематография при Сталине / пер. с англ. Л. Мезеновой. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 264 с.
- Булгакова О. Сталин и кино, Сталин в кино // Агитация за счастье. Советское искусство сталинской эпохи. Дюссельдорф; Бремен: Интерар-текс—Эдицион Теммен, 1994. С. 65—70.
- Булгакова О. Советский слухоглаз. Кино и его органы чувств. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 320 с.
- Дадамян Г. Верховный шаман. Пересотворение советского сознания // Искусство кино. 2010. № 4. С. 46—53.
- Дашкова Т. Ю. Телесность—Идеология—Кинематограф. Визуальный канон и советская повседневность. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 256 с.
- Добренко Е. А. Музей революции: советское кино и сталинский исторический нарратив. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 424 с.
- Добренко Е. А. Визуальные стратегии репрезентации войны в советском «художественно-документальном» кино эпохи позднего сталинизма // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. 2015. № 4 (6). С. 28—46.
- Добренко Е. А. Поздний сталинизм: эстетика политики. М.: Новое литературное обозрение, 2019. Т. 1. 712 с.
- Дондурей Д. Б. Миф о Сталине: технология воспроизведения // Искусство кино. 2010. № 4. С. 15—20.
- Зябликов А. В. Стихи и песни о Сталине как элемент новой теогонии // История в подробностях. 2015. № 4 (58). С. 70—75.
- Зябликов А. В. Киносталиниана 1930—1950-х годов как пропагандистский ресурс советской империи // KUNST/камера: искусство кино и межкультурный диалог. СПб: Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, 2016.
- Зябликов А. В. Ленин — Сталин: мотив «престолонаследия» в советском кино 1930-х гг. // Научно-теоретические и методологические основы изучения жизнедеятельности интеллигенции: материалы XXIX Национал. науч.-теоретич. конф. с междунар. участием, посвящ. 100-летию создания Иваново-Вознесенского пед. ин-та, правопреемником которого является Иван. гос. ун-т, Иваново, 20—21 дек. 2018 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2018. С. 167—172.
- Зябликов А. В. Формирование советской идентичности средствами отечественного кинематографа в 1920—1950-е гг.: к постановке проблемы // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28. № 3. С. 52—62. doi: 10.34216/1998-0817-2022-28-3-52-62.

- Каплер А.* Ленин в Октябре [киносценарий]. М.; Л.: Искусство, 1938. 80 с.
- Кларк К.* Москва, четвертый Рим: сталинизм, космополитизм и эволюция советской культуры (1931—1941) / пер. с англ. О. Гавриковой, А. Фоменко. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 520 с.
- Куртов М. А.* Кино как социальный опыт: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Санкт-Петербург, 2011. 36 с.
- Лепихова И. В.* Герменевтика кинореальности // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2014. № 5. С. 64—85.
- Марголит Е. Я.* Живые и мертвое. Заметки к истории советского кино 1920—1960-х годов. СПб.: Сеанс, 2012. 557 с.
- Марголит Е. Я.* В ожидании ответа. Отечественное кино: фильмы и их люди. М.: Rosebud Publishing, 2019. 465 с.
- Рыбас С. Ю.* Сталин. М.: Молодая гвардия, 2020. 911 с.
- Салис Р.* «Нам уже не до смеха»: музыкальные кинокомедии Григория Александровна / пер. с англ. В. А. Третьякова. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 360 с.
- Уайтхед Д.* Серьезные забавы / пер. с англ. Л. А. Громовой, В. Б. Смирновского. М.: Книга, 1986. 287 с.
- Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город / пер. с англ. Л. Ю. Пантина. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2008. 336 с.

References

- Aleksandrov, G. F., Galaktionov, M. R. and Kruzhkov, V. S. (1951), *Iosif Vissarionovich Stalin. Kratkaia biografiia* [Joseph Vissarionovich Stalin. Brief biography], Gospolitizdat, Moscow, Russia.
- Belodubrovtseva, M. (2020), *Ne po planu. Kinematografija pri Staline* [Not according to plan. Cinematography under Stalin], Translated by Mezenova, L., Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.
- Bulgakova, O. (1994), ‘Stalin and cinema, Stalin in cinema’, *Agitatsiia za schast'e. Sovetskoe iskusstvo stalinskoi epokhi* [Propaganda for happiness. Soviet art of the Stalin era], Interarteks—Editsion Temmen, Dusseldorf; Bremen, Germany: 65—70.
- Bulgakova, O. (2010), *Sovetskii slukhoglaz. Kino i ego organy chuvstv* [Soviet hearing eye. Cinema and its senses], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.
- Dadamyan, G. (2010), ‘Supreme Shaman. Re-creation of Soviet consciousness’, *Iskusstvo kino* [The art of cinema], no. 4: 46—53.
- Dashkova, T. Yu. (2013), *Telesnost’—Ideologija—Kinematograf. Vizual'nyi kanon i sovetskaia povsednevnost'* [Corporeality—Ideology—

- Cinematography. Visual canon and Soviet everyday life], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.
- Dobrenko, E. A. (2008), *Muzei revoliutsii: sovetskoe kino i stalinskii istoricheskii narrative* [Museum of the Revolution: Soviet cinema and Stalin's historical narrative], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.
- Dobrenko, E. A. (2015), ‘Visual strategies for representing war in Soviet “artistic-documentary” cinema of the late Stalinist era’, *Praksema. Problemy vizual'noi semiotiki* [Praxema. Problems of visual semiotics], no. 4 (6): 28—46.
- Dobrenko, E. A. (2019), *Pozdnii stalinizm: estetika politiki* [Late Stalinism: the aesthetics of politics], vol. 1, Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.
- Dondurei, D. B. (2010), ‘The myth of Stalin: technology of reproduction’, *Iskusstvo kino* [The art of cinema], no 4: 15—20.
- Fitspatrick, Sh. (2008), *Povsednevnyi stalinizm. Sotsial'naia istoriia Sovetskoi Rossii v 30-e gody: gorod* [Everyday Stalinism. Social history of Soviet Russia in the 30s: the city], Translated by Pantina, L. Yu. Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia (ROSSPEN); Fond Pervogo Prezidenta Rossii B. N. El'tsina, Moscow, Russia.
- Kapler, A. (1938), *Lenin v Oktiabre [kinostsenarii]* [Lenin in October [screenplay]], Iskusstvo, Moscow; Leningrad, Russia.
- Klark, K. (2018), *Moskva, chetvertyi Rim: stalinizm, kosmopolitizm i evolutsiia sovetskoi kul'tury (1931—1941)* [Moscow, the fourth Rome: Stalinism, cosmopolitanism and the evolution of Soviet culture (1931—1941)], Translated by Gavrikova, O. and Fomenko, A., Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.
- Kurtov, M. A. (2011), *Kino kak sotsial'nyi opyt* [Cinema as a social experience], Abstract of Ph. D. (Philosophy) dissertation, St. Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia.
- Lepikhova, I. V. (2014), ‘Hermeneutics of cinematic reality’, *Kontekst i refleksiia: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and reflection: philosophy about the world and man], no. 5: 64—85.
- Margolit, E. Ya. (2012), *Zhivye i mertvoe. Zametki k istorii sovetskogo kino 1920—1960-kh godov* [Living and dead. Notes on the history of Soviet cinema of the 1920s—1960s], Seans, Saint Petersburg.
- Margolit, E. Ya. (2019), *V ozhidanii otveta. Otechestvennoe kino: fil'my i ikh liudi* [Waiting for an answer. Domestic cinema: films and their people], Rosebud Publishing, Moscow, Russia.
- Rybas, S. Yu. (2020), *Stalin* [Stalin], Molodaia gvardiia, Moscow, Russia.
- Salis, R. (2012), “*Nam uzhe ne do smekha*”: *muzykal'nye kinokomedii Grigorii Aleksandrovna* [“We're no longer laughing”]: musical comedies by Grigory Aleksandrovna], Translated by Tretyakova, V. A. Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.

- Whitehead, D. (1986), *Ser'eznye zabavy* [Serious fun], Translated by Gromova, L. A. and Smirensky, V. B., Kniga, Moscow, Russia.
- Zyablikov, A. V. (2015), ‘Poems and songs about Stalin as an element of the new theogony’, *Istoriia v podrobnostakh* [History in details], no. 4 (58): 70—75.
- Zyablikov, A. V. (2016), ‘Kinostaliniana 1930—1950s as a propaganda resource of the Soviet empire’, *KUNST/kamera: iskusstvo kino i mezhkul'turnyi dialog* [KUNST/camera: the art of cinema and intercultural dialogue], Muzei antropologii i etnografii imeni Petra Velikogo (Kunstkamera) RAN, Saint Petersburg, Russia.
- Zyablikov, A. V. (2018), ‘Lenin-Stalin: the motive of “succession to the throne” in Soviet cinema of the 1930s’, *Nauchno-teoreticheskie i metodologicheskie novy izucheniiia zhiznedeiatel'nosti intelligentsii: materialy XXIX Natsional'noi nauchno-teoreticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, posviashchennoi 100-letiiu sozdaniia Ivanovo-Voznesenskogo pedagogicheskogo instituta, pravopreemnikom kotorogo iayliaetsia Ivanovskii gosudarstvennyi universitet* [Scientific, theoretical and methodological foundations for studying the life activity of the intelligentsia: materials of the XXIX National Scientific and Theoretical Conference with international participation, dedicated to the 100th anniversary of the creation of the Ivanovo-Voznesensk Pedagogical Institute, the legal successor of which is Ivanovo State University], Ivanovo, Russia, 20—21 December 2018, Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo: 167—172.
- Zyablikov, A. V. (2022), ‘Formation of Soviet identity through the means of domestic cinema in the 1920s—1950s: towards the formulation of the problem’, *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University], vol. 28, no. 3: 52—62.

Статья поступила в редакцию 30.12.2024; одобрена после рецензирования 28.01.2025; принята к публикации 30.01.2025.

The article was submitted 30.12.2024; approved after reviewing 28.01.2025; accepted for publication 30.01.2025.

Информация об авторе / Information about the author

A. V. Зябликов — доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой философии, культурологии и социальных коммуникаций, Институт гуманитарных наук и социальных технологий, Костромской государственный университет, член Союза писателей России, Кострома, Россия.

A. V. Zyablikov — Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Head of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, Institute of Humanities and Social Technologies, Kostroma State University, member of the Writer's Union of Russia, Kostroma, Russia.

ЛИЧНОСТЬ В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

PERSONALITY IN THE DISCOURSE OF INTELLIGENTSIA STUDIES

Интеллигенция и мир. 2025. № 3. С. 68—88.

Intelligentsia and the World. 2025. No. 3. P. 68—88.

Научная статья

УДК 821.111:94(410)”17”

EDN <https://elibrary.ru/Indibm>

DOI: 10.46725/IW.2025.3.4

Научная специальность ВАК
5.6.2 Всеобщая история

ДЕФО КАК ПРОПАГАНДИСТ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОЦВЕТАНИЯ АНГЛИИ В НАЧАЛЕ XVIII в. (НА ПРИМЕРЕ СОЧИНЕНИЯ «ПУТЕШЕСТВИЯ ПО ВОСТОЧНЫМ ГРАФСТВАМ АНГЛИИ»)

Владимир Александрович Евсеев

Ивановский государственный университет, Иваново, Россия,
yevseyev@mail.ru, SPIN-код: 9945-1190,
<https://orcid.org/0000-0002-7395-1726>

Аннотация. Статья посвящена анализу сочинения Д. Дефо — «Путешествия по восточным графствам Англии». Как один из представителей английского Просвещения Д. Дефо предлагал свое видение экономического развития страны и пропагандировал ее успехи в этой области. Англия в начале XVIII в. обогнала все европейские страны по уровню экономического развития. Дефо стоял у истоков экономической журналистики. Он совершил несколько поездок по графствам к востоку и югу от Лондона и опубликовал свои наблюдения от этих путешествий. Анализ его путевых заметок показывает, что он высоко оценивал промышленное развитие Восточной Англии, которая представляла собой один из наиболее развитых в

экономическом отношении регионов Великобритании в доиндустриальную эпоху. Согласно материалам, собранным Д. Дефо, на юго-востоке Англии в рассматриваемый период наблюдалось интенсивное развитие мануфактурного производства, в первую очередь — текстильной промышленности. Дефо отмечает, что для каждого из городов региона была характерна специализация на выпуске определенного вида текстильных изделий. Писатель указывает на развитие кораблестроения, а также производство гончарных и металлических изделий в регионе.

Уровень мануфактурного производства сильно отличался в разных регионах. Этот аспект Дефо неоднократно подчеркивал в своих путевых заметках. Писатель отмечал, что промышленность в графствах к югу от Лондона развивалась преимущественно в городах, расположение которых предполагало легкий доступ к основным торговым маршрутам, в особенности — к морским портам. Это тоже являлось своеобразной пропагандой подобных промышленных центров. Процесс промышленного развития региона при этом протекал даже целенаправленно, под воздействием программ, реализуемых государством совместно с представителями местного бизнеса.

Основная цель создания данного произведения — оказать воздействие на широкую аудиторию читателей, описывая преимущества промышленного развития Англии.

Ключевые слова: Д. Дефо, промышленное развитие Восточной Англии, разнообразие видов мануфактурного производства, пропаганда экономических успехов

Для цитирования: Евсеев В. А. Дефо как пропагандист промышленного процветания Англии в начале XVIII в. (на примере сочинения «Путешествия по восточным графствам Англии») // Интеллигенция и мир. 2025. № 3. С. 68—88.

Original article

DEFOE AS A PROPAGANDIST OF THE INDUSTRIAL PROSPERITY OF ENGLAND IN THE EARLY XVIII CENTURY (ON THE EXAMPLE OF THE WORK “TRAVELS IN THE EASTERN COUNTIES OF ENGLAND”)

Vladimir A. Evseyev

Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, yevseyev@mail.ru,
SPIN: 9945-1190, <https://orcid.org/0000-0002-7395-1726>

Abstract. The article is devoted to the analysis of D. Defoe's work “Travels in the Eastern Counties of England”. As one of the representatives of the English Enlightenment, D. Defoe offered his vision of the country's economic development

and propagandized its successes in this area. At the beginning of the XVIII century, England overtook all European countries in terms of economic development. Defoe stood at the origins of economic journalism. He made several trips to the counties east and south of London and published his observations from these travels. An analysis of his travel notes shows that he highly appreciated the industrial development of East Anglia, which was one of the most economically developed regions of Great Britain in the pre-industrial era. According to the materials collected by D. Defoe, in the south-east of England in the period under review, there was an intensive development of manufactory production, primarily the textile industry. Defoe notes that for each of the cities in the region, there was a character. The writer points to the development of shipbuilding, as well as the production of pottery and metal products in the region. The level of manufactory production varied greatly in different regions. Defoe repeatedly emphasized this aspect in his travel notes. The writer noted that industry in the counties south of London developed mainly in cities, the location of which implied easy access to the main trade routes, especially to seaports. This was also a kind of propaganda for such industrial centers. At the same time, the process of industrial development of the region was even purposeful, under the influence of programs implemented by the state together with representatives of local business. The main purpose of creating this work is to influence a wide audience of readers, describing the advantages of the industrial development of England.

Keywords: D. Defoe, industrial development of East Anglia, variety of types of manufacturing, promotion of economic success

For citation: Evseev, V. A. (2025), Defoe as a propagandist of the industrial prosperity of England in the early XVIII century (on the example of the work "Travels in the eastern counties of England"), *Intelligentsia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 3: 68—88 (in Russ.).

Введение

Актуальность. Англия по уровню экономического развития к началу XVIII в. обогнала все европейские страны, в том числе и Нидерланды — главный торговый центр Европы в XVII веке. Эти изменения отразились и в умах английских интеллектуалов той эпохи, и Д. Дефо как один из представителей английского Просвещения предлагал свое видение экономического развития страны, пропагандируя ее успехи. Пропаганда, являясь одной из форм политической борьбы, в то же время воздействует на общественное мнение, формирует его отношение к той или иной проблеме. Многие вопросы развития Англии начала XVIII в. обсуждались на страницах местных изданий, среди них — и тема экономического состояния страны. Одно из таких

сочинений, написанных Д. Дефо — «Путешествия по восточным граffствам Англии», — было посвящено именно этой проблеме.

Историографический обзор. В отечественной историографии жизнь и сочинения Дефо нашли свое отражение в основном в трудах отечественных литературоведов — А. А. Аникста, А. А. Елистратовой, М. А. Нерсесовой, Д. М. Урнова и целого ряда других исследователей. На страницах работ данных авторов были проанализированы особенности мировоззрения Д. Дефо, а также подробно описаны обстоятельства создания большинства принадлежащих его перу литературных произведений [Аникст, 1957; Елистратова, 1966; Нерсесова, 1960; Урнов, 1978]. Сочинения Д. Дефо были подробно рассмотрены также в «Истории зарубежной литературы XVII—XVII вв.» С. Д. Артаманова [Артаманов, 1978], в которой проанализированы причины их создания и особенности их как источников по истории своего периода.

Анализ трудов Д. Дефо со стороны историков был затронут в коллективной работе «Просветительское движение в Англии» [Просветительское, 1991]. В центре изучения — общественно-политические взгляды мыслителей просветительского круга, рассматриваемые не только в тесной связи с конкретно-историческими процессами века Просвещения, но и с учетом влияния английской буржуазной революции, определившей как сами эти процессы, так и общий идеиный фон просветительской эпохи.

Как исторический источник произведения Д. Дефо рассматривались также в работе А. В. Подгорского — «“Дневник Чумного Года”. Д. Дефо и документальный жанр в английской литературе начала XVIII века» [Подгорский, 1982]. Несмотря на то, что в данном исследовании основное внимание было направлено на изучение конкретного произведения автора, в нем присутствует также анализ других сочинений писателя и идеи относительно возможного реформирования действующей в Англии на тот момент социально-экономической системы.

Зарождению демократии и проблемам ее становления в эпоху раннего Просвещения посвящена монография Т. Л. Лабутиной «У истоков современной демократии. Политическая мысль английского Просвещения» [Лабутина, 1994]. Английское Просвещение рассматривается как результат буржуазной революции 40-х годов XVII века, и автор особое внимание уделяет изучению политической мысли видных его представителей, в том числе и Д. Дефо, обращаясь к сюжетам

путевых заметок, которые характеризуют взгляды писателя на современные ему социально-политические и экономические реалии. В других своих исследованиях Т. Л. Лабутина также важное место отводит осмыслению наследия выдающегося романиста, анализируя то, каким образом он повлиял на мировоззрение и культуру Англии. При этом автор опять же обращается к теме путевых заметок, прослеживая их влияние на принятие политических решений, систему ценностей населения, включая трудовую этику, и характер производственных отношений [Ее же, 1986; 1995].

Одна из новейших работ Т. Л. Лабутиной — «Британские интеллектуалы эпохи Просвещения» [Ее же, 2020] — посвящена изучению общественно-политических и дидактических взглядов видных представителей английского Просвещения XVIII в. от Дж. Локка до Э. Бёрка, в том числе и Д. Дефо. Следует констатировать, что проблема пропаганды экономического процветания Англии, которая наиболее ярко отражена в его «Путешествиях...», пока не исследована в отечественной историографии. Поэтому обращение к этой теме вполне обоснованно.

В англоязычной историографии в течение XX в. о Д. Дефо написано огромное количество трудов, в основном литературоведческого плана. Так, в 1924 году была издана книга А. У. Секорда [Secord, 1924], который рассматривал в своем труде нарративный метод Д. Дефо. Заслуга автора состоит в том, что он на примере романа «Робинзон Крузо» доказывает уникальность подхода Дефо к созданию произведений приключенческого жанра. Одно из самых последних изданий о Дефо вышло в Оксфорде в 2023 г. [The Oxford, 2023], где более десятка авторов в своих очерках рассказывают о его жизни, творчестве; также приводится значительный список литературы о нем.

Кроме работ о самом Д. Дефо, следует кратко упомянуть труды современных англоязычных исследователей, которые изучали различные стороны социально-экономического развития Восточной Англии в рассматриваемый период. Так, Л. Clarkson [Clarkson, 1972] приходит к выводу, что города Восточной Англии представляли собой типичный пример английского города, который был ориентирован на экспорт, ибо их благосостояние в равной степени зависело и от развития промышленности, и от морской торговли. Автор отмечает, что даже в первой половине XVIII в. большую роль в развитии местной

экономики продолжало играть ремесленное производство. Д. Коулмен [Coleman, 1977], рассматривая проблему развития промышленности Англии в период правления поздних Стюартов и первых монархов Ганноверской династии, в качестве иллюстративных сюжетов использует отдельные данные по развитию текстильного производства в Восточной Англии из заметок Д. Дефо. П. Корфилд раскрывает проблему экономической жизни Восточной Англии в раннее Новое время путем сравнительной критики содержания заметок Д. Дефо с прочими источниками, включая как документы местных архивов, так и материалы археологических раскопок, данные специалистов в области этнографии и исторической антропологии [Corfield, 1972; 1982; 1995].

Основная цель нашей работы — показать, как Дефо оценивал уровень развития промышленности в Англии в начале XVIII в., на основании анализа его труда «Путешествия по восточным графствам Англии». Для этого необходимо: выяснить, какие отрасли промышленности отметил автор в своем сочинении и какие из них были ведущими; определить отношение (позицию) Дефо к методам организации промышленного производства; оценить роль государства и местного бизнеса в развитии промышленности.

Методология и методы исследования

В данном исследовании автор руководствовался принципами историзма, научной объективности, а также историко-антропологическим подходом, который позволяет обратиться к изучению человека в истории, исследованию мотивов создания его труда, в частности приемов описания экономического процветания в Англии начала XVIII в. Использован также сравнительно-исторический метод, предполагающий выявление специфики промышленного развития по различным графствам юго-восточной Англии.

Основная часть

Дефо называют основоположником экономического журнализма. В публицистике он пропагандировал буржуазное здравомыслие, выступал в защиту веротерпимости и свободы слова. Колкий сатирический стиль его письма привлекал внимание широкой аудитории, в состав которой входили не только рядовые англичане, но и отдельные представители партии вигов. Озвучивая на страницах своих произведений мнение кругов, которые он представлял, Д. Дефо придавал той или иной проблеме широкий общественный резонанс,

мотивировал соотечественников на проявление активной гражданской позиции [Елистратова, 1966: 71, 72]. При этом в адрес молодого публициста сразу же последовали обвинения в написании заказных статей, отчасти, очевидно, оправданные [Урнов, 1978: 68].

Начиная с 1706 г., Д. Дефо предпринимает периодические поездки по стране, составляя при этом путевые заметки с целью дальнейшей публикации. В 1722 г. Д. Дефо публикует свой труд — «Путешествие по восточным графствам Англии» [Defoe, 1891]. В его основу легли в том числе многочисленные записи Д. Дефо, сделанные публицистом во время его путешествий по Восточной Англии и графствам к югу от Лондона в 1709—1714 гг. Указанные поездки публицист совершил в качестве королевского агента.

Следует заметить, что многие из полученных Д. Дефо в ходе путешествия данных носили сомнительный характер, нуждались в перекрестной проверке со сведениями из иных источников, обращаться к которым было крайне затруднительно, в силу чего публицист предпочел вовсе не упоминать факты, вызывающие вопросы [Лабутина, 1986: 84].

Политическая конъюнктура в рассматриваемый период вынудила автора «Робинзона Крузо» отказаться от всесторонней литературной обработки текста и убрать из финального варианта рукописи сюжеты, носящие острый социально-политический характер.

Как и многие авторы источников личного происхождения, Дефо рассматривал плоды своего интеллектуального труда двояко: и как изложение событий собственной жизни, призванное запечатлеть свою личность в памяти потомков, установив связь поколений и передав последующим поколениям определенный опыт, и как описание собственного взгляда на реалии окружающей действительности [Ее же, 1994: 44]. Не следует также забывать, что путевые заметки представляли собой коммерческий продукт, ориентированный на получение прибыли. Последнее обстоятельство закономерно повлияло на выбор автором конкретных сюжетов, соотношение удельных долей в освещении различных по тематике фактов, манеру подачи материала, стиль и языковую специфику текста [Аникст, 1957: 78]. Таким образом, цели создания источника комплексны: Д. Дефо рассчитывал оказать воздействие на достаточно широкую аудиторию читателей, повлиять на восприятие современниками окружающей

действительности, а также извлечь материальную прибыль, в то же время выполнив ряд задач академического характера.

Промышленное развитие Восточной Англии

Во время поездки по Восточной Англии Даниэль Дефо в своих путевых записках отмечает, что образующие регион графства — Эссекс, Суффолк, Суррей и в особенности Норфорк — являются наиболее густонаселенным и процветающим в экономическом отношении районом королевства. В частности, писатель отмечает: «Эссекс, Суффолк и Норфорк — это самые занятые в мануфактурном производстве графства» [Defoe, 1891: 15].

При этом Дефо подчеркивает, что у региона имеется «истинная» столица — город Норидж, представляющая собой пример большого, богатого, многонаселенного, торгового и промышленного центра [Ibid.]. В начале XVIII в. Норидж был вторым по численности населения (примерно 30 тыс. жителей [Wrigley, 1987: 160]) после Лондона. Свои впечатления писатель передал следующим образом: «Когда мы приехали в Норфорк, то увидели огромное количество мануфактурристов, особенно ткачей в Норидже, которые употребляли тысячи выюков пряжи, получаемых ими из различных графств, даже из Йоркшира и Уэстморленда [Defoe, 1891: 15]. Эпитеты «огромное количество» и «тысячи выюков» уже сами по себе говорят о пропагандистском характере этих высказываний, но вместе с тем констатируют факт высокого уровня текстильного производства в Норидже.

Дефо замечает, что Норидж производил различное впечатление на путешественников в зависимости от дней недели: в будни город был почти пустым, в то время как в праздничные дни его улицы наполнялись местными жителями. Автор объяснял это постоянной занятостью населения на производстве [Ibid.: 17]: тысячи семей существуют за счет этого. Однако на момент путешествия Дефо по графству в нем все сильнее раздавались «крики бедных», так как наблюдался спад торговли [Ibid.: 17, 18], ибо разгорелся очередной кризис в торговле сукном. Был разгар войны за «Испанское наследство», а это негативно отразилось на торговле с континентом, особенно сукном, которое было главным предметом экспорта.

Обращая внимание читателя на высокий уровень развития текстильной промышленности Нориджа, Д. Дефо также отмечает, что производство тканей в целом являлось ведущей отраслью индустрии

Восточной Англии. В частности, он указывает, что в Кингс Линне в текстильной отрасли трудилось около 70 процентов всех промышленных рабочих; в Ипсуиче, Бери-Сент-Эдмундсе и Ярмуте — каждый второй был занят в мануфактурном производстве [Ibid.: 21].

О престижности и высоком уровне развития текстильной отрасли в регионе свидетельствует тот факт, что за первую четверть XVIII в. приблизительно половина мэров городов Восточной Англии была выбрана из представителей этой профессии. По сути, люди, занятые в текстильной промышленности, вступали в своего рода коммерческую элиту города [Ibid.: 15]. Это тоже своего рода пропаганда, когда говорится о том, что представители этой профессиональной группы находились во главе городской власти.

В «Записях города Нориджа» присутствуют свидетельства того, что некоторые текстильщики были специально приглашены из других текстильных центров. В частности, в документах упоминаются мастера по производству и обработке тканей, прибывшие из текстильных центров Ланкашира — Ливерпуля, Сефтона и Сент-Хеленса [The records, 1906: 279]. Миграцию рабочей силы из других регионов отмечает и Дефо [Ibid.: 19]. Этот факт косвенно тоже говорит о престижности данной отрасли в регионе.

Необходимо признать, что отдельные сюжеты, описанные Дефо, вызывают сомнения у современных исследователей — например, подсчет численности жителей Нориджа и его округи, занятых на шерстяных и шелковых мануфактурах. Автор писал, что известные ткачи Нориджа дали ему схему их торговли, а он подсчитал количество станков и занятых на них рабочих только в этом городе. По его подсчетам, в сукноделии и шелкоткачестве было занято 120000 человек [Ibid.: 17]. Однако, согласно изученным Пенелопой Корфилд материалам городских архивов, реальное количество рабочих текстильной отрасли в городе к концу XVII в. составляло приблизительно 500 профессиональных ткачей и 8000 наемных рабочих и подмастерьев (что вполне реалистично на фоне того факта, что население самого города насчитывало приблизительно 30000 человек) [Corfield, 1972: 276]. Конечно, данные, приводимые Дефо, являются явным преувеличением, своего рода пропагандой промышленного могущества страны.

При этом можно отметить, что, согласно полученным писателем сведениям, постоянный рост значимости текстильного производства, наблюдавшийся в графствах Восточной Англии в первые десятилетия

XVIII в., сопровождался также значительными изменениями его структуры. Так, публицист отмечал, что на уровне роста объемов производства тканей наблюдается снижение удельной доли сукноделия в рамках местной текстильной индустрии. В то же время им фиксировалось увеличение выпуска бархата, парчи, атласа и тафты — тканей, предназначенных для изготовления костюмов знати. Д. Дефо признавал, что по качеству английские аналоги «престижных» видов ткани уступали французским, испанским и итальянским образчикам, но отличались куда большей дешевизной, за счет чего становились доступны даже сельским джентльменам, не располагавшим доходами, сопоставимыми с достатком лондонских щеголей [Defoe, 1891: 16]. Такое указание на «дешевизну» товара является своего рода его рекламой и пропагандой.

Современные исследователи фиксируют аналогичные тенденции, отмечая, что одновременно произошло уменьшение процентного соотношения всех прочих отраслей экономики региона. При этом принципиально важно подчеркнуть, что данное снижение было относительным — в абсолютных показателях все производства демонстрировали значительный рост. Д. Дефо объясняет происходившее тем, что промышленники и купцы Восточной Англии стремились максимально воспользоваться уроном, который нанесла промышленности континента война за «Испанское наследство». Они получили возможность захватить новые рынки сбыта, пока национальная индустрия Франции, Брабанта, Испании, Италии и западногерманских земель не оправилась от полученного в ходе боевых действий ущерба. Ключ же к захвату ниши конкурентов на рынке британские предприниматели видели в увеличении разнообразия собственного ассортимента товаров, выпуске тех видов продукции, которые ранее выпускали разоренные армиями Виллара, Мальборо и Евгения Савойского мануфактуры [Campbell-Kease, 1989: 34; Defoe, 1891: 18, 19].

Характеризуя состояние промышленности региона, автор также обращает внимание, что в течение первых десятилетий XVIII в. местная текстильная промышленность несколько раз переориентировалась на разные рынки. В начале века производство тканей Восточной Англии было ориентировано на выпуск продукции для иностранных рынков. Однако в середине 1710-х гг. местные производители сбывали свои товары уже внутри королевства, а в начале 1720-х гг. снова вышли

на международный рынок. Подобная динамика обусловливалаась негативным влиянием на международную торговлю войны за «Испанское наследство» и Северной войны — двух конфликтов, которые сильно ударили по двум основным потребителям производившихся в Восточной Англии тканей — Испании и Швеции, и ограничили потенциал морских перевозок. При этом публицист отмечает, что переориентация на внутреннего потребителя в годы войны обернулась обострением конкуренции внутри страны вследствие перенасыщения национального рынка товаром [Defoe, 1891: 20, 21; Corfield, 1972: 273; Riches, 1967: 87].

Дефо также акцентирует внимание на том, что текстильные предприятия Восточной Англии, в особенности Норфорлка, не занимали на рынке определенной ниши, специализируясь на выпуске самых разных тканей. Местные предприятия производили одежду для женщин и детей, костюмы и камзолы для джентльменов и подкладки для более дорогих товаров. Также производимые в регионе ткани использовались для внутренней отделки домов и в производстве предметов интерьера — занавесок, скатертей, покрывал и т. д. Отличительным признаком местного текстиля был большой выбор стилей и расцветок. Длина лоскутов составляла 27 ярдов, а цены на них колебались от 30 шиллингов до 3 фунтов. Дефо таким способом отмечал, что вариативность моделей и стилей использовалась для стимуляции спроса [Defoe, 1891: 22].

Самой крупной отраслью текстильной промышленности являлось сукноделие (даже несмотря на снижение его удельной доли в общем объеме выпускаемых тканей). На продукцию только лишь норфорлкских сукноделов, как сообщает публицист, приходилось почти две трети национального экспорта соответствующей продукции [Defoe, 1891: 22]. Автор обращает внимание на значительное разнообразие выпускаемой местными предприятиями продукции [Defoe, 1891: 18]. В то же время в отношении видов выпускаемого сукна писатель упоминает лишь о двух видах тканей — «олддрейперс» и «њьюдрейперс». Первая изготавливалаась в основном из короткой, чесаной шерсти [Ibid.: 23], а вторая (иначе называемая креп) делалась из шерсти, или шерсти и шелка, и была очень легким и мягким материалом. При этом новая ткань, как отмечает Дефо, отличалась также поразительной дешевизной — продавалась менее чем

по 25 шиллингов за кусок [Ibid.: 21]. Термин «дешевизна», конечно, можно трактовать как рекламно-пропагандистский.

В начале XVIII в. города Восточной Англии по своей специализации отличались от стандартного доиндустриального города многофункциональностью. Будучи ведущей отраслью промышленности, текстильное производство всё же не превратило Восточную Англию в узкоспециализированный регион. В нем были представлены и другие значительные отрасли экономики, в частности, кожевенное производство и связанные с ним ремесла. Хотя текстильщики, сукноделы и кожевенники вместе составляли более половины всей рабочей силы в Норидже [Евсеев, 2019: 208], Дефо отмечает, что там имели место также многочисленные корпорации металлистов, строителей, деревообработчиков, на долю которых приходилось меньше одной пятой всей рабочей силы [Defoe, 1891: 27].

Кроме того, урбанизация стала причиной развития в городах Восточной Англии так называемой «поддерживающей индустрии», направленной на снабжение горожан всем необходимым: едой и водой, одеждой и жильем. Данная категория людей, занятых обеспечением продуктами и одеждой, была по сообщениям Даниэль Дефо, наиболее многочисленной после текстильщиков [Ibid.: 27]. На протяжении первой четверти XVIII в. их количество в совокупности составляло четверть всех занятых фрименов Нориджа и треть — Ярмута [Corfield, 1972: 270].

По сообщениям публициста, одной из профессий, процветавших в то время в регионе, было пивоварение. Большую роль здесь играло изготовление нориджского «Нога» — крепкого темного пива из местных сортов ячменя. Пивоваренная индустрия представляла собой столь значимую силу, что в 1716 г., когда мэр Бери-Сент-Эдмундса попытался провести кампанию против многочисленных пабов, ответом стал полноценный бунт горожан, профинансированный винокурями и поддержаный представителем города в палате общин (очевидно, подкупленным производителями и распространителями алкоголя) [Defoe, 1891: 29].

Прочие отрасли промышленности были развиты достаточно слабо. В частности, металлургических предприятий было мало, ибо они не имели существенных перспектив развития в связи с бедностью региона полезными ископаемыми [Ibid.: 28].

Таким образом, Д. Дефо в целом положительно оценивал

развитие Восточной Англии, которая представляла собой один из наиболее мощных в промышленном отношении регионов Великобритании в доиндустриальную эпоху. На его территории получили развитие преимущественно отрасли легкой промышленности, в первую очередь — текстильное производство, внутри которого преобладало сукноделие. Местные производства были ориентированы преимущественно на импорт, однако внешнеполитическая конъюнктура длительное время вынуждала перенаправлять продукцию на внутренний рынок, что, ввиду перенасыщенности последнего, негативно сказывалось на положении предприятий Восточной Англии. При этом сообщения публициста в большинстве своем взаимосвязаны с данными современных исследователей, что свидетельствует в пользу достоверности описаний Дефо.

Дефо о промышленности графств к югу от Лондона

Дефо, кроме Восточной Англии, посетил территории английских графств, располагавшихся к югу от Лондона, — Кент, Сассекс, Суррей. В данном регионе были достигнуты значительные успехи в традиционных для Англии того времени отраслях: текстильном производстве, пивоварении, изготовлении мыла — и Дефо отмечал это. Наибольшее значение на момент его путешествия имело сукноделие. Обработка шерсти еще в начале XVI в. широко распространилась по всей Англии, а выделкой сукна занимались практически во всем королевстве.

Необходимо отметить, что в этот период начинают возникать и некоторые новые отрасли промышленности — например, производство пороха, бумаги и сахара. Среди положительных моментов промышленного развития Д. Дефо отмечал быстрые темпы развития кораблестроения, что подкреплялось примерами из путевых заметок автора, а также производство гончарных и металлических изделий.

Дефо умел достаточно точно передать основные черты промышленного развития графств к югу от Лондона в своих путевых записях. В этой связи Дж. М. Тревельян отмечал, что публицист «первым усовершенствовал искусство репортера; и даже его романы, такие как “Робинзон Крузо” и “Молль Флендерс”, являются репортажами о повседневной жизни» [Тревельян, 1959: 312]. Именно труды Д. Дефо послужили образцом будущих художественных произведений на документальной основе [Подгорский, 1982: 88], основной задачей

которых была иллюстрация социально-экономического развития страны. Отмечая успехи промышленного развития юго-восточных графств Англии, публицист говорит об особой роли текстильных производств в структуре их экономики. Однако в Кенте, Сассексе и графстве Суррей, а также в Гемпшире, с точки зрения публициста, не было сколько-нибудь значительного шерстяного производства, за исключением легкой камвольной саржи [Defoe, 1891: 43]. Как отмечает автор в своих путевых заметках, уровень мануфактурного производства в сукноделии имел значительные отличия в разных частях страны. Дефо писал, что очень развитыми в этом отношении территориями были Эссекс и Норфолк, располагавшиеся на востоке страны, которым, в свою очередь, уступали юго-восточные земли — Кранбрук в Кенте, Гилфорд и Фарнхэм в графстве Суррей [Ibid.: 31].

Д. Дефо, уделявший много внимания вопросам развития текстильного производства, указывал, что крупные текстильные мануфактуры размещались также в Солсбери, Уилтсе, Нью-Форесте и Стоубридже; для каждого из городов была характерна специализация на выпуске определенного вида текстильных изделий. Публицист отмечал, что огромное число мануфактур, располагавшихся на территории Солсбери и по всему графству Уилтшир, выпускали преимущественно одежду, «драггетс» и различные сорта фланели. Далее он замечает, что в Солсбери есть две замечательные мануфактуры, которые производят прекрасную фланель, известную под названием «солсбериjsкая белая», для продажи в Турцию [Ibid.: 27, 28]. В этих описаниях Дефо снова прослеживается некая гордость за такие замечательные ткани, которые идут на экспорт.

В графствах, располагавшихся к югу от Лондона, как отмечает писатель, существовало также судостроительное производство, однако только в тех районах, где имелось большое количество относительно дешевой древесины, как в районе города Брендхемстон [Ibid.: 48]. Говоря об успехах промышленности в этом регионе, Дефо отмечает, что одним из направлений промышленного производства была металлообработка. Он пишет, что здесь были крупные мастерские, которые использовали огромное количество руды, топлива для изготовления необходимых вещей из железа, в том числе и оружия, производимого на местных предприятиях [Ibid.: 52].

Некоторые промышленные центры, согласно информации Дефо, возникали посредством реализации совместных проектов

королевской власти и бизнеса. Примером подобного может служить город Нью-Форест, расположенный на границе Хемпшира и Уилтшира. В период правления Вильгельма Оранского представители верховной власти совместно с крупными коммерсантами приняли решение превратить заштатный Нью-Форест в крупный промышленный центр, в массовом порядке организовав переселение на английскую землю ремесленников, рабочих и торговцев из Нидерландов. При этом авторы данного проекта заложили в своих планах долгосрочные перспективы развития: для жилищного и промышленного строительства городской общине были выделены 4 тыс. акров земли, которые должны были быть застроены в течение 20 лет. В городе поселили парикмахеров, стеклодувов, красильщиков, слесарей и кузнецов [Ibid.: 27, 28]. Здесь были также построены 2 ветряные мельницы, а также 1 промышленная текстильная мельница, обслуживающий персонал которых вместе с семьями также был выписан из «низинных земель». При этом предпринимались активные меры к натурализации нидерландских мастеров и в особенности — их детей, которые, по замыслу создателей проекта, должны были воспринимать в качестве своей родины уже Соединенное Королевство, а не Соединенные Провинции. Подобный подход гарантировал, по мнению Дефо, что голландские мастера, скопив состояние на английских заказах, не покинут земли Великобритании, унося с собой как бесценные секреты мастерства, так и честно уплаченные за его применение фунты [Ibid.: 33]. Писатель на этом примере явно пропагандирует частно-государственное предпринимательство, говоря о его несомненной выгоде.

В свою очередь, экономический упадок отдельных городов Юго-Восточной Англии объяснялся нехваткой на территории последних квалифицированных работников. Так, на противоположной стороне реки Медуэй, в графстве Кент, некогда славившемся производством одежды, в период путешествия Д. Дефо не хватало портных — их количество не превышало десяти человек [Ibid.: 46]. На данной территории, как отмечает автор, широко использовался труд беженцев — французских протестантов, которые привлекались к шелкоткачеству. Их труд, однако, объяснялся не только нехваткой местных квалифицированных работников, но также и небольшим количеством действующих ткацких станков [Ibid.: 48]. «Незначительные остатки» прежнего текстильного производства публицист

отмечает и на территории графства Суррей, славившегося некогда производством одежды [Ibid.: 52]. Однако, по словам автора, темпы роста легкой промышленности Годалминга и близлежащих городов были обусловлены приложением значительных усилий местных сукноделов, в результате чего земли графства Суррей возвратили себе прежнюю репутацию центра текстильного производства [Ibid.]. Дефо отмечал также, что в текстильном производстве (суконщики и красильщики) в Суррее привлекались женщины и дети [Ibid.].

Важно обратить внимание на то, что развитие промышленности в конкретном городе во многом обуславливалось наличием или отсутствием удобных путей для сбыта товара (и в первую очередь — связи с морскими коммуникациями). В частности, как пишет Дефо, данный фактор способствовал, с одной стороны, упадку Уинчестера, а с другой — развитию Уэрхема [Ibid.: 39]. В Уинчестере была слаборазвитая торговля, за исключением, естественно, торговых связей жителей города и окрестных деревень друг с другом. Здесь, как отмечает публицист, отсутствуют производство и навигация, несмотря на то, что предпринимались попытки сделать реку до Саутгемптона судоходной и это было практически осуществимо [Ibid.]. Этим заявлением Дефо призывал более активно вкладывать средства в развитие путей сообщения для большего экономического успеха.

Анализируя развитие отдельных городов Юго-Восточной Англии, Дефо отмечал наличие или отсутствие промышленного производства, а также удобной навигации. Так, повествуя о Фавершеме, автор говорил, что в нем не наложены хорошая торговля, а также производство и навигация [Ibid.: 56]. Небольшой город Майдстон, расположенный на реке Медуэй, с точки зрения Дефо, был обязан своим экономическим процветанием судоходности этой водной артерии [Ibid.: 55]. При этом основные производства в данном округе были сосредоточены на территории Майдстона, Кентербери и некоторых соседних городов. Основой же промышленности Майдстона было производство специальных нитей, из которых изготавливалось постельное белье. Технология их изготовления, как отмечает публицист, была доведена до совершенства на местных предприятиях [Ibid.: 54].

Просветительская позиция Д. Дефо заставляла его критически относиться к материалам собственных наблюдений, записанных

во время путешествия по Юго-Восточной Англии. В своих сочинениях Д. Дефо неоднократно подчеркивал, что «задачей просветителя является устранение в обществе всего, чего следует стыдиться» [Defoe, 2010: 1]. Как отмечала Т. Л. Лабутина, Д. Дефо представил конкретный план действий по улучшению и оздоровлению существующего общества, в основу которого были положены личные наблюдения публициста в отношении экономического развития страны [Лабутина, 1995: 49].

Заключение

Судя по описаниям Дефо, можно заключить, что на юго-востоке Англии в начале XVIII в. наблюдалось интенсивное развитие мануфактурного производства, в первую очередь — текстильной промышленности. Кроме того, для каждого из городов была характерна специализация на выпуске определенного вида текстильных изделий. Одной из старейших отраслей на данной территории было суконеделие. Быстрыми темпами развивалось кораблестроение, а также производство гончарных и металлических изделий. Необходимо отметить, что уровень мануфактурного производства сильно отличался в разных регионах, и этот аспект Дефо неоднократно подчеркивал в своих путевых заметках. Писатель отмечал, что промышленность развивалась преимущественно в городах, расположение которых предполагало легкий доступ к основным торговым маршрутам, в особенности — к морским портам. Это тоже являлось своеобразной пропагандой подобных промышленных центров. Процесс промышленного развития региона при этом протекал даже целенаправленно, под воздействием программ, реализуемых государством совместно с представителями местного бизнеса. В рамках подобных проектов также активно использовалась политика привлечения и переселения зарубежных специалистов, что в значительной степени способствовало росту конкурентоспособности английской индустрии.

Д. Дефо в целом высоко оценивал промышленное развитие Восточной Англии, которая представляла собой один из наиболее мощных в промышленном отношении регионов Великобритании в доиндустриальную эпоху.

Можно констатировать, что основная цель создания данного произведения — оказать воздействие на достаточно широкую аудиторию читателей, в частности, пропагандой преимуществ промышленного (экономического) развития Англии на примере ее

самого развитого и густонаселенного региона в начале раннего Нового времени [Евсеев, 2019: 202; Самаркин, 1976: 198].

Список источников

- Аникст А. А.* Даниэль Дефо. Очерк жизни и творчества. М.: Детгиз, 1957. 136 с.
- Артаманов С. Д.* История зарубежной литературы XVII—XVIII вв. М.: Просвещение, 1978. 608 с.
- Евсеев В. А.* «Городская цивилизация» Англии от Тюдоров до Стюартов. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2019. 636 с.
- Елистратова А. А.* Английский роман эпохи просвещения. М.: Наука, 1966. 472 с.
- Лабутина Т. Л.* Даниель Дефо, автор «Робинзона Крузо». Его общественно-политические взгляды // Новая и новейшая история. 1986. № 1. С. 156—167.
- Лабутина Т. Л.* У истоков современной демократии. Политическая мысль английского Просвещения 1689—1714 гг. М.: РАН, Институт всеобщей истории, 1994. 303 с.
- Лабутина Т. Л.* «Консерватор» Свифт и «реформатор» Дефо // Вопросы истории. 1995. № 11—12. С. 39—48.
- Лабутина Т. Л., Ковалев М. А.* Британские интеллектуалы эпохи Просвещения: от маркиза Галифакса до Эдмунда Бёрка. СПб.: Алтейя, 2020. 571 с.
- Нерсесова М. А.* Даниэль Дефо. М.: Знание, 1960. 40 с.
- Подгорский А. В.* «Дневник Чумного Года». Д. Дефо и документальный жанр в английской литературе начала XVIII века // Взаимодействие жанров в художественной системе писателя: межвуз. сб. науч. трудов / отв. ред. Б. И. Пуришев. М.: МГПИ им. В. И. Ленина, 1982. С. 72—88.
- Просветительское движение в Англии / под ред. Н. М. Мещеряковой. М.: Изд-во МГУ, 1991. 443 с.
- Самаркин В. В.* Историческая география Западной Европы в средние века. М.: Высшая школа, 1976. 248 с.
- Тревельян Дж. М.* Социальная история Англии. М.: Иностранная литература, 1959. 607 с.
- Урнов Д. М.* Дефо. М.: Молодая гвардия, 1978. 255 с.
- Campbell-Kease J.* A companion to local history research. Sherborne: Dorset Alphabook, 1989. 384 p.
- Clarkson L. A.* The pre-industrial economy in England. 1500—1700. N. Y.: Schocken Books, 1972. 268 p.
- Coleman D. C.* Industry in Tudor and Stuart England. L.: Macmillan, 1975. 63 p.
- Coleman D. C.* The economy of England. 1450—1750. L.: Oxford University Press, 1977. 223 p.

- Corfield P. J.* A provincial capital in the late seventeenth century: the case of Norwich // Crises and order in English towns, 1500—1700 / ed. by P. Clark, P. Slack. Toronto: University of Toronto Press, 1972. P. 263—310.
- Corfield P. J.* The Impact of English Towns 1700—1800. Oxford: Oxford University Press, 1982. 206 p.
- Corfield P. J.* Power and Professions in Britain, 1700—1850. L.: Routledge, 1995.
- Defoe D.* A Review of the State of the English Nations. Vol. 8. L.: Routledge, 2010. 992 p.
- Defoe D.* Tour through the Eastern Counties of England, 1722. L., Paris, Melbourn: Cassell & Company, 1891. 192 p.
- Riches N.* Agricultural revolution in Norfolk. L.: FrankCass, 1967. 194 p.
- Secord A. W.* Studies in the narrative method of Defoe. Urbana: The University of Illinois, 1924. 248 p.
- The Oxford Handbook of Daniel Defoe / ed. by N. Slager, J. A. Downie. L.: Oxford University Press, 2023. 720 p.
- The records city of Norwich / ed. by W. Hudson. Vol. 1. London: Jarrold & Sons, 1906. 638 p.
- Wrigley E. A.* People, cities and wealth: The transformation of traditional society. Oxford: Blackwell, 1987. 348 p.

References

- Anikst, A. A. (1957), *Daniel' Defo. Ocherk zhizni i tvorchestva* [Daniel Defoe. Essay on life and work], Detgiz, Moscow, Russia.
- Artamanov, S. D. (1978), *Istoriia zarubezhnoi literatury XVII—XVIII vv.* [History of foreign literature of the XVII—XVIII centuries], Prosveshchenie, Moscow, Russia.
- Campbell-Kease, J. (1989), *A companion to local history research*, Dorset Alphabook, Sherborne, UK.
- Clarkson, L. A. (1972), *The pre-industrial economy in England. 1500—1700*, Schocken Books, New York, N.Y.
- Coleman, D. C. (1975), *Industry in Tudor and Stuart England*, Macmillan, London, UK.
- Coleman, D. C. (1977), *The economy of England. 1450—1750*, Oxford University Press, London, UK.
- Corfield, P. J. (1972), ‘A provincial capital in the late seventeenth century: the case of Norwich’, in Clark, P. and Slack, P. (eds.), *Crises and order in English towns, 1500—1700*, University of Toronto Press, Toronto, Canada: 263—310.
- Corfield, P. J. (1982), *The Impact of English Towns 1700—1800*. Oxford University Press, Oxford, UK.
- Corfield, P. J. (1995), *Power and Professions in Britain, 1700—1850*, Routledge, London, UK.

- Defoe, D. (2010), *A Review of the State of the English Nations*, vol. 8, Routledge, London, UK.
- Defoe, D. (1722), *Tour through the Eastern Counties of England*, Cassell & Company, London, Paris, Melbourn, UK.
- Evseev, V. A. (2019), “*Gorodskaiia tsivilizatsiia” Anglii ot Tiudorov do Stiutartov* [“Urban civilization” of England from the Tudors to the Stuarts], Tsentr gumanitarnykh initsiativ, Moscow; Saint Petersburg, Russia.
- Elistratova, A. A. (1966), *Angliiskii roman epokhi prosveshcheniia* [English novel of the Age of Enlightenment], Nauka, Moscow, Russia.
- Hudson, W. (ed.) (1906), *The records city of Norwich*, vol. 1, Jarrold & Sons, Ltd, London, UK.
- Labutina, T. L. (1986), ‘Daniel Defoe, author of Robinson Crusoe. His socio-political views’, *Novaia i noveishaiia istoriia* [Modern and Contemporary History], no. 1: 156—167.
- Labutina, T. L. (1994), *U istokov sovremennoi demokratii. Politicheskaiia mysl’ angliiskogo Prosveshcheniia 1689—1714 gg.* [At the origins of modern democracy. Political thought of the English Enlightenment 1689—1714], Institut vseobshchey istorii RAN, Moscow, Russia.
- Labutina, T. L. (1995), “Conservative” Swift and “reformer” Defoe’, *Voprosy istorii* [Issues of History], no. 11—12: 39—48.
- Labutina, T. L. and Kovalev, M. A. (2020), *Britanskie intellektualy epokhi Prosveshcheniia: Ot markiza Galifaksa do Edmunda Berka* [British Intellectuals of the Enlightenment: From the Marquess of Halifax to Edmund Burke], Alteiia, Saint Petersburg, Russia.
- Nersesova, M. A. (1960), *Daniel’ Defo* [Daniel Defoe], Znanie, Moscow, Russia.
- Podgorsky, A. V. (1982), “Diary of the Plague Year”. D. Defoe and the documentary genre in English literature of the early 18th century’, in Purishev, B. I. (ed.), *Vzaimodeistvie zhanrov v khudozhestvennoi sisteme pisatelia: mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov* [Interaction of genres in a writer’s artistic system: interuniversity collection of scientific papers], MGPI im. V. I. Lenina, Moscow, Russia: 72—88.
- Prosvetitel’skoe dvizhenie v Anglii* [Educational movement in England] (1991), in Meshcheryakova, N. M. (ed.), Izdatel’stvo MGU, Moscow, Russia.
- Riches, N. (1967), *Agricultural revolution in Norfolk*, FrankCass, London, UK.
- Samarkin, V. V. (1976), *Istoricheskaiia geografiia Zapadnoi Evropy v srednie veka* [Istoricheskaiia geografiia Zapadnoi Evropy v srednie veka], Vysshiaia shkola, Moscow, Russia.
- Secord, A. W. (1924), *Studies in the narrative method of Defoe*, University of Illinois, Urbana, IL.
- Slager, N. and Downie, J. A. (eds) (2023), *The Oxford Handbook of Daniel Defoe*, Oxford University Press, London, UK.

- Trevelyan, G. M. (1959), *Sotsial'naia istoriia Anglii* [Social history of England], Inostrannaia literatura, Moscow, Russia.
- Urnov, D. M. (1978), *Defo* [Defoe], Molodaia gvardiia, Moscow, Russia.
- Wrigley, E. A. (1987), *People, cities and wealth: The transformation of traditional society*, Blackwell, Oxford, UK.

Статья поступила в редакцию 30.11.2024; одобрена после рецензирования 23.12.2024; принята к публикации 25.12.2024.

The article was submitted 30.11.2024; approved after reviewing 23.12.2024; accepted for publication 25.12.2024.

Информация об авторе / Information about the author

B. A. Евсеев — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Ивановский государственный университет, Иваново, Россия.

V. A. Evseev — Doctor of Sciences (History), Professor, Professor of the Department of General History and International Relations, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia.

Интеллигенция и мир. 2025. № 3. С. 89—107.

Intelligentsia and the World. 2025. No. 3. P. 89—107.

Научная статья

УДК 94(47).072

EDN <https://elibrary.ru/nbxvrim>

DOI: 10.46725/IW.2025.3.5

Научная специальность ВАК

5.6.1 Отечественная история

ЛИЧНОСТЬ ГРАФА М. С. ВОРОНЦОВА КАК ПРИМЕР СЛУЖЕНИЯ ОТЕЧЕСТВУ

Сергей Львович Воронцов

Ивановская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России,
Иваново, Россия, voron_ser@mail.ru, SPIN-код: 1381-6953

Анна Анатольевна Лобова

Ивановская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России,
Иваново Россия, annete79@mail.ru, SPIN-код: 3196-6444

Аннотация. В данной статье поднимается вопрос патриотического воспитания граждан России через изучение жизни и деятельности их знаменитых однофамильцев. В частности, рассматривается деятельность однофамильца автора, выдающегося военачальника и незаурядного администратора графа М. С. Воронцова как пример добросовестного и результативного служения Отечеству на протяжении всей своей жизни. В рамках повествования в общих чертах рассматривается служба Михаила Воронцова на Кавказе, где судьба свела его с другим молодым офицером, в будущем известным военачальником Петром Степановичем Котляревским. Отдельным фрагментом показаны участие Михаила Семеновича в Отечественной войне 1812 г., Бородинское сражение и организация госпиталя для раненых в родовом поместье Андреевское на территории современной Владимирской области. Завершается повествование об участии М. С. Воронцова в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах русской армии материалом о командовании русским оккупационным корпусом во Франции. При описании деятельности М. С. Воронцова в послевоенные годы особое внимание уделяется его заслугам в период управления Новороссией, где полностью смог развернуться талант преобразователя и талантливого администратора.

Именно благодаря активной работе Михаила Семеновича буквально за 11 лет Новороссия заселяется переселенцами, появляются новые отрасли хозяйства, население увеличивается в два раза.

Ключевые слова: историческая личность, М. С. Воронцов, Отечественная война 1812 г., генерал-губернатор Новороссии, служба на Кавказе, служение Отечеству, патриотическое воспитание

Для цитирования: Воронцов С. Л., Лобова А. А. Личность графа М. С. Воронцова как пример служения Отечеству // Интеллигенция и мир. 2025. № 3. С. 89—107.

Original article

THE PERSONALITY OF COUNT M. S. VORONTSOV AS AN EXAMPLE OF SERVICE TO THE FATHERLAND

Sergey L. Vorontsov

Ivanovo Fire and Rescue Academy of State Firefighting Service of EMERCOM of Russia, Ivanovo, Russia, voron_ser@mail.ru, SPIN: 1381-6953

Anna An. Lobova

Ivanovo Fire and Rescue Academy of State Firefighting Service of EMERCOM of Russia. Ivanovo, Russia, annete79@mail.ru, SPIN: 3196-6444

Abstract. This article raises the issue of patriotic education of Russian citizens through the study of the life and work of their famous namesakes. In particular, the work of the author's namesake, the outstanding military commander and extraordinary administrator Count M. S. Vorontsov is considered as an example of conscientious and effective service to the Fatherland throughout his life. Within the framework of the narrative, Mikhail Vorontsov's service in the Caucasus is generally considered, where fate brought him together with another young officer, the future famous military commander Pyotr Stepanovich Kotlyarevsky. A separate fragment shows the participation of Mikhail Semenovich in the Patriotic War of 1812, the Battle of Borodino and the organization of a hospital for the wounded in the Andreevsky family estate in the territory of the modern Vladimir region. The story about the participation of M. S. Vorontsov in the Patriotic War of 1812 and the foreign campaigns of the Russian army ends with presenting the material about the command of the Russian occupation corps in France. When describing the activities of M. S. Vorontsov in the post-war years, special attention is paid to his merits during the period of governing Novorossiya, where his talent as a reformer and talented administrator was able to fully develop. It is thanks to

the active work of Mikhail Semenovich that in just 11 years Novorossiya has been populated by immigrants, new sectors of the economy appear, and the population has doubled.

Keywords: historical personality, M. S. Vorontsov, the Patriotic War of 1812, Governor-General of Novorossiya, service at the Caucasus, service to the Fatherland, patriotic education

For citation: Vorontsov, S. L. and Lobova, A. A. (2025), ‘The personality of Count M. S. Vorontsov as an example of service to the Fatherland’, *Intelligentsia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 3: 89—107 (in Russ.).

Введение

Актуальность. В последние годы в российском обществе отчетливо прослеживается положительная тенденция возрождения традиционных духовных ценностей, многие столетия являвшихся краеугольным камнем фундамента, на котором строилось российское общество. К ним, без сомнения, можно отнести любовь и уважение к Родине, вере, национальным традициям, почитание старшего поколения, знание истории своей страны и своей семьи.

В советское время, к сожалению, наша история совершила очередной головокружительный виток, и фактически не только история государства, но и история многих семей и фамилий началась писаться заново. Такие традиционные ценности, как религиозная вера, верность семье и памяти своих предков заменялись на верность коммунистической идеологии и пролетарский интернационализм. Представители дворянских родов, где сохранялась память о своих предках, верой и правдой служивших России, в большинстве своем погибли в огне революций, Гражданской войны и репрессий 1930-х гг. или эмигрировали за границу. В немногих семьях новой советской интеллигенции, рабочего класса и колхозного крестьянства, в лучшем случае, сохранялись фотографии да обрывочные устные воспоминания, связанные с участием родственников в этих событиях: Октябрьской революции, Гражданской или Великой Отечественной войнах. О последней необходимо сказать особо. Она, как свежая волна, всколыхнула нашу историческую память. Во многих семьях сохранились воспоминания и награды родственников, принимавших участие в этой великой войне.

После раз渲а СССР наступил кризис коммунистической идеологии, которая трансформировала, но не отрицала традиционные

ценности. Новая, либерально-демократическая, идеология, внедрившаяся в общественное сознание, пропагандировала отказ от традиционных для нашего народа коллективизма, любви к Родине, веры и уважения к старшим. На смену им приходят преклонение перед «золотым тельцом», индивидуализм, стремление к сытой и красивой жизни. Мораль общества под влиянием этих ценностей, усиленно внедряемых в общественное сознание СМИ при поддержке государства, неуклонно разлагалась. Место дружбы и сотрудничества заменили конкуренция и стремление ухватить себе жирный кусок любой ценой; верность и человечность заменялись на беспринципность и безжалостность.

Старшее поколение, прожившее жизнь и знающее цену таким «заменам», пыталось найти выход из сложившейся ситуации. В настоящее время наблюдается стремление вновь вернуться к традиционным ценностям, во многом построенным на примерах служения Родине и семье, вере и верности. Но, к сожалению, мы обнаружили, что опора только на кровнородственные связи, традиционно существовавшая в нашем обществе, здесь не работает. Во многих семьях оказалась забыта родословная, а безвременье 1990-х — начала 2000-х гг. окончательно похоронило даже те немногие обрывочные воспоминания о предках, которые оставались в советское время. Поэтому на продажу уходили мундиры, государственные награды и другие реликвии, составлявшие семейные ценности.

Что же делать? Как найти выход из сложившейся ситуации? Как вернуться к традиционным ценностям? На чьих примерах воспитывать детей и внуков? С такой проблемой столкнулся один из авторов данной статьи. И тут в памяти всплыла фраза, слышанная когда-то в детстве: «Сынок, не позорь фамилию!». Возможно, сказавший ее под словом «фамилия» подразумевал семью, кровнородственные связи. Но в современной ситуации она звучит сродни словам Президента РФ В. В. Путина, сказанным по поводу подвига дагестанского парня Нурмагомеда Гаджимагомедова: «Я лакец, я дагестанец, я чеченец, ингуш, русский, татарин, еврей, мордвин, осетин...». Замыкаясь лишь в кровнородственных связях, мы теряем главную связь — духовную. Для наших предков она была естественной, само собой разумеющейся, а для нас она теперь становится основной. И это показывают примеры подвигов наших воинов

разных национальностей в ходе проведения специальной военной операции, — воинов, с гордостью говорящих: «Я — русский!» Поэтому, возрождая традиции, мы не можем отказаться от той важной духовной связи, которая заключается в фамилии, которую мы носим. И беря в качестве примеров для себя, своих детей и внуков своих однофамильцев, мы фактически восстанавливаем духовную связь поколений, формируем патриотизм в высшем его проявлении — как духовную ценность. Поэтому в качестве героя нашей статьи мы взяли представителя одной из известнейших в России фамилий, достаточно распространенных в различных регионах нашей страны, — графа (в конце жизни светлейшего князя) Михаила Семеновича Воронцова, человека, вошедшего в историю Отечества в качестве и талантливого военачальника, и умелого администратора.

Постановка вопроса. Современная Россия — полиэтническая, многоконфессиональная страна. И одним из важных феноменов образования русской нации, на наш взгляд, является не кровное, а духовное родство, в том числе с лучшими представителями своего народа, своими делами прославившими фамилии, которые мы носим. Изучение деятельности исторических личностей, а особенно в свете исследования своих родовых корней, генеалогических исследований, является важным инструментом воспитания на конкретных примерах служения Отечеству и исполнения долга перед ним.

Методология и методы исследования

Исследование основывается на историософском понимании истории и исторической личности, на общенациональных методах познания. Используются конкретно-исторический, историко-проблемный, историко-генетический методы.

Основная часть

В данной статье мы остановимся лишь на одном достойном представителе славной фамилии Воронцовых — графе (в конце жизни — светлейшем князе) Михаиле Семеновиче Воронцове. Даже на фоне остальных представителей известной фамилии его можно считать звездой первой величины. За время своей более чем полувековой службы на благо Отечества Михаилу Семеновичу пришлось быть «одному во многих лицах». В военное время он проявил себя как военачальник, в мирное — как талантливый экономист

и администратор. Примечательно, что на любом поприще его жизнь являлась образцом выполнения воинского и гражданского долга.

В своих государственных заботах Михаил Семенович не забывал и о людях низших сословий: солдатах, крестьянах, ремесленниках, торговцах – понимая, что от их благосостояния и поддержки зависит процветание управляемой территории и, в конечном итоге, мощь и развитие государства.

О значимости личности графа М. С. Воронцова, часто опираясь на воспоминания о нем российских и иностранных современников, пишут многие исследователи [Алексеев, 2002; Герман, 2021; Демидова, 2012; Непомнящий, Кравчук, 2018; Савельев, 2011 — и др.]. Обычно они отмечают не только успехи графа на военной и гражданской службе, но и его личностные качества, например умение дружить.

В своем исследовании мы опирались на следующие источники: биографию М. С. Воронцова, написанную М. П. Щербининым и опубликованную в 1858 году [Щербинин, 1858]; «Очерк заслуг, сделанных наукам, светлейшим князем Михаилом Семеновичем Воронцовым» Мурзакевича Н. Н. [Мурзакевич, 1860], мемуары В. П. Кореневского 1891—1892 гг.¹; ряд выявленных в интернете архивных источников — редакторскую записку газеты «Московские ведомости», 1848—1850 гг.², речи, произнесенные на собрании Императорского общества сельского хозяйства Южной России, состоявшегося 15-го ноября 1856 года, по случаю кончины основателя и президента этого общества Михаила Семеновича Воронцова³.

¹ Неизвестные воспоминания о деятельности М. С. Воронцова в Крыму, 1836—1845 // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2010. Т. XIX. С. 708—736.

² Магазин вин садов князя Михаила Семеновича Воронцова на Никитской против Никитского монастыря в доме князя Вадбольского в Москве [Рукопись]: [писарская]. [Б. м.], 1848—1850. 2 л. (Редакторский портфель газеты «Московские ведомости», 1848—1850 гг.). URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_010482135?page=3&rotate=0&theme=white (дата обращения: 21.10.2024).

³ Экстраординарное собрание Императорского общества сельского хозяйства Южной России, бывшее 15-го ноября 1856 года, по случаю кончины основателя и президента этого общества, генерал-фельдмаршала светлейшего князя Михаила Семеновича Воронцова. Одесса: в Тип. П. Францова, 1857. 60 с.

Михаил Воронцов родился 30 мая 1782 г. в Санкт-Петербурге. Отец — Семен Романович Воронцов, дипломат и один из наиболее известных русских англофилов, мать — Екатерина Алексеевна, дочь знаменитого российского флотоводца, исследователя адмирала Д. Н. Сенявина. Вскоре после рождения сына семью Воронцовых постигло несчастье — Екатерина Алексеевна заболела туберкулезом и в августе 1784 г. скончалась. Семен Романович, оставшись с двумя маленькими детьми, никогда больше не женился и всю дальнейшую жизнь посвятил службе и детям.

Вскоре Семена Романовича Воронцова назначат русским посланником в Англии, где он фактически проведет всю оставшуюся жизнь. Благодаря отцу Михаил в традициях политической элиты XVIII в. получил прекрасное образование: помимо русского и английского, он владел греческим и латынью, знал русскую историю и литературу, изучал математику, естественные науки, брал уроки музыки и осваивал основы военного искусства. Кроме вышеперечисленного, молодой русский дворянин овладел практическими навыками верховой езды и владения оружием, что очень пригодилось ему в дальнейшей службе.

Особенности воспитания в семье и личность самого отца стали первоначальным импульсом к формированию личности Михаила Семеновича. Как отмечает А. Е. Савельев, преданное служение делам Отечества было традицией предков М. С. Воронцова и со стороны отца, и со стороны матери [Савельев, 2011: 21].

Семен Романович старался воспитать сына как человека с широким кругозором, поэтому брал его с собой на парламентские слушания и различные общественные мероприятия, возил на осмотр промышленных предприятий и российских кораблей, заходивших в английские порты. С самого рождения Михаил, в традициях того времени, был записан рядовым в Преображенский гвардейский полк и к четырем годам получил первый офицерский чин. В 1798 г. он в звании прапорщика был пожалован в камергеры высочайшего двора, что давало ему возможность по приезду в Россию сделать неплохую придворную карьеру. Однако придворная служба Михаила не интересовала. В 1801 г. после вступления на престол Александра I он приезжает в Россию и поступает на службу в Преображенский полк обыкновенным поручиком [Мединский [б. д.]].

Столичная служба скоро наснучила молодому офицеру,

и в 1803 г. он испрашивает разрешения убыть добровольцем на Кавказ в отряд князя Цицианова. Кавказ был неспокойным местом: большая война начнется позже, в 1817 г., но перманентные стычки с горцами шли постоянно. На Кавказе Михаил Воронцов столкнется с еще одним молодым офицером — будущим генералом, покорителем Кавказа Петром Степановичем Котляревским. В одном из боев Воронцов спасет ему жизнь, и боевая дружба свяжет этих великих людей на всю жизнь [Там же].

Несмотря на то, что Михаил состоял адъютантом при штабе командующего, он стремится участвовать почти во всех боях. В столичный Преображенский полк молодой офицер возвращается только через два года, но уже в чине капитана, кавалером нескольких боевых орденов, в том числе «статусного» среди офицеров того времени Св. Георгия IV степени, а ведь ему всего 23 года! Мирная служба в столице продолжалась недолго. С сентября 1805 г. Михаил Воронцов снова на войне. Участвует в нескольких сражениях с французами, в том числе в знаменитой битве под Фридландом, где командует 1-м батальоном Преображенского полка [Там же].

В 1809 г. Михаил Семенович в качестве командира Нарвского пехотного полка снова на войне, участвует в боях с турками в составе Дунайской армии. За отличие в штурме крепости Базарджик произведен в генерал-майоры, а за мужество и храбрость, проявленные в сражении при Видине, награжден орденом Св. Георгия III степени. Нарвский пехотный полк также не посрамил своего командира и был награжден георгиевскими знаменами [Алексеев, 2002: 270].

Начало Отечественной войны 1812 г. М. С. Воронцов встретил в армии под командованием Багратиона, участвовал в Смоленском сражении. В сражении при Бородино дивизия Воронцова защищала Багратионовы флеши, на которые пришелся главный удар противника. Вот что позднее вспоминал об этом сражении сам граф Воронцов: «...Мы должны были выдержать первую и жестокую атаку 5—6 французских дивизий, ...более 200 орудий действовали против нас. Сопротивление окончилось..., так сказать, с окончанием существования моей дивизии... Час спустя дивизия не существовала...» (цит. по: [Там же: 272]). По архивным данным, потери среди личного состава дивизии достигали 50 % [Залесский, 2003: 257—259]. Сам Михаил Семенович получил ранение мушкетной пулей и был направлен на лечение в свое родовое поместье Андреевское во

Владимирской губернии. По пути раненый генерал заехал в свой богатый московский дом, где на крестьянские подводы грузили имущество, чтобы увезти в поместье. Воронцов приказал оставить имущество, а на подводы грузить раненых солдат и офицеров и везти в имение. Таким образом, Андреевское превратилось в госпиталь, где одновременно лечились около 50 генералов и офицеров и около 300 нижних чинов [Щербинин, 1858: 65]. Содержание и лечение раненых Михаил Семенович взял на свой счет, и это обошлось ему в немалую сумму (ежедневные расходы составляли приблизительно 800 руб.) [Алексеев, 2002: 275]. После выздоровления каждый солдат получал новое обмундирование, обувь и 10 руб. на расходы. В условиях специальной военной операции, проводимой руководством и Вооруженными силами нашей страны, «госпиталь», организованный Михаилом Семеновичем Воронцовым, может служить достойным примером оказания помощи Родине в условиях тяжелейшей войны.

Портрет М. С. Воронцова в Галерее Героев
1812 г. в Эрмитаже
(изображение из открытых источников)

После поправки молодой генерал снова в действующей армии, участвует в «битве народов» под Лейпцигом. В сражении при Краоне Воронцов сражается против самого Наполеона, и части под командованием генерала стойко выдерживают удар. За отличие в сражении при Краоне Михаил Семенович был удостоен ордена Св. Георгия II степени. При взятии Парижа Воронцов командует особым отрядом, занявшим одно из столичных предместий Ла-Вилет.

После завершения войны генерал Воронцов назначается на ответственную и достаточно хлопотную должность — командующим русским оккупационным корпусом во Франции. Михаил Семенович устанавливает в корпусе жесткие правила, запрещавшие проявления беззакония по отношению к местному населению. Кроме того, он ограничивает применение телесных наказаний в отношении солдат. Воронцов, как Суворов, Скобелев, Драгомиров и другие выдающиеся русские военачальники, был категорическим противником применения в армии телесных наказаний. Известно его высказывание: «... солдат, который никогда еще палками наказан не был, гораздо способнее к чувствам амбиции, достойным настоящего воина и сына Отечества, и скорее можно ожидать от него хорошую службу и пример другим...»⁴.

Во всех подразделениях корпуса по приказу Воронцова были организованы ланкастерские школы, налажена регулярная доставка корреспонденции из России. Когда части оккупационного корпуса покидали Францию, Михаил Семенович приказал собрать все долговые расписки русских офицеров, находящиеся в парижских банках. Набралась немалая сумма — около 1,5 млн руб. ассигнациями. Для оплаты этого долга Воронцов продал большое имение в Белоруссии, доставшееся от тетки, знаменитой Екатерины Дашковой. В знак благодарности офицеры частей, входивших в оккупационный корпус, с разрешения Александра I преподнесли ему огромную серебряную вазу с выгравированными наименованиями частей, входивших в оккупационный корпус [Щербинин, 1858: 163]. Сейчас, два века спустя, когда средства массовой информации постоянно пестрят сведениями о случаях коррупции среди чинов российского оборонного ведомства, мы по достоинству можем оценить государственный ум

⁴ Граф Михаил Семёнович Воронцов. URL: <https://biographie.ru/politiki/graf-vorontsov> (дата обращения: 26.10.2024).

Михаила Семеновича Воронцова, который, руководя войсками на территории чужого государства, заботился о престиже своей страны.

Преобразования, учиненные Воронцовым в оккупационном корпусе, в Петербурге не всем пришлись по душе. По возвращении на Родину корпус расформировывается, Михаил Семенович подает в отставку. Однако Александр I, понимая, что такими людьми не разбрасываются, предлагает ему возглавить 3-й корпус, а в мае 1823 г. назначает губернатором Новороссийского края и наместником в Бессарабии.

Принимая назначение, Воронцов испрашивает для себя особые привилегии в управлении, в том числе право самому определять, где будет находиться столица края. Не лишенный предпринимательского таланта, Воронцов собирает команду верных товарищей-сослуживцев и с присущей ему энергией принимается за обустройство Новороссии, превышающей по своим размерам среднеевропейское государство. До приезда Михаила Семеновича столица края находилась в Симферополе, но Воронцов переносит ее туда, где бьется главный торговый пульс края — в Одессу.

Одесса того времени представляла из себя многоликий, многоязыкий и многоконфессиональный город. У городских причалов швартовались корабли из различных государств, множество российских и иностранных предпринимателей стремились ввезти свои товары в Российскую империю именно через Одессу, используя имеющиеся налоговые льготы; процветала контрабанда. Естественно, что на этой почве между предпринимателями возникали различные споры, главным арбитром которых выступал сам губернатор. По мнению современников, Воронцов умел решать их так, что обе стороны оказывались довольны. Кроме того, Михаил Семенович начинает скучать земли для разведения виноградников, завозит сорта винограда из Франции, Испании и Германии и начинает их выращивать в Новороссии [Там же: 170]. Территория виноградников и подвалов знаменитой Массандры — дело рук Воронцова. Он начинает производить дешевое, но качественное вино и продавать его в Москве, что приносит хорошую прибыль. Сохранилась редакционная заметка газеты «Московские ведомости», 1848—1850 гг., где авторы описывают магазин вин из Новороссии в Москве и его ассортимент. Стиль записки хвалебный, причем не только в адрес вин (скоро всего, статья, для которой писался черновик, была рекламной),

но и в адрес М. С. Воронцова, которого забота об Отечестве сподвигла к производству хороших российских вин: «Все вина южного берега Крыма – из драгоценных лоз, приобретенных по патриотизму князем Михаилом Семеновичем»⁵.

В Новороссии до Воронцова в основном выращивали овец с грубой шерстью. Он завозит тонкорунных овец из Испании и Саксонии, начинает выращивать их сам и призывает к этому остальных. Как уверяет автор воспоминаний, благодаря стараниям Воронцова «степи херсонские, таврические, екатеринославские, бессарабские покрылись стадами мериносов»; создаются шерстяные майки, что позволяет обогатиться не только самому Воронцову, но и многим помещикам, крестьянам и колонистам. В 1853 г. из новороссийских портов было вывезено 354, 637 пудов шерсти на сумму 4746519 руб. [Щербинин, 1858: 173].

Бывая в гостях у отца, проживающего в Англии, он изучил английский рынок и понял, что очень выгодным будет выращивать и продавать за границу не рожь и пшеницу (традиционные культуры Новороссии), а льняное семя. И через некоторое время Англия стала закупать в крае по 50 т льняного семени ежегодно, что приносило хорошую прибыль [Мединский, [б.д.]].

Для распространения передовых агротехнических методов хозяйствования при активном участии Воронцова в Одессе создается Общество сельского хозяйства по внедрению передовых агроприемов, учреждаются ботанический сад и опытная ферма [Щербинин, 1858: 174].

Как опытный управитель области Михаил Семенович прекрасно понимает, что для развития приморских территорий большое значение будет иметь развитие водного сообщения. Для этих целей в 1828 г. создается Черноморское пароходство, устанавливается постоянное пароходное сообщение не только с приморскими российскими городами, но и с Константинополем [Там же].

Существенный вклад вносит граф М. С. Воронцов и в решение вакуфного вопроса в Крыму в рамках взаимодействия с местным мусульманским населением по вопросам урегулирования земельных споров. Д. В. Конкин отмечает, что здесь Воронцов постарался

⁵ Магазин вин садов князя Михаила Семеновича Воронцова на Никитской против Никитского монастыря...

подойти к решению проблем с максимальной рациональностью как рабочий хозяин [Конкин, 2010: 512—513].

Не забывает Воронцов и свою «столицу». При нем строится знаменитая «Потемкинская» лестница — символ города, исторический центр приобретает современный вид (участки под строительство раздает сам губернатор, лично утверждая планы строительства будущих зданий), одесские бульвары полностью получают твердое покрытие и покрываются зеленью. Известный Одесский оперный театр и Публичная библиотека — тоже дело рук Воронцова. Открывается большое количество учебных заведений — мореходных, торговых, сельскохозяйственных. Открывается даже училище для глухонемых! [Мединский, [б.д.]].

Помимо Одессы, губернатор Воронцов большое внимание уделяет развитию еще одного города-порта управляемой им территории — Керчи. Керчь начинает превращаться в крупный торговый порт, на окружающих город землях активно развивается животноводство, в порт заходят на разгрузку торговые корабли иностранных государств. В 1853 г., например, из Керченского порта было вывезено товаров на сумму 104894 рублей, а ввезено на 48963 рублей [Щербинин, 1858: 201].

Радуясь успехам российского военного Черноморского флота, Михаил Семенович считает одной из важных для России задач развитие российского торгового флота. С его подачи в Таврической и Екатеринославской губерниях учреждаются общества (цехи) вольных матросов, которые, по замыслу губернатора, должны были стать основой команд для торговых судов. Для приобретения практических навыков каждый из записавшихся в вольные матросы должен был в течение пяти лет отслужить строевую службу в Черноморском флоте. Причем поступающие на вольную службу матросы обычно служили на небольших транспортных судах, похожих на торговые. После окончания службы матросу выдавался патент, в котором было записано, какие практические навыки он освоил. На основании этого он признавался вольным матросом первой или второй статьи и мог плавать на коммерческих судах. Как уверяет автор воспоминаний о М. С. Воронцове, со временем число желающих поступить в сословие вольных матросов неуклонно возрастало, руководство Черноморского флота с большой похвалой отзывалось об их стремлении изучить матросскую науку и принести пользу флоту [Там же: 205—206].

Не обошел своим вниманием М. С. Воронцов и другое море, находившееся во вверенном ему крае, — Азовское. В 1835 г. по указанию губернатора на Бердянской косе был основан город-порт Бердянск, ставший позднее одним из крупнейших портов Новороссии. В 1853 г. из него было вывезено товаров на сумму 5212606 рублей и ввезено на 42596 рублей. [Там же: 206].

За 11 лет управлением краем М. С. Воронцова численность населения Новороссии увеличилась в два раза! Причем ехали в этот благодатный край не только крестьяне, ремесленники и торговцы, но и люди с деньгами. При строительстве публичных зданий Воронцовским широко применялась система привлечения общественных средств, которая полностью себя оправдала.

Иностранные путешественники, побывавшие в Новороссии в период деятельности Воронцова как генерал-губернатора, весьма лестно и положительно отзывались о его действиях, отмечая его управленческие качества, стремление к внедрению прогрессивных методов ведения хозяйства, развитие культурной жизни. Так, французский маршал Огюст Фредерик Луи де Мармон в путевых заметках по Крыму отмечает: «Всё это движение, все успехи произведены графом Воронцовым... Выполняя дело самое полезное для своего отечества, он образует огромное местное имение и присоединяет его к другим своим богатствам, чрезвычайно огромным». А приглашенный Воронцовым М. С. в Крым итальянский врач Тит Ванцетти восторженно пишет: «Всего несколько лет назад, во времена путешествия академика Палласа, всё здесь было заброшено, и только гений нынешнего руководителя этой территории по-настоящему раскрыл все богатства края: он насадил здесь культуру ведения сельского хозяйства, построил дороги, а также устранил все препятствия на пути промышленного развития Крыма и создания еще одного бесценного источника обогащения империи и ее населения. Именно этот человек стоит у истоков рождения новой эры в истории полуострова» (цит. по: [Непомнящий, Кравчук, 2018: 30]).

Одой заслугам Михаила Семеновича Воронцова в деле организации культурно-просветительской, научной и общественной деятельности звучит «Очерк заслуг, сделанных наукам, светлейшим князем Михаилом Семеновичем Воронцовым» Н. Н. Мурзакевича от 1860 года [Мурзакевич, 1860]. Автор описывает результаты организационной деятельности М. С. Воронцова в делах издания газет

в Одессе и, в дальнейшем, в Тифлисе, издания календарей, которые входят в повседневный обиход Новороссии, а потом и Кавказа. Учреждение публичных библиотек, «чтобы желающим дать умственную пищу» [Там же: 13], музеев, «что бы сокровища науки удержать в отечестве и крае...» [Там же: 16], открытие ученых обществ «в видах народного благосостояния и движения к совершенству сельского хозяйства в Новороссии и Бессарабии» [Там же: 18], открытие училищ «на потребности народных и специальных» [Там же: 25] оцениваются автором как результат проявления такого качества, как «далновидный ум государственного мужа» [Там же]. Автор также дает высокую оценку организации М. С. Воронцовым путешествий ученых для описания и изучения различных местностей и предметов, а также работе по изданию книг. Мурзакевич дает подробный перечень лиц, путешествовавших с научными целями, и книг, изданных при участии М. С. Воронцова [Там же: 31—39]. Подводя итог организаторской деятельности в указанной выше области, автор превозносит патриотические качества М. С. Воронцова и приравнивает его работу к тому, что сделали ранее для региона в XVIII веке князь Г. А. Потемкин-Таврический и герцог Ришелье (Эммануил Осипович дюк де Ришельё) в начале XIX века: «<...> можно усмотреть, как велика была его любовь к отечеству, которому <...> сполна посвятил жизнь свою до последних дней <...>. Нужно много иметь ума, воли, а также и сердца, чтобы привлечь к себе столько разнородных деятелей, скольких успел к себе приблизить князь Воронцов. <...> В истории юга России, к незабвенным именам князя Потемкина-Таврического, герцога Ришелье, прибавляется ныне третие — светлейшего князя Михаила Семеновича Воронцова» [Там же: 40—41].

Однако не все современники однозначно хвалились относились к стилю управления М. С. Воронцова, отмечая, что он был подвержен влиянию слухов, часто принимал решения исходя из эмоций, мог поверить наветам и вынести несправедливые решения по судебным делам. В своих воспоминаниях В. П. Кореневский, чиновник для особых поручений, пишет: «Покойный Князь вообще не был внимателен к престижу губернаторской власти и действовал во всех делах по личному усмотрению, под влиянием минутного настроения»⁶. В своих

⁶ Неизвестные воспоминания о деятельности М. С. Воронцова в Крыму, 1836—1845. С. 423.

мемуарах Кореневский весьма критичен к личности и деятельности Воронцова, но даже при этом признаются его заслуги на поприще государственной службы: «Не имея основания, я не дерзаю колебать мнения, установившагося о покойном Князе Воронцове, и описываю здесь дела, как они происходили. Пусть другие судят о них с своей точки зрения и отадут должное замечательному государственному деятелю, не чуждому человеческих слабостей»⁷.

Совершенно иное мнение о стиле управления и человеческих качествах графа представляет в своих воспоминаниях его секретарь, «неотлучно при нем находившийся», М. П. Щербинин. В подтверждение высоких моральных качествах своего начальника он приводит такой пример. Однажды Михаил Семенович долго не мог найти нужные бумаги и стал обвинять своего секретаря в их утрате в результате плохого отношения к хранению документов. Когда же бумаги были найдены Воронцовым в собственном столе, лежащими под папками с другими документами, то граф не постеснялся извиниться перед подчиненным за несправедливые упреки [Щербинин, 1858: 169].

Символом величия Воронцова-губернатора по праву считается Воронцовский дворец в Алупке — замок, который сделает честь любому английскому лорду. При дворце создается прекрасный парк, существующий и в настоящее время и считающийся шедевром архитектуры романтизма.

Как метко сказал в своей публичной лекции доктор исторических наук, профессор В. Р. Мединский, выросший в Англии Воронцов не мог не любить и не уважать данную страну и ее порядки [Мединский, [б.д.]]. Но, как верный сын своего Отечества, Михаил Семенович строил Англию в России, развивая и укрепляя в лучших европейских традициях самую благодатную часть России — Новороссию!

В речи, произнесенной на «экстраординарном» собрании Императорского общества сельского хозяйства Южной России, которое состоялось 15-го ноября 1856 года по случаю кончины М. С. Воронцова, вице-президент общества граф М. Д. Толстой подвел своеобразный итог деятельности Воронцова на государственном поприще, назвав его «истинным государственным человеком»⁸. Секретарь

⁷ Там же. С. 426.

⁸ Экстраординарное собрание Императорского общества сельского хозяйства Южной России, бывшее 15-го ноября 1856 года... С. 1.

общества Н. Палимпестов отметил личные качества М. С. Воронцова, которые способствовали сельскохозяйственному и торговому развитию Юга России, созданию привлекательных условий для переселения сюда людей и тому, что именно при Светлейшем князе М. С. Воронцове население юга России увеличилось почти вдвое за всего лишь четверть века⁹. Характеристика Воронцова как «мужа разума и силы, мужа высоких дарований и примерных доблестей»¹⁰, данная Палимпестовым в его речи, является верным эпитетом для описания отношения князя к его делам.

Заключение

Время, в которое жил и работал Михаил Семенович Воронцов, по праву можно назвать временем героев. Многие из представителей той героической эпохи, прекрасно проявив себя на поле брани, позднее становились умелыми управленцами, благодаря которым развивались и расцветали некогда заброшенные окраины огромной Российской империи. К таким выдающимся личностям того времени можно отнести не только устроителя Новороссии М. С. Воронцова, но и Н. Н. Муравьева-Амурского, К. П. Кауфмана, М. Д. Скобелева и ряд других деятелей.

Сегодня те героические времена возвращаются. Благодаря инициативе Президента Российской Федерации заработала программа «Время героев», в рамках которой из военнослужащих, хорошо проявивших себя в рамках специальной военной операции, доказавших, по словам Президента, преданность России, начата подготовка управленцев для работы в органах государственной власти и местного самоуправления. И ориентиром служения своей стране на гражданском поприще для этих людей может стать деятельность Михаила Семеновича Воронцова. Его заслуги перед страной не забыты. Подтверждением этому может служить изображение М. С. Воронцова на памятнике Тысячелетия России, воздвигнутом в Великом Новгороде. Помимо князей, царей и императоров, которых мы можем считать собирателями и управителями земли русской, на нем изображены двадцать шесть их верных соратников. И среди них Михаил Семенович Воронцов — яркий пример подлинного служения Отечеству.

⁹ Там же. С. 5—13.

¹⁰ Там же. С. 5.

Список источников

- Алексеев В. Н. Графы Воронцовы и Воронцовы-Дашковы. М.: Центрполиграф, 2002. 477 с.
- Герман Р. Э. Личностные качества и результаты деятельности М. С. Воронцова на Кавказе в оценках современников // Общество: философия, история, культура. 2021. № 9 (89). С. 60—64.
- Демидова А. С. Михаил Семенович Воронцов — командующий русским оккупационным корпусом во Франции 1815—1818 гг. // Берегиня.777.Сова: общество, политика, экономика. 2012. № 4 (15). С. 12—15.
- Залесский К. А. Наполеоновские войны. 1799—1815: Биограф. энциклопед. словарь. М.: АСТ: Астрель, 2003. 825 с.
- Конкин Д. В. Граф М. С. Воронцов и вакуфный вопрос в Крыму // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2010. № 16. С. 488—518.
- Мединский В. Р. Воронцов. «Полуподлец»? «Полуневежда»? // Рассказы из русской истории. Сер. 14. [б. д.] URL: <https://rutube.ru/video/cdf27636c00cc35887fc8ebaefd8cc8c/> (дата обращения: 24.09.2024).
- Мурзакевич Н. Н. Очерк заслуг, сделанных наукам, светлейшим князем Михаилом Семеновичем Воронцовым: Чит. секретарем Одес. о-ва истории и древностей в заседании оного 29 ноября 1856 г. Одесса: тип. Л. Нитче, 1860. 41 с.
- Непомнящий А. А., Кравчук А. С. Высшие чиновники Таврической губернии в восприятии иностранных путешественников первой половины XIX века // Новый исторический вестник. 2018. № 3 (57). С. 18—41.
- Савельев А. Е. Жизнь и деятельность кавказского наместника светлейшего князя генерал-фельдмаршала М. С. Воронцова // Общество и право. 2011. № 1 (33). С. 21—31.
- Щербинин М. П. Биография генерал-фельдмаршала князя Михаила Семеновича Воронцова. СПб: в Тип. Э. Веймара, 1858. 354 с.

References

- Alekseev, V. N. (2002), *Grafy Vorontsovy i Vorontsov-Dashkovy* [Counts Vorontsov and Vorontsov-Dashkov], Tsentrpoligraf, Moscow, Russia.
- Demidova, A. S. (2012), ‘Mikhail Semenovich Vorontsov — commander of the Russian occupation corps in France 1815—1818’, *Bereginia. 777. Sova* [Bereginya. 777. Owl], no. 4 (15): 12—15.
- German, R. E. (2021), ‘Personal qualities and results of M. S. Vorontsov’s activities in the Caucasus in the assessments of contemporaries’, *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura* [Society: philosophy, history, culture], no. 9 (89): 60—64.
- Konkin, D. V. (2010), ‘Count M. S. Vorontsov and the waqf issue in Crimea’, *Materialy po arkheologii, istorii i etnografiy Tavrii* [Materials on archeology, history and ethnography of Tavria], no. 16: 488—518.

- Medinsky, V. R. [no date], ‘Vorontsov. “Half-scoundrel”? “Half-ignoramus”??’, *Rasskazy iz russkoi istorii, seriya 14* [Stories from Russian history, series 14], available at: <https://rutube.ru/video/cdf27636c00cc35887fc8e6aefd8cc8c/> (Accessed: 24 September 2024)
- Murzakevich, N. N. (1860), *Ocherk zaslug, sdelannykh naukam, svetleishim kniazem Mikhailom Semenovichem Vorontsovym: Chitaetsia sekretarem Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei v zasedanii onogo 29 noiabria 1856 goda* [Essay on the merits made to science by His Serene Highness Prince Mikhail Semenovich Vorontsov: Read by the secretary of the Odessa Society of History and Antiquities at its meeting on November 29, 1856], tipografia L. Nitche, Odessa, Russia.
- Nepomniashchy, A. A. and Kravchuk, A. S. (2018), ‘Higher officials of the Tauride province in the perception of foreign travelers of the first half of the XIX century’, *Novyi istoricheskii vestnik* [New historical bulletin], no. 3 (57): 18—41.
- Savelyev, A. E. (2011), ‘The life and work of the Caucasian viceroy of His Serene Highness Prince Field Marshal M. S. Vorontsov’, *Obshchestvo i pravo* [Society and law], no. 1 (33): 21—31.
- Shcherbinin, M. P. (1858), *Biografija general-fel'dmarshala kniazia Mikhaila Semenovicha Vorontsova* [Biography of Field Marshal Prince Mikhail Semenovich Vorontsov], v Tipografii E. Veimara, Saint Petersburg, Russia.
- Zalessky, K. A. (2003), *Napoleonovskie voiny. 1799—1815: Biograficheskii entsiklopedicheskii slovar'* [Napoleonic Wars. 1799—1815: Biographical Encyclopedic Dictionary], OOO “Izdatel'stvo AST”, OOO “Izdatel'stvo Astrel”, Moscow, Russia.

Статья поступила в редакцию 23.12.2024; одобрена после рецензирования 20.01.2025; принята к публикации 30.01.2025.

The article was submitted 23.12.2024; approved after reviewing 20.01.2025; accepted for publication 30.01.2025.

Информация об авторах / Information about the authors

C. L. Воронцов — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков и профессиональных коммуникаций, Ивановская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России, Иваново, Россия.

A. A. Лобова — кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры иностранных языков и профессиональных коммуникаций, Ивановская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России, Иваново, Россия.

S. L. Vorontsov — Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Foreign Languages and Professional Communications, Ivanovo Fire and Rescue Academy of the Ministry of Emergency Situations of Russia, Ivanovo, Russia.

A. A. Lobova — Candidate of Sciences (Culture Studies), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Foreign Languages and Professional Communications, Ivanovo Fire and Rescue Academy of the Ministry of Emergency Situations of Russia, Ivanovo, Russia.

Интеллигенция и мир. 2025. № 3. С. 108—128.

Intelligentsia and the World. 2025. No. 3. P. 108—128.

Научная статья

УДК 94(4).08

EDN <https://elibrary.ru/ojnohv>

DOI: 10.46725/IW.2025.3.6

Научная специальность ВАК

5.6.1. Отечественная история

5.6.2. Всеобщая история

ВЕХИ БИОГРАФИИ ТЕОДОРА ГЕРЦЛЯ. СИОНИЗМ И АНТИСЕМИТИЗМ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX В.

Александр Ефимович Локшин

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия, ale-lokshin@yandex.ru,
SPIN-код: 9023-6560, <https://orcid.org/0000-0003-41-85-5729>

Аннотация. В статье рассматривается целый ряд факторов и событий в ряде европейских стран за последние десятилетия XIX в., повлиявших на мировоззрение Теодора Герцля (1860—1904) — венгерского еврея, венского журналиста, воспитанного на немецкой культуре, весьма далекого от иудейской традиции. Бурный всплеск разного рода антисемитских идеологем и развившихся на их почве антисемитских движений, прежде всего в Германии, Австро-Венгрии и Франции, оказал большое влияние на формирование взглядов такой харизматической фигуры, какой и был Т. Герцль. Как свидетельствует анализ его дневников и ряда публикаций, он постепенно отказался от своих прежних ассилияторских настроений, характерных для многих евреев Центральной и Западной Европы поколения 1860—1870-х гг., и стал создателем политического сионизма, идеологии о необходимости исхода евреев из Европы и создания в Палестине еврейского государства. Возникновение подобных настроений и идей происходило в атмосфере “la belle époque” — последних десятилетий XIX в. вплоть до Первой мировой войны. В ту пору и несколько ранее возникли и бурно развивались национально-освободительные движения греков, итальянцев, славянских народов. Распространение в Европе национализма дало Герцлю и его последователям ощущение легитимности сионистского

движения. Другим важнейшим фактором, который следует учесть при анализе причин зарождения сионизма, стал процесс эмансипации европейского еврейства, изменивший его социально-экономический, профессиональный и культурный облик. Реакция Герцля и других еврейских деятелей того времени на антисемитизм и физическое насилие решительно отличалась от отношения к юдофобии и погромам в более ранний период. В статье анализируются и ряд аспектов, характерных для выступлений и публикаций вдохновителей антисемитизма. Значительное внимание уделено самой фигуре Герцля. Присущие ему качества: организаторские способности, огромное честолюбие, магнетизм личности — сыграли далеко не последнюю роль в становлении сионизма как идеологии и всемирного движения.

Ключевые слова: Австро-Венгрия, антисемитизм, Германия, Герцль, евреи, Палестина, «Протоколы сионских мудрецов», дело Дрейфуса, Российской империя, сионизм, Франция

Для цитирования: Локшин А. Е. Вехи биографии Теодора Герцля. Сионизм и антисемитизм в конце XIX — начале XX в. // Интеллигенция и мир. 2025. № 3. С. 108—128.

Original article

MILESTONES IN THE BIOGRAPHY OF THE ODOR HERZL. ZIONISM AND ANTISEMITISM IN THE LATE XIX — EARLY XX CENTURIES

Aleksander Ye. Lokshin

Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia, ale-lokshin@yandex.ru, SPIN: 9023-6560, <https://orcid.org/0000-0003-41-85-5729>

Abstract. The article examines a range of factors and events in a number of European countries over the past decades of the XIX — early XX centuries that influenced the formation of the worldview of Theodor Herzl (1860—1904), a Hungarian Jew, a Viennese journalist brought up on German culture, very far from the Jewish tradition. The violent surge of various kinds of antisemitic ideologies and the antisemitic movement that developed on their basis, primarily in Germany, Austria-Hungary and France, had a great influence on the formation of the views of such a charismatic figure as T. Herzl was. As evidenced by the analysis of his diaries and a number of publications, he gradually abandoned his previous assimilatory sentiments characteristic of many Jews in Central and Western Europe of the 1860—1870s and became the creator of political Zionism, the ideology of the need for the exodus of Jews from Europe and the creation of

a Jewish state in Palestine. The emergence of such sentiments and ideas took place in the atmosphere of “la belle époque” — the last decades of the XIX century up to the First World War. At that time and earlier, national movements of Greeks, Italians, Slavic peoples arose and developed rapidly. The spread of nationalism in Europe gave Herzl and his followers a sense of the legitimacy of the Zionist movement. Another important factor that should be taken into account when analyzing the causes of the birth of Zionism was the process of emancipation of European Jewry, which changed its socio-economic, professional and cultural appearance. The reaction of Herzl and other Jewish figures of the time to anti-Semitism and physical violence was decidedly different from the attitude towards Judeophobia and pogroms in an earlier period. The article analyzes a number of postulates characteristic of speeches and publications of the inspirers of antisemitism. Considerable attention is paid to the very figure of Herzl. His inherent qualities: organizational abilities, great ambition, and personality magnetism played a significant role in the formation of Zionism as an ideology and global movement.

Keywords: Austria-Hungary, antisemitism, Germany, Herzl, Jews, Palestine, “Protocols of the Elders of Zion”, Dreyfus affair, Russian Empire, Zionism, France

For citation: Lokshin, A. Ye. (2025), ‘Milestones in the biography of Theodor Herzl. Zionism and Antisemitism in the late XIX — early XXI centuries’, *Intelligentsia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 3: 108—128 (in Russ.).

Введение

Актуальность. 7 октября 2023 г. резко обострилась обстановка на Ближнем Востоке. Нападения боевиков движения ХАМАС на поселения на юге Израиля и ответные действия Армии обороны Израиля вызвали новое масштабное вооруженное противостояние в регионе, волну террора и массовые демонстрации в поддержку Палестины в Иране, арабских государствах, в странах Европы и Северной Америки. Эти бурные протесты имели не только антиизраильский и антисионистский, но и открыто антисемитский характер. Активные пропагандистские кампании, сопровождающиеся призывами к уничтожению «сионистского образования» и проповедями ненависти к евреям, успех на парламентских выборах в Европе правых партий и политиков, едва камуфлирующих свои пронацистские взгляды и отрицающих Холокост, — всё это свидетельства актуальности обращения к вопросам, касающимся возникновения идеологии и движений, осуществлявшихся под лозунгами антисемитизма, их

влияния на формирование политического сионизма в конце XIX — начале XX в.

Харизматический лидер. В начале 1896 г. в Париже Теодор Герцль завершил работу над своим программным сочинением «Еврейское государство. Опыт современного решения еврейского вопроса». В автобиографическом очерке, написанном по просьбе лондонской газеты «Jewish Chronicle» в 1898 г., Т. Герцль признавался, что не помнит, чтобы когда-либо ему доводилось писать что-либо в таком возбужденном состоянии. Г. Гейне рассказывал, что услышал взмах орлиных крыльев, когда сочинял некоторые строфы. И Герцль признавался, что при написании «Еврейского государства» ему, кажется, слышались взмахи крыльев над головой. Над книгой Герцль работал каждый день и до тех пор, пока совершенно не обессилел [Герцль, 1914: 39]. Узнав, что книга вышла в свет, он испытал «настоящее потрясение» и записал в дневнике, что отныне жизнь его определилась и для него «жребий брошен» [The Diaries of Theodor Herzl, 1956: 96—97].

В сочинении «Еврейское государство» [Herzl, 1896] были изложены идеи и методы, необходимые для достижения целей, которые вскоре легли в основу программы еврейского национального движения — политического сионизма. Герцль — автор этой небольшой книги и инициатор созыва Первого сионистского конгресса (1897) — стал первым общественно-политическим деятелем еврейского народа современной эпохи, который сделал еврейский вопрос фактором политической повестки дня европейской дипломатии.

В известных сведениях о рождении, детстве и юности Теодора Герцля нет ничего необычного и выдающегося — напротив, в ключевых моментах его биографии имеется немало общих черт, характерных для евреев поколения 1860—1870-х гг. Однако они не дают ответа на вопрос: как не очень известный фельетонист смог стать неординарной фигурой на мировой арене, заявить себя как легитимный представитель интересов народа, считавшегося до тех пор религиозной общиной, встретиться с турецким султаном, германским кайзером, Папой римским, королем Италии и царем Болгарии, министрами Великобритании, России? Ответ следует искать, обратившись как к анализу ряда общественно-политических процессов того времени, запросов и потребностей эпохи, так и к личным качествам самого Герцля.

В своей монографии американо-канадский историк Д. Пенслар назвал Герцля «характеристическим лидером» [Penslar, 2020]. Понятие «характера» ввел в общественные науки немецкий социолог Макс Вебер. В него он включил целый набор уникальных качеств личности, в их числе: магнетизм, эмоциональную силу и привлекательность. Эти качества еще не являются гарантом для лидерства, а лишь повышают на него шансы. Лидер, желающий признания за ним качеств, присущих вождю, должен четко аргументировать свои требования и умения, демонстрируя, что деятельность и подчинение ему позволяют достигнуть поставленных целей. Приверженцам в его планах отведена лишь пассивная роль, а все решения формируются «сверху». Для того, чтобы оставаться у власти или сохранять свой авторитет, такой лидер постоянно нуждается в признании. Характеристики являются политическими или религиозными лидерами, но не исполнителями и чаще всего появляются в экстремальных исторических условиях, когда возникает соответствующая психологическая потребность в обществе [см.: Вебер, 2021]. В начальный период истории сионистское движение, небольшое, слабое и разрозненное, особенно зависело от харизматического руководства. Герцль мог предложить своим последователям лишь веру в собственную непогрешимость и надежду на осуществление своих планов.

Ряд историков писал о Герцле как о выдающейся личности, пророке своего народа, главной фигуре в новейшей еврейской истории. Другие авторы обращали внимание на психическое состояние Герцля, периодические приступы депрессии и перепады настроения, его отношения с немногочисленными друзьями, семьей. Оправившийся на обширный круг источников немецкий биограф Герцля, впоследствии директор Центрального сионистского архива в Иерусалиме, А. Байн отмечал болезненное переживание неудач, его безудержное честолюбие. «Успех не приходит», — записал в дневнике Герцль в 1883 г., после того как его первые литературные опусы и пьесы были отвергнуты престижными журналами и ведущими театрами. «Мне же так нужен успех, — признавался он самому себе, — я преуспеваю только имея успех!» [по: Bein, 1934: 70]. Герцль и вправду смог добиться столь вожделенного успеха, но совсем на другом поприще.

Обзор источников. Среди основных источников настоящей статьи: работа Герцля «Еврейское государство» (последнее издание книги на русском языке) [Герцль, 2008]; дневники и письма Герцля,

адресованные родителям, жене, соратникам, государственным деятелям и филантропам. Дневники в переводе с немецкого были опубликованы в 1960 г. [The Complete Diaries of Herzl, 1960]. В 1980—1990 гг. в 7 томах на немецком — языке оригинала — увидели свет письма и дневники Герцля под редакцией А. Бейна, Г. Грэве, М. Шарфа и Ю. Шопса [Herzl, 1983—1996].

Дневники Герцля, названные им «сионистскими», относятся к периоду 1895—1904 гг., т. е. ко времени обращения к сионизму вплоть до ухода из жизни. Дневники являются важным, но достаточно проблематичным источником. С одной стороны, они сохранили самые сокровенные чувства и взгляды Герцля, но, с другой, включили придуманные им самим диалоги и черновики различных документов. Тем не менее дневники Герцля предоставляют возможность лучше понять, как формировалась и развивалась личность этого мыслителя и политика.

Значительный комплекс источников представляют сочинения антисемитских авторов В. Марра, Г. фон Трейчке, А. Штеккера, Е. Дюринга и Э. Дрюиона, а также одного из критиков Дюринга — немецкого политика и философа Ф. Энгельса. Ссылки на их публикации даны в тексте статьи.

Обзор историографии. Публикации, вышедшие только за последние десятилетия о Герцле, касающиеся сюжетов, рассмотренных в этой статье, исчисляются сотнями. Они написаны в основном на английском, иврите, немецком, французском и русском языках. Укажем некоторые, наиболее важные, работы. Новаторским исследованием жизни и деятельности Герцля стала уже упомянутая книга А. Бейна «Теодор Герцль. Биография основателя современного сионизма» [Bein, 1934]. Она по-прежнему является широко востребованным и цитируемым исследованием.

В 1974 г. увидела свет книга о Герцле британского историка и писателя Д. Стюарта [Stewart, 1974]. В ней встречаем радикальную переоценку личности и политических идей Герцля. Историк проследил путь своего героя от студента-дуэлянта, начинающего драматурга и журналиста до человека, который встал во главе движения в защиту евреев. Сострадание к своему народу и возвышенные амбиции побудили Герцля, считал Стюарт, посвятить себя сионистскому движению. Основываясь на дневниках и письмах Герцля, автор впервые представил его личную историю, рассказал о нем как о сложной

и противоречивой личности. Причиной обращения Герцля к радикальной идее о необходимости создания еврейского государства стал не только, как принято считать, процесс Дрейфуса, но и целый ряд других антисемитских проявлений в Германии, Австрии, Франции, которые потрясли Герцля и заставили его осознать опасность антисемитизма.

Немного раньше, в 1972 г., вышла книга американского историка и политолога В. Лакёра «История сионизма» [Laqueur, 1972]. Почти через 30 лет эту обширную монографию издали и в русском переводе [Лакёр, 2000]. В нем немало неточностей и искажений имен еврейских деятелей и наименований ряда общественно-политических движений в России и Палестине. В монографии Лакёра значительное внимание уделено фигуре Герцля, для которого «еврейское национальное освобождение» стало главной идеей жизни. К 1896 г., когда на сцену вышел Герцль, «сионизм пребывал в коматозном состоянии. Но всего через несколько лет ему предстояло преобразиться в массовое движение и реальную политическую силу. Сионистское движение было созданием Герцля <...> всех сподвижников объединяла прежде всего преданность лидеру» [Там же: 193]. Лакёр ввел в научный оборот большое число различных источников, а некоторые выводы историка открыли новые возможности для критического подхода к сионистскому движению, его идеологии и фигуре его творца.

В книге американского историка культуры К. Шорске «Вена на рубеже веков. Политика и культура» [Schorske, 1981] представлена величественная и крайне противоречивая панорама политической и культурной жизни столицы Габсбургов той эпохи. В одной из глав монографии — «Политика в новом направлении: австрийское трио» — автор исследует вопросы появления в той «цементирующей культуре» таких деятелей, как вождь австрийских антисемитов Карл Люгер — глава антисемитской христианско-социалистической партии, ставший бургомистром Вены; ярый проповедник расового антисемитизма Георг фон Шённерер, ратовавший за включение значительной части австрийских земель в состав Германской империи; идеолог политического сионизма и провозвестник еврейского государства Герцль, призывающий евреев покинуть Европу. Все они первоначально придерживались либеральных взглядов. Однако Герцль, как ранее Люгер и Шённерер, отказался от либеральных рациональных

ценностей в пользу превосходства чувства, молодого и полного сил бунта масс против старого и закостенелого [Ibid: 120].

В 1989 г. вышла книга американского биографа и романиста Э. Павела «Лабиринт изгнания. Жизнь Теодора Герцля» [Pawel, 1989]. В ней Герцль предстал во всем «трагическом величии» — романическим мечтателем, автором непризнанных пьес, который свои надежды на успех «сионистского предприятия» связал с такими неудачными фигурами в тогдашней политике, как германский кайзер и турецкий султан (и тем не менее создал массовое движение). Жизнь Герцля, по мнению Павела, являлась одновременно и триумфом его харизмы, воли, преданности делу, и исполненной драматизма историей об упущенных связях и неисполненных обещаниях.

В монографии канадского историка Ж. Корнберга детально обосновано, что не «дело Дрейфуса» решающим образом повлияло на обращение Герцля к идеи создания еврейского государства [Kornberg, 1993]. Именно австрийский, а не французский антисемитизм вызвал у него наибольшую обеспокоенность. Вену 1890-х гг. Корнберг назвал «столицей антисемитизма». Впервые эволюцию взглядов Герцля, прошедшего сложный путь от сторонника ассимиляции к идеи еврейского национализма — сионизму, исследователь показал в своей статье уже в 1980 г. [Kornberg, 1980].

Внимание известного американского историка М. Станиславского привлекли фигуры, близкие по взглядам к Герцлю: Макс Нордау — врач-психиатр, писатель и публицист; Эфраим Лилиен — художник, создатель сионистской иконографии, автор самого известного фотопортрета Герцля; Владимир Жаботинский — писатель, публицист, общественный деятель и идеолог [Stanislawski, 2001]. В отличие от устоявшихся историографических представлений об этих известных сионистах, Станиславский показал, что они не только все пришли к сионизму из нееврейского мира, но и находились в острой и осознанной оппозиции к традиционному еврейскому сообществу, некоторые черты которого вызывали у них отвращение. И все они обратились к идеям сионизма, не опираясь на «инстинкт национализма», а в атмосфере особого периода европейской истории, культуры и мысли — *fin de Siècle*. Разделяя сионистские взгляды, они не отказались от космополитической эстетики и представлений «прекрасной эпохи». Более того, они переосмыслили сионизм в соответствии с воспринятыми ими идеями

космополитизма, интеллектуальными и философскими основами, которые определяли их жизнь и их время [Ibid: 246].

Целому ряду аспектов в истории сионизма, государства Израиль и самой личности Герцля посвящены статьи и монографии американо-канадского историка Д. Пенслара. В книгу «Израиль в истории» [Penslar, 2007] вошли как новые статьи этого автора, так и новые версии опубликованных ранее. При рассмотрении таких дискуссионных вопросов, как «сионизм и колониализм», «сионизм и расизм», «сионизм и антисемитизм», реакция на сионизм в различные периоды и в разных регионах мира, Пенслар обратился к методу сравнительно-исторического анализа. Прежде, в традиционной историографии, компаративистские методы не распространялись на изучение израильской истории. В пяти главах и эпилоге более свежего и с блеском написанного исследования [Penslar, 2020] автор ищет ответ на вопрос, который поставлен и в данной статье: как ассимилированный европейский еврей смог стать вождем сионистского движения, а тысячи других соплеменников, многие из которых были приверженцами традиции и верующими людьми, признали в Герцле своего лидера [Ibid: 1]. Ответ историк видел в целом ряде черт личности героя своей книги, которые сформировались в атмосфере кричащих противоречий «прекрасной эпохи».

За последнее время появился ряд публикаций отечественных исследователей на эту тему. О начальном периоде в истории сионистского движения, отношении к нему в правящих сферах и обществе в России, а также о идейно-политическом наследии сионизма писали И. Д. Звягельская [Звягельская, 2012], Т. А. Каравасова [Каравасова, 2023], И. П. Герасимова [Герасимова, 2002], автор этой статьи [Локшин, 2002; 2008; 2010; 2023]. Косвенно тему данной статьи затрагивал и исследователь из Казани Д. Е. Мартынов. Он обратился к анализу «универсальной сионистской утопии начала XX в.» — роману Т. Герцля “Altneuland” / «Старо-Новая страна» [Мартынов, 2013].

Отметим, что идейно-политическое наследие Теодора Герцля и поныне остается открытым для самых различных интерпретаций. Каждый политический лагерь и каждое новое поколение в Израиле конструируют своего Герцля. Правые политики представляют его пламенным националистом, основные идеи которого сосредоточены на уникальности еврейского народа, его праве на еврейское государство. Последователи национально-религиозного сионизма

не приемлют Герцля, каким его видят левые — либералом и сторонником социального прогресса, выступавшего за предоставление права каждому человеку самому решать вопрос об отношении к религии. Впрочем, в распоряжении историков есть и материалы, позволяющие видеть в Герцле горячего приверженца веры, ощущившего духовное возрождение в 1895 г., но в 1903 г. поддержавшего предложение Великобритании о поселении евреев в Восточную Африку («проект Уганды»). Оно вызвало среди сионистов острые споры. Однако сам Герцль продолжал неустанно говорить о своей страстной любви к Сиону. Нельзя не отметить, что в израильском обществе имя Герцля постепенно забывается, хотя некоторые факты из его биографии и идейное наследие остаются предметом острых дебатов и исследований ученых и политиков. В недавнем социологическом опросе только около половины из опрошенных представителей израильской молодежи правильно ответили на вопрос, кем был Т. Герцль. Многие считали, что он являлся первым президентом или первым премьер-министром Израиля. Вспомнив об этом социологическом исследовании, Пенслар не написал, кем и когда оно проводилось, взгляды какой группы из столь разноликой израильской молодежи в нем были представлены, насколько репрезентативным оказался этот опрос [Penslar, 2020: 209—210].

Основная часть

Вехи биографии Теодора Герцля на фоне эпохи

Неожиданное появление на политической сцене такой яркой и необычной фигуры, какой был Теодор Герцль, ставит вопрос, заданный в другом месте, в другое время и по поводу другой харизматической личности: «Что он сделал? Кто он и откуда: / Почему ему такая почесть?» [Маяковский, 1953: 113].

Герцль родился в мае 1860 г. в венгерском городе Пеште. В 1867 г. евреи обрели полную эманципацию в Австро-Венгрии — государстве, объявленном конституционным союзом, в котором и Венгрия, и Австрия получили равный статус. В 1873 г. расположенные по обе стороны Дуная Буда и Пешт объединились, и в итоге местом рождения Герцля принято считать Будапешт. Младенцу было дано имя Теодор, в венгерском эквиваленте — Тивидар, означающее «дар Бога»; дома звали его Дори. Отец Теодора Яacob добился значительных успехов в банковском деле. Мать Герцля Жаннет Диамант

была дочерью состоятельного торговца готовым платьем, получила хорошее образование. Несмотря на биржевой крах в 1873 г. и потерю значительной части своего состояния, семья не разорилась.

Т. Герцль родился в многонациональном kraе, большинство населения которого составляли венгры. Он принадлежал к семье, жившей, как и два предшествующих поколения, за пределами уже исчезнувшего гетто. Семья оказалась среди тех многих евреев, кто воспринял немецкий язык и культуру, в политике придерживалась либеральных взглядов, а в религиозном плане испытала сильное влияние идей Просвещения.

В конце XVIII — начале XIX в. в ряде европейских стран произошли радикальные перемены в правовом положении евреев. Под влиянием идей Великой французской революции начался период их эманципации. Они получили равенство в правах, возможность учиться в школах и университетах. Рушились стены средневековых гетто, считавшихся оплотом европейской обособленности. Либеральные мыслители, а с ними и еврейские просветители ожидали, что скоро наступит прекрасная эпоха прогресса, равенства и братства народов.

Иудаизм в доме Герцля сохранялся не более как «семейная память». Тем не менее в 13 лет он прошел через обряд *бар-мицва* — совершеннолетия, который родители Герцля предпочитали именовать «конфирмацией». Амбициозная и волевая Жаннет позаботилась о том, чтобы дети выросли воспитанными и образованными. Для их подготовки к учебе в школе пригласили домашнего учителя. К 1870 г. Т. Герцль завершил начальное образование и поступил в школу с техническим уклоном. В изучении естественных и прикладных предметов он оказался весьма посредственным учеником, и в результате родители определили его в евангелическую гуманитарную классическую гимназию, большинство учащихся которой были евреями. Уже в те годы юноша проявил склонность не только к журналистике, но и к лидерству. Он организовал литературное общество, членами которого стали его сестра Паулина, кузина и несколько друзей. Герцль назвал общество “*Wir*” («Мы»), провозгласив себя его президентом, и составил детальный устав. Общество ставило своей задачей улучшить стиль школьных сочинений по немецкой литературе.

В феврале 1878 г. умерла сестра Герцля Паулина. Ее смерть стала для него страшным ударом. «То было первое глубокое горе,

которое я пережил», — вспоминал он (цит. по: [Pawel, 1989: 36]). В том же году Герцль вместе с родителями переехал в Вену, и семья поселилась в доме на Praterstraße. Его соседями оказались будущий композитор Густав Малер, будущий драматург и писатель Артур Шницлер, будущий основатель психоанализа Зигмунд Фрейд. В столице империи Герцль намеревался изучать право в Венском университете, еще не зараженном антисемитизмом, в отличие от Будапештского. Город привлекал молодого Герцля своими театрами и журналами, и он надеялся удовлетворить свои литературные устремления как журналист и драматург.

С началом занятий на юридическом факультете Герцль вступил в студенческое общество “Akademische Lesehalle” (Академический читальный зал). После острого конфликта руководство в этой неполитической организации оказалось в руках немецких националистов. Герцль в ту пору разделял германофильские настроения, присущие большинству молодежи. Более того, он избегал участия в работе тех организаций, членами которых были евреи и представители других национальных меньшинств. Осенью 1880 г. он предложил свою кандидатуру для вступления в националистическое студенческое братство «Альбия». Для подготовки к обряду посвящения — поединку, который мог закончиться только при условии пролития крови, Герцль стал заниматься фехтованием. На дуэли в мае 1881 г. Герцль и его противник пролили кровь. На фотографии, сделанной вскоре после поединка, он запечатлен с лейкопластырем на левой щеке.

Между тем в политической атмосфере только что образовавшейся Германской империи всё более явственно заявляли о себе антисемитские настроения. Антисемиты изображали евреев слабыми, безвольными и трусивыми существами. Немало евреев, которые добивались общественного признания, были склонны винить в том самих себя. Среди них был и Герцль. Участие в «Альбии», вероятно, стало для него одним из способов отказа от своего еврейства и одновременно показало тщетность подобных усилий. По мнению Пенслара, одним из свидетельств стало имя Танкред, избранное Герцлем во время пребывания в «Альбии». Так звали итало-нормандского воина, участника Первого крестового похода, известного как Танкред Таренский. Принятое имя благородного христианина, завоевавшего Палестину, тем более важно, если учесть, что Герцль, вероятно, был

осведомлен о романе английского государственного деятеля и писателя еврейского происхождения Бенджамина Дизраэли «Танкред, или Новый крестовый поход», написанном в 1847 г. Герой романа, молодой британский аристократ, отправился в Палестину. Одной из целей его похода стала поддержка возрождения евреев на их древней родине. Личность германского канцлера Отто фон Бисмарка, сыгравшего решающую роль в объединении немцев в одном государстве, и образ Танкреда оказались созвучны чувствам достоинства и чести самого Герцля.

Качества, отмеченные выше, Герцль начал воспитывать у себя во время учебы в гимназии. Школьный товарищ вспоминал о нем как о «темноволосом, стройном юноше, всегда элегантно одетом, обладавшем хорошим чувством юмора <...> хотя большей частью надменном, ироничном и даже саркастичном» (цит. по: [Bein, 1934: 14]). А. Шницлер — в те же самые годы, что и Герцль, студент Венского университета — завидовал его самообладанию и отмечал высокомерное презрение к низменному миру. Вероятно, будущий писатель не понял, что это была лишь маска, которая скрывала подлинное лицо Герцля, его состояние одиночества, отчужденности и неуверенности в своих силах.

Как гражданин Венгрии Герцль не мог быть призван на службу в Национальную гвардию Австрии, однако в ноябре 1879 г. он предложил свою кандидатуру в качестве «добровольца на один год» для службы в общих вооруженных силах Австро-Венгерской империи — привилегия, которая предназначалась для юношей, окончивших среднюю школу. За этот период рядовые призывники могли быть повышенены в звании только за отличную службу, вопрос же о присвоении звания офицера запаса годичным добровольцам рассматривался сразу же по истечении их срока пребывания в армии. Но Герцля признали негодным к службе в вооруженных силах. Ничуть не смущившись этим отказом, он вскоре попытал счастья в другом пехотном полку и вновь был признан непригодным, хотя очень хотел служить и отличался хорошим телосложением. Причина отказа состояла в том, что врачи выявили шумы в сердце. В возрасте 36 лет Герцлю был поставлен диагноз, который он сам неопределенно назвал «болезнью сердца» [Nussbaum, 1936].

Почему Герцль так настойчиво добивался призыва в вооруженные силы? Прямого ответа нет — но следует принять во внимание

настроения и опыт, которые обрел Герцль в стенах университета. Он приобщился к идеям немецкого национализма, которые для него означали силу характера и мужество. В то время он не терял надежду сделать карьеру в качестве государственного чиновника или офицера в австро-венгерской армии. В отличие от Германской империи, где евреи редко получали офицерские звания, в Австро-Венгрии это было достаточно обычным явлением. Например, в 1900 г. евреи (по численности составлявшие около 5 % населения империи) составляли пятую часть армейского резервного офицерского корпуса [Penslar, 2020: 24].

Завершив в 1884 г. учебу в университете и став обладателем степени доктора юриспруденции, Герцль был принят в состав адвокатской коллегии. В Вене и Залыцбурге он имел адвокатскую практику. Спустя годы Герцль признавался, что если бы у него были основания рассчитывать на продвижение по службе, то он мог бы продолжить свою работу адвокатом. Но, понимая, что у еврея таких возможностей нет, он оставил занятия юриспруденцией и решил полностью посвятить себя литературной работе.

В возрасте двадцати девяти лет Герцль женился на Юлии Нашауэр — дочери состоятельного венского предпринимателя; их семья были знакомы еще со времени переезда Герцлея в Вену. Жена Герцля была на восемь лет моложе. В браке рождается трое детей: две дочери и сын. Однако брак оказался несчастливым: Юлия была далека от духовных интересов мужа, а он основную часть времени проводил вне дома, был очень привязан к родителям, особенно к матери. Участие в политической жизни и литературная деятельность Герцля явно не соответствовали представлениям Юлии о личном и семейном счастье. В немногих из дошедших до нас писем супругов друг к другу видны забота и внимание, но не чувство любви. Корреспонденции жене Т. Герцля нередко начинались с обращения: «мое дорогое дитя» — и завершались «преданный тебе, папа Теодор».

В феврале 1890 г. судьба преподнесла Герцлю новый страшный удар. Он потерял своего единственного друга, покончившего жизнь самоубийством, — Генриха Канэ. На литературном поприще Канэ потерпел неудачу, влакил нищенское существование. Его судьба стала для Герцля примером того, что возможности преуспеть в жизни может помешать еврейское происхождение. Письма Теодора Генриху позволяют говорить о сложившихся между ними

особо доверительных личных отношениях. «Только ты и есть тот единственный человек, для которого я, глупый и тщеславный, полностью открыт», — признавался он Канэ (цит. по: [Pawel, 1989: 48]). Получив известие о добровольном уходе из жизни своего alter ego, потрясенный Герцль приступил к работе над романом «Самуэль Кон», основой которого послужила биография Канэ.

В те годы Герцль написал несколько пьес и рассказов, при этом продемонстрировал потрясающую работоспособность, с невероятной скоростью сочиняя пьесы и жалуясь родителям, что ему на сон не хватает времени. К марта 1887 г. его «дикий и изматывающий» трудоголизм едва не стоил ему нервного срыва.

Герои сочинений Герцля — часто аристократы и по крови, и по духу. Среди порочного материалистического буржуазного мира они проявляли благородство и великодушие, защищая жертв недоброжелательности и несчастий. Основными началами, которыми руководствовались эти люди, были самопожертвование и самоотречение. Общество, в котором они пребывали, было им чуждо и враждебно, а сами они остро ощущали свое одиночество. Содержание этих сочинений — еще одно свидетельство об особенностях личности самого автора.

Со своими рассказами и пьесами Герцль пытался пробиться в престижные столичные литературные журналы и на подмостки ведущих венских и берлинских театров. Последовавшие отказы начинающий автор воспринимал крайне болезненно. Однако вслед за провалами наступил долгожданный успех: его фельетоны стали публиковаться в респектабельных органах печати, пьесы поставлены театрами, а некоторые из них доброжелательно приняты публикой. У Герцля появился свой круг читателей и зрителей. Тем не менее он оставался недоволен своей литературной деятельностью, тяготили его и семейные неурядицы.

Летом 1891 г. Герцль направился в поездку по Франции и Испании, два месяца любовался пейзажами в горных деревнях. Покой и красота тех мест дали ему возможность немного успокоиться и поразмыслить, вдохновили на написание ряда фельетонов, опубликованных в венской газете “*Neue Freie Presse*”. Полностью разделявший идеи европейской космополитической культуры *fin de siècle*, Герцль изначально являлся ревностным сторонником ассимиляции и даже массового крещения евреев. Буквально за несколько месяцев до перехода на сионистские позиции, в июле 1895 г., в своем дневнике

он признавался: «Единственное, чего я хочу на самом деле — это быть прусским аристократом» [Herzl, 1922: 223].

Формирование Герцля как личности, идеолога, общественного и политического деятеля происходило в условиях становления и развития новых форм антисемитизма, в полный голос заявивших о себе в Австро-Венгрии, Германии и Франции. В этих странах он жил, учился и работал. Традиционная юдофобия, распространенная в эпохи Античности и Средневековья, не исчезла и в период Нового времени. Проповедуемая ненависть к евреям подчас обретала новые формы, основанные на расистской теории. Процессы бурной социально-экономической модернизации в странах Западной, Восточной Европы и России оказали большое влияние на развитие антисемитизма в то время.

Между тем еще в 1891 г. руководители влиятельной либеральной венской газеты “*Neue Freie Presse*” предложили Герцлю отправиться в столицу Франции и стать ее парижским корреспондентом. Этот пост был достаточно важным. В письме к родителям Теодор писал, что оказался на «трамплине, с которого можно высоко прыгнуть», и напомнил, что такие видные журналисты, как Генрих Гейне и французский корреспондент лондонской “*Times*” Анри Бловиц, заняв аналогичную позицию, стали «чем-то вроде послов» [по: Bein, 1934: 34]. В обязанности корреспондента этого солидного издания входило следующее: присутствие на заседаниях парламента; незамедлительное телеграфирование в редакцию о каждом заседании, на котором обсуждались важные государственные дела; вопросы внешней политики; будущее правящей коалиции. При составлении своих корреспонденций Герцль должен был исходить из политического направления газеты, поддерживавшей умеренных республиканцев во Франции.

Герцль пробыл в Париже с октября 1891 г. до конца июля 1895 г. и свел там знакомство с государственными и общественными деятелями, парламентариями, журналистами и литераторами. Повседневная работа в столице Франции корреспондентом влиятельной венской газеты вернула его в мир социальной реальности, изменила настроения и убеждения. Ангажированный в качестве либерала франкофилами венской газеты, он пережил идеиную эволюцию. Герцль оказался свидетелем иной Франции — страны, которая была поражена тяжелыми недугами. Третья республика страдала многими

социальными болезнями эпохи: парламентской коррупцией, классовой борьбой, террором, связанным анархистами, варварским антисемитизмом, упадком аристократии и моральной деградацией правящих кругов и общества в целом. Герцль не оправдывал анархистов, но считал, что они «открыли сладость великой идеи и жертвенности» [Ibid.: 127]. Симпатизируя рабочим — несчастным рабам машин, фельетонист воспринимал рабочее движение как форму группового примитивизма, оно внушало ему благоговейный ужас. В собравшихся на одном из митингов рабочих он ощутил «мощную темную силу, которая еще заявят о себе» [Ibid: 161]. Всё более критически он относился к демократической форме правления. В его публикациях есть идея о том, что общество «нуждается в спасителе» — человеке, который взял бы на себя всю ответственность, пришел и заявил: «Я возьму на себя всё бремя ваших забот. Пусть ненависть угнетенных падет на мою голову» [Ibid: 128].

Герцль считал, что страсть к террору, проявленная защитниками низших классов, найдет ответ в высших кругах и выразится в желании обрести спасителя. Республиканский правопорядок будет заменен монархическим. Как либерал Герцль остро чувствовал потрясения антиреспубликанской политики. Его занимала проблема массовых движений — ведь, страшная своей силой, толпа аморфна и подвержена влиянию. Наблюдая за избирательной кампанией 1893 г., он отмечал триумф демагогии над здравым политическим смыслом. Герцль начал смотреть на народ как на толпу, массу, и в этом разочаровании можно найти истоки более поздних суждений Герцля и как сиониста. Утрата веры в народ сопровождалась разочарованием и в политиках.

Панамский скандал — финансовая афера при строительстве Панамского канала — показал банкротство парламентаризма во Франции. Коррупция подорвала закон и порядок, выпустила на волю иррациональную силу масс. На поверхность вышли враги республики — антисемиты. Герцль заключал обзор событий 1892 г. выводом: парламентское сердце Франции — родины либерализма — поражено тяжелой болезнью. Этот вывод означал и крушение веры в жизнеспособность политического либерализма. На фоне кризиса вопрос о антисемитизме всё настойчивее входил в сознание Теодора Герцля.

Продолжение следует

Список источников

- Вебер М.* Политика как призвание и как профессия / пер. А. Ф. Филиппова. М.: Рипол классик, 2021. 292 с.
- Герасимова И. П.* Первая конференция сионистов в России: Минск, 1902 год. Люди. События. Взгляд через 100 лет // Российский сионизм: история и культура. М.: Дом еврейской книги, 2002. С. 87—110.
- Герцль Т.* Автобиография // Сионистские статьи / вступ. ст. Д. С. Пасманника. СПб.: Восток, 1914. С. 35—41.
- Герцль Т.* Еврейское Государство: опыт современного решения еврейского вопроса: сб. / вступ. ст. Б.-А. Хаим. М.: Книжники, Текст, 2008. С. 29—140.
- Звязельская И. Д.* История Государства Израиль. М.: Аспект Пресс, 2012. 358 с.
- Карасова Т. А.* Круглый стол «75 лет Государству Израиль: проблемы и достижения». 7 июня 2023 г. ИВ РАН. URL: <https://www.ivran.ru/novosti-nauki?artid=212514> (дата обращения: 01.12.2024).
- Лакер В.* История сионизма / пер. с англ. А. Блейз, О. Блейз. М.: Кронпрессы, 2000. 842 с.
- Локшин А. Е.* В поисках modus vivendi. Сионистское движение и царское правительство в конце XIX — начале XX веков // Российский сионизм: история и культура. М.: Дом еврейской книги, 2002. С. 70—86.
- Локшин А. Е.* Теодор Герцль: путь от глашатая ассилияции к лидеру нового исхода // Материалы XV ежегод. Междунар. междисциплинар. конф. по иудаике. Ч. I: Государство Израиль: 60 лет истории. Вып. 23. М.: Сэфер, 2008. С. 160—178 (Академическая серия).
- Локшин А. Е.* Отношение в России к сионизму в начальный период его деятельности (1897—1904) // Вопросы истории. 2010. № 8. С. 64—77.
- Локшин А. Е.* Политический сионизм Теодора Герцля. Современный Израиль. Замысел и воплощение // Восточный курьер. 2023. № 4. С. 43—62.
- Мартынов Д. Е.* Судьба одной утопии: Роман Теодора Герцля и Государство Израиль // Арабо-израильский конфликт и роль России в его урегулировании: Материалы междунар. науч.-практич. симпозиума: в 2 т. Казань: Intelpress +, 2013. Т. 1. С. 4—13.
- Маяковский В. В.* Владимир Ильич Ленин. Поэма // Избр. произв. М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1953. С. 111—186.
- Bein A.* Theodor Herzl. Biographie mit 63 Bildern und einer Ahnentafel. Vienna: Fiba Verlag, 1934. 736 S.
- Herzl T.* Der Judenstaat. Versuch einer modernen losunger judenfrage. Vienna: Breitenstein, 1896. 86 S.
- Herzl T.* Tagerbücher, 1895—1904: drei baende. B.: Jüdischer Verlag, 1922. 659 S.

- Herzl T.* Briefe und Tagebücher / hrsg. von A. Bein, H. Greive, M. Shaerf, J. Shoeps. Frankfurt a. M.: Propyläen, 1983—1996. Bd. 1—7.
- The Complete Diaries of Theodor Herzl / ed. R. Patai, translate by H. Zohn. N. Y.: Herzl Press, 1960. Vol. 1—5.
- The Diaries of Theodor Herzl / ed. M. Lowenthal. N. Y.: The Dial Press, 1956. 494 p.
- Kornberg J.* Theodor Herzl: A Re-evaluation // Journal of Modern History. 1980. Vol. 52, № 2 (June). P. 226—252.
- Kornberg J.* Theodor Herzl: From Assimilation to Zionism. Indiana University Press, 1993. 240 p.
- Laqueur W.* A History of Zionism. L.: Weidenfeld and Nicolson, 1972. 639 p.
- Nussbaum T.* Theodor Herzl Before the Military Fitness Commission // Jüdische Welt. 1936. 31 July.
- Pawel E.* The Labyrinth of Exile. The Life of Theodor Herzl. N. Y.: Farrar, Straus and Giroux, 1989. 554 p.
- Penslar D.* Israel in History. The Jewish State in Comparative Perspective. L.; N. Y.: Routledge, 2007. 276 p.
- Penslar D.* Theodor Herzl. The Charismatic Leader. New Haven; L.: Yale University Press, 2020. 239 p.
- Schorske C.* Fin-de-Siècle Vienna: Politics and Culture. N. Y.: Vintage Books, 1981. 384 p.
- Stanislawski M.* Zionism and the Fin de Siècle. Cosmopolitanism and Nationalism from Nordau to Jabotinsky. Berkeley; Los Angeles; L.: University of California Press, 2001. 282 p.
- Stewart D.* Theodor Herzl: Artist and Politician: A Biography of the Father of Modern Israel. N. Y.: Doubleday, 1974. 395 p.

References

- Bein, A. (1934), *Theodor Herzl. Biographie mit 63 Bildern und einer Ahnen-tafel*, Fiba Verlag, Vienna, Austria.
- Gerasimova, I. P. (2002), ‘The first Zionist Conference in Russia: Minsk, 1902. People. Events. A look after 100 years’, in *Rossiiskii sionizm: istoriia i kul'tura* [Russian Zionism: History and Culture], Dom evreiskoi knigi, Moscow, Russia: 87—110.
- Herzl, T. (1896), *Der Judenstaat, Versuch einer modernen losunger juden-frage*, Breitenstein, Vienna, Austria.
- Herzl, T. (1914), ‘Autobiography’, in *Sionistskie stat'i* [Zionist articles], introductory article by Pasmanik, D. S., Vostok, St. Petersburg, Russia: 35—41.
- Herzl, T. (1922), *Tagerbücher*, 1895—1904: drei baende, Jüdischer Verlag, Berlin, Germany.

- Herzl, T. (1983—1996), *Briefe und Tagebücher*, Bd. 1—7, in Bein, A., Greive, H., Shaerf, M. and Shoeps, J. (eds), Propyläen, Frankfurt a. M., Germany.
- Herzl, T. (2008), *Evreiskoe Gosudarstvo: opyt sovremennoogo resheniiia evreiskogo voprosa: sbornik* [The Jewish State: The experience of a modern solution to the Jewish question: collection], introductory article by B.-A. Chaim, Knizhniki, Tekst, Moscow, Russia: 29—140.
- Karasova, T. A. (2023), ‘Round table “75 Years of the State of Israel: Problems and Achievements”, June 7th, 2023, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, available at: <https://www.ivran.ru/novosti-nauki?artid=212514> (Accessed 1 December 2024).
- Kornberg, J. (1980), ‘Theodor Herzl: A Re-evaluation’, *Journal of Modern History*, vol. 52, no. 2 (June): 226—252.
- Kornberg, J. (1993), *Theodor Herzl: From Assimilation to Zionism*, Indiana University Press, Indiana.
- Laqueur, W. (1972), *A History of Zionism*, Weidenfeld and Nicolson, Landon, UK.
- Laqueur, W. (2000), *Istoriia sionizma* [A History of Zionism], Translated by from English Blaze, A. and Blaze, O., Kron-press, Moscow, Russia.
- Lokshin, A. E. (2002), ‘In Search of Modus Vivendi, The Zionist Movement and the Tsarist Government in the Late XIX — Early XX Centuries’, in *Rossiiskii sionizm: istoriia i kul'tura* [Russian Zionism: History and Culture], Dom evreiskoi knigi, Moscow, Russia: 70—86.
- Lokshin, A. E. (2008). ‘Theodor Herzl: the path from the herald of assimilation to the leader of a new exodus’, in *Materialy Piatnadtsatoi ezhegodnoi mezhdunarodnoi mezhdisciplinarnoi konferentsii po iudeike, chast' I: Gosudarstvo Izrail': 60 let istorii* [Proceedings of the Fifteenth annual international interdisciplinary conference on Jewish studies, part I: The State of Israel: 60 years of history, iss. 23, Moscow, Russia: 160—178 (Academic series).
- Lokshin, A. E. (2010), ‘The attitude in Russia towards Zionism in the initial period of its activity (1897—1904)’, *Voprosy istorii* [Questions of History], no. 8: 64—77.
- Lokshin, A. E. (2023), ‘Political Zionism of Theodor Herzl, Modern Israel, Design and implementation’, *Vostochnyi kur'er* [Eastern Courier], no. 4: 43—62.
- Lowenthal, M. (ed.) (1956), *The Diaries of Theodor Herzl*, The Dial Press, New York, N. Y.
- Martynov, D. E. (2013), ‘The Fate of One Utopia: The Novel of Theodor Herzl and the State of Israel’, in *Sud'ba odnoi utopii: Roman Teodora Gertslia i Gosudarstvo Izrail'*, *Arabo-izrail'skii konflikt i rol' Rossii v ego uregulirovani: materialy mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo simpoziuma v 2 tomakh. Tom 1* [The Arab-Israeli Conflict and Russia's Role in Its Resolution: Proceedings of the International Scientific and Practical Symposium in 2 vol. Vol. 1], Intelpress +, Kazan, Russia: 4—13.

- Mayakovsky, V. V. (1953), ‘Vladimir Ilyich Lenin’, Poem, in *Izbrannye proizvedeniia* [Selected Works], Gosudarstvennoe izdatel’stvo khudozhestvennoi literature, Moscow, Russia: 111—186.
- Nussbaum, T. (1936), ‘Theodor Herzl Before the Military Fitness Commission’, *Jüdische Welt*, 31 July.
- Patai, R. (ed.) (1960), *The Complete Diaries of Theodor Herzl*, Vol. 1—5, Translate by Zohn, H., Herzl Press, New York, N. Y.
- Pawel, E. (1989), *The Labyrinth of Exile, The Life of Theodor Herzl*, Farrar, Straus and Giroux, New York, N. Y.
- Penslar, D. (2007), *Israel in History, The Jewish State in Comparative Perspective*, Routledge, Landon, New York, UK, N. Y.
- Penslar, D. (2020), *Theodor Herzl, The Charismatic Leader*, Yale University Press, New Haven, Landon, New England, UK.
- Schorske, C. (1981), *Fin-de-Siècle Vienna: Politics and Culture*, Vintage Books, New York, N. Y.
- Stanislawski, M. (2001), *Zionism and the Fin de Siècle, Cosmopolitanism and Nationalism from Nordau to Jabotinsky*, University of California Press, Berkeley, Los Angeles, Landon, California, UK.
- Stewart, D. (1974), *Theodor Herzl: Artist and Politician: A Biography of the Father of Modern Israel*, Doubleday, New York, N. Y.
- Weber, M. (2021), *Politika kak prizvanie i kak professiia* [Politics as a vocation and as a profession], Translated by Filippov, A. F., Rипol Classic, Moscow, Russia.
- Zviagelskya, I. (2012), *Istoriia Gosudarstva Izrail’* [The History of State of Israel], Aspekt Press, Moscow, Russia.

Статья поступила в редакцию 20.01.2025; одобрена после рецензирования 19.02.2025; принята к публикации 26.02.2025.

The article was submitted 20.01.2025; approved after reviewing 19.02.2025; accepted for publication 26.02.2025.

Информация об авторе / Information about the author

A. E. Локшин — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела по изучению Израиля и еврейских общин, Институт востоковедения РАН, Москва, Россия.

A. Ye. Lokshin — Candidate of Sciences (History), Leading Research Fellow at the Department of Israel and Communities, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Интеллигенция и мир. 2025. № 3. С. 129—145.

Intelligentsia and the World. 2025. No. 3. P. 129—145.

Научная статья

УДК 069(091)(571.53)"18/19"

EDN <https://elibrary.ru/xkzsks>

DOI: 10.46725/IW.2025.3.7

Научная специальность ВАК

5.6.1. Отечественная история

**Б. И. ЛЕБЕДИНСКИЙ И Н. М. ЯДРИНЦЕВ
(НА ПУТИ К СОЗДАНИЮ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ В ИРКУТСКЕ)**

Виталий Викторович Ткачев

Центр развития дополнительного образования детей,

Научно-исследовательский центр «Иркутская историческая школа

интеллигентоведения», Иркутск, Россия, vitaliy.tkachev.96@mail.ru,

SPIN-код: 8838-6656, <https://orcid.org/0000-0002-1057-3270>

Аннотация. В конце XIX — начале XX века на территории Иркутской губернии и Забайкальской области сложились благоприятные условия для создания музеев с полноценными и научно составленными коллекциями. Среди тех, кто стоял у истоков этого процесса, был Борис Иванович Лебединский. Новые архивные материалы, выявленные в архиве Иркутского областного художественного музея и Государственного архива Иркутской области, убедительно доказывают, что этот известный художник и исследователь, думая о создании в Иркутске Художественного музея, внимательно изучал накопленный в Сибири опыт постановки музейного дела и проводившиеся там исторические изыскания. Особое внимание Б. И. Лебединского привлекло наследие исследователя и музейщика Н. М. Ядринцева, и в первую очередь его доклад о поездке по азиатской части России в 1879 г. В нем давалось описание музейных коллекций Сибири, среди которых выделялся Минусинский публичный музей и связанные с ним научные исследования. Знакомство с докладом Ядринцева позволило Лебединскому выяснить не только положительные, но негативные стороны при проведении археологических изысканий и формировании музейных коллекций, что стало определенным этапом на пути создания в Иркутске полноценного Художественного музея.

Ключевые слова: Б. И. Лебединский, Иркутский областной художественный музей, Н. М. Ядринцев, Минусинский публичный музей

Для цитирования: Ткачев В. В. Б. И. Лебединский и Н. М. Ядринцев (на пути к созданию Художественного музея в Иркутске) // Интеллигенция и мир. 2025. № 3. С. 129—145.

Original article

B. I. LEBEDINSKY AND N. M. YADRINTSEV (ON THE WAY TO THE CREATION OF AN ART MUSEUM IN IRKUTSK)

Vitaliy V. Tkachev

Center for the Development of Additional Education for Children,
Research Center “Irkutsk Historical School of Intellectual Studies”,
Irkutsk, Russia, vi-taliiy.tkachev.96@mail.ru,
SPIN: 8838-6656, <https://orcid.org/0000-0002-1057-3270>

Abstract. In the late XIX and early XX centuries, favorable conditions for the creation of museums with full-fledged and scientifically compiled collections were created in the Irkutsk province and the Transbaikal region. Among those who stood at the origins of this process was Boris Ivanovich Lebedinsky. New archival materials discovered in the archives of the Irkutsk Regional Art Museum and the State Archives of the Irkutsk Region convincingly prove that this famous artist and researcher, thinking about creating an Art Museum in Irkutsk, carefully studied the experience of organizing museum work in Siberia and the historical research conducted there. B. I. Lebedinsky was especially interested in the legacy of the researcher and museum worker N. M. Yadrintsev and, first of all, in his report on a trip to the Asian part of Russia in 1879. It described the museum collections of Siberia, among which the Minusinsk Public Museum and related scientific research stood out. Familiarization with Yadrintsev's report allowed Lebedinsky to highlight not only the positive, but also the negative aspects of conducting archaeological research and forming museum collections, which became a certain stage on the path to creating a full-fledged Art Museum in Irkutsk.

Keywords: B. I. Lebedinsky, Irkutsk Regional Art Museum, N. M. Yadrintsev, Minusinsk Public Museum

For citation: Tkachev, V. V. (2025), B. I. Lebedinsky and N. M. Yadrintsev (on the way to the creation of an Art Museum in Irkutsk), *Intelligentsia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 3: 129—145 (in Russ.).

Введение

Актуальность. Конец XIX — начало XX в. ознаменовались подъемом культурной жизни во многих городах Сибири. Одним из ярких проявлений этого процесса стало создание разнoproфильных музеев. Инициативы в их открытии обычно исходили от представителей художественной и научной интеллигенции. Затем к реализации подключались другие представители образованного сообщества, а также граждане, многие из которых были далеки от творческой или научной деятельности, но искренне радели за сохранение исторической памяти о крае, в котором они жили, и, в широком плане, за пропаганду сибиряков.

Среди интеллектуалов, выступавших за создание музея, который бы отражал краеведческую тематику и одновременно знакомил с мировыми достижениями культуры, были иркутяне. Одним из них являлся график и живописец Борис Иванович Лебединский (1891—1972), картины которого хранятся в Третьяковской галерее, Государственном Русском музее, Государственном музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина, Иркутском областном художественном музее имени В. П. Сукачева (далее: ИОХМ) и других музеях России [Ларёва, 2015: 25].

Краткий историографический обзор. История жизни и творчества Б. И. Лебединского, его вклад в становление музейного дела в Иркутске неоднократно привлекали внимание исследователей. К его жизни и творчеству обращались Т. Г. Ларёва [Ларёва, 2015: 32—38], Л. В. Тихонова [Тихонова, 1983: 10—15], А. Д. Фатьянов [Фатьянов, 1967: 11—16; 1995: 25—27], В. Ф. Чирков [Чирков, 2014: 95—98] и др., а также автор настоящего материала [Ткачев, 2019; 2021: 89—90, 93].

Обзор изученной литературы показал, что, несмотря на значительное количество работ о Лебединском, они не дают полного ответа об особенностях формировании его взглядов на музейное дело. Одна из причин такого положения — недостаточное исследование связанных с ним архивных материалов. Частично восполнить этот пробел призвана настоящая работа.

Постановка вопроса. Цель работы — в контексте истории создания в Иркутске Художественного музея выяснить степень изученности Б. И. Лебединским наследия Н. М. Ядринцева.

Для достижения заявленной цели предполагается решить ряд исследовательских задач: выявить документы в архивах, связанные

с Б. И. Лебединским; установить факт знакомства Б. И. Лебединского с трудами Н. М. Ядринцева; восстановить краткие биографии Лебединского и Ядринцева; выявить основные моменты в трудах Н. М. Ядринцева, на которые Б. И. Лебединский мог обратить внимание при осуществлении планов по трансформации картинной галереи Иркутска в полноценный Художественный музей.

Краткий источниковедческий обзор. Значительное количество материалов, связанных с Б. И. Лебединским, находится в его личном деле, которое хранится в архиве ИОХМ. Большую роль в формировании этого собрания сыграла «дочь художника Наталья Борисовна Киселёва, которая передала в областной краеведческий музей обширную коллекцию документов, писем, личных вещей Б. И. Лебединского»¹. В настоящее время при работе с коллекцией в ИОХМ большое значение имеет описание предметов, относящихся к Лебединскому, которое составил в 1980 г. научный сотрудник областного Иркутского краеведческого музея А. Шубин².

Еще одним важным центром хранения документов, связанных с Лебединским, является Государственный архив Иркутской области (далее: ГАИО). Для нас центральным событием стало то, что и в личном архиве Б. И. Лебединского, и в фонде ГАИО был обнаружен доклад Н. М. Ядринцева о его поездке по городам Сибири в 1879 г. Факт обнаружения этого документа среди бумаг Б. И. Лебединского свидетельствует о его интересе к наследию Н. М. Ядринцева и знакомстве с ним.

Методология и методы исследования

Методологическим основанием работы стали общие принципы историзма и объективности. Использованы также историко-генетический и историко-сравнительный методы. При рассмотрении интеллигенции как особой социальной страты мы опираемся на наработки известного ивановского исследователя В. С. Меметова и его коллег [Меметов, 2007; Черноперов, Усманов, 2014: 10—20; Черноперов, Усманов, 2016: 11—30]. Под художественной интеллигенцией нами понимается часть общества, которая занимается умственным трудом, участвует в творческих процессах по созданию

¹ Архив Иркутского областного Художественного музея им. В. П. Сукачева. Личное дело Б. И. Лебединского. Л. 9 (далее: АИОХМ).

² Там же. Л. 4.

живописных полотен, художественных альбомов и других изобразительных материалов, используя профессиональные знания и опыт, формирует интерес в обществе к творчеству мастеров и течениям в мировом и отечественном изобразительном искусстве.

Основная часть

Основные вехи биографии Б. И. Лебединского

Борис Иванович Лебединский родился 17 октября 1891 г. далеко от Забайкальского края, в г. Луге Санкт-Петербургской губернии, и происходил из духовного сословия. Его дед и отец были рукоположены в диаконы и служили в приходской церкви Лужского уезда. По службе отец будущего художника Иван Григорьевич Лебединский постоянно выезжал в Сестрорецк и Санкт-Петербург. Одновременно со служением отец Иоанн, согласно установлениям в Российской империи, «по совместительству» преподавал в церковно-приходской школе, где обучал детей грамоте, счету, церковному пению, закону Божьему и чтению церковнославянских текстов. Известно, что он «был человеком демократических убеждений, хорошо начитанным, тяготеющим к искусству» [Ткачев, 2019: 29]. За многолетнее безупречное служение отец Иоанн был удостоен орденов св. Анны III степени и св. Владимира VI степени, что по нормам Российской империи возводило род Лебединских в ранг потомственных почетных граждан.

Родители Б. И. Лебединского мечтали, чтобы сын продолжил служение деда и отца, и молодой человек, выполняя волю родителей, поступил в Санкт-Петербургскую духовную семинарию. Однако духовная карьера молодого человека, по-видимому, к этому времени уже не очень прельщала. На выбор жизненного пути Б. И. Лебединского, согласно семейной легенде, повлияла встреча с выдающимся живописцем И. И. Шишкиным, дача которого в имении Дубки находилась недалеко от дома Лебединских³. Юноша был поражен работой мастера на этюдах и захотел быть похожим на него. Известно, что И. И. Шишкин будет кумиром Б. И. Лебединского всю жизнь.

Желая стать художником, молодой Лебединский покинул семинарию и в 1907 г. поступил в частное учебное заведение — Санкт-Петербургское Центральное училище технического рисования

³ Орлова Е. Эпоха Лебединского // Областная: общественно-политическая газета. 2016. 11 нояб. URL: <https://www.ogirk.ru/2016/11/30/epoha-lebedinskogo/> (дата обращения: 15.04.2024).

барона Штиглица, а через 4 месяца перешел в Рисовальную школу Императорского общества поощрения, в котором будет обучаться до 1913 г. [Там же: 29—30]. В училище барона Штиглица и Рисовальной школе Лебединский специализировался по классу офорта и гравюры. Главным его учителем стал мастер оригинальной и печатной графики В. В. Матэ [Лебединский, 1929: 9]. Кроме того, начинающий художник «занимался акварелью у А. Ф. Писемского, графикой у И. Я. Билибина, у Ф. В. Дмоховского изучал тонкости рисунка пером», брал уроки живописи сначала у Н. П. Химона, затем у А. А. Рылова, «у Н. К. Рериха занимался композицией» [Ткачев, 2019: 30].

В годы обучения в Санкт-Петербурге Лебединский начинает участвовать в выставках. «Первой серьезной профессиональной вехой для художника стала Всероссийская выставка молодых художников в 1912 г., организованная Художественно-артистической ассоциацией, членом и секретарем которой Борис Иванович являлся с 1911 г. На выставке русской графики в Лейпциге (1914) его работа “Новгородские стены” была удостоена серебряной медали» [Там же]. Лебединский попробовал себя также в храмовой живописи. Для этого он специально изучил русскую орнаментику и в 1914—1915 гг. принял участие в росписи храмов под руководством архитектора и профессора А. В. Прахова.

Карьера художника чуть было не прервала Первая мировая война. Лебединского мобилизовали. Службу он проходил в Старой Руссе, в 178-м пехотном запасном батальоне, в казармах Вильманстрандского полка⁴. Однако через полгода из-за открывшейся болезни легких художника комиссовали. Новое положение позволило ему в качестве рисовальщика поступить на работу в экспедиции, изучавшие Северные районы России. Сначала художник выезжал в Карелию и Финляндию, а затем — в Сибирь. Здесь он посетил Красноярск и Минусинск. Конечным пунктом его путешествия стали Иркутск и озеро Байкал. Город и природа Забайкалья настолько поразили Лебединского, что в 1917 г. он уговаривает жену с дочерью переехать из неспокойного Петрограда в спокойный Иркутск. Здесь

⁴ Лебединский Борис Иванович (17 октября 1891 — 8 октября 1972) // Электронная библиотека «Муравейник». URL: <https://ant53.ru/article/163/> (дата обращения: 15.04.2024).

Борис Иванович избрал стезю преподавателя в 3-м Реальном коммерческом училище и Григорьевской женской гимназии. Учитывать он будет вплоть до 1926 г.

В Иркутске Лебединских застала революция. Революционные бури, конечно, влияли на работу художника и преподавателя, но при этом он оставался верен своим увлечениям и был нацелен на реализацию новых планов. Еще в юности Лебединский увлекся палеогеологией. В Иркутске он продолжил изыскания в этой области, подготовил несколько учебных пособий и создал картины-реконструкции вымершего животного мира.

В 1918 г. Б. И. Лебединский вошел в Восточно-Сибирское отделение Русского географического общества и в качестве его члена участвовал в научно-исследовательских археологических, биолого-географических, палеонтологических экспедициях. Много занимался просвещением иркутян, особенно в области изобразительного искусства. Этому способствовало его избрание в 1920 г. председателем Иркутского общества художников, которое было «внесено в реестр обществ и союзов под № 84» еще в 1914 г. [Ларёва, 2015: 47].

В 1920 г. в Иркутске появилась картинная галерея, основу которой ставило собрание предметов живописи городского головы В. П. Сукачёва, именем которого ныне назван Иркутский областной художественный музей. Лебединский участвовал в создании Совета картинной галереи г. Иркутска — более того, с 1924 по 1925 г. возглавлял этот Совет, занимая пост председателя. При его активном участии прошла в Иркутске Первая сибирская выставка в Иркутске (1925).

В 1926 г. Лебединского назначили главным хранителем Иркутской картинной галереи [Муратов, 1974: 122]. На этой должности он сменил первого главного хранителя, художника, скульптора и архитектора К. И. Померанцева и оставался главным хранителем галереи до 1932 г. За 6 лет его руководства коллекция существенно расширилась — благодаря, в том числе, Государственному музеиному фонду, который начал формироваться с 1918 г. Его основой стали национализированные большевиками царские дворцы, общественные и частные собрания, музеи, церковная собственность. Развитию фонда поспособствовало также введение государственной регистрации памятников искусства и старины. Государственный музейный фонд прошел в своем развитии ряд этапов, и первый продлился с 1918 до 1927 г. (подробнее см: [Рябчикова, 2018: 40—45]).

При Лебединском Иркутская картинная галерея пополнилась многими произведениями русских мастеров XVIII — начала XX в. Параллельно с работой в картинной галерее и других местах Борис Иванович трудился художником-иллюстратором в Иркутском губернском издательстве, позже преобразованном в Восточно-Сибирское краевое издательство. На этом посту мастер через публикуемые иллюстрации немало потрудился над популяризацией знаний о Забайкальской Сибири.

В период работы Лебединского в издательстве родились его известные графические серии по истории Иркутска: «Московские ворота города Иркутска» (1929), «Иркутский острог» (1929), «Аршан» (1931) [Ткачев, 2019: 29]. Кроме того, Борис Иванович участвовал в Первом Всесибирском съезде художников, который прошел в Новосибирске, и Первой Всесибирской передвижной выставке (1927), принял участие в создании «Сибирской советской энциклопедии», первый том которой вышел в 1929 г.

В 1932 г. Лебединский с семьей покинул Иркутск и вернулся в Ленинград. Во второй столице СССР выдающийся ученый В. П. Семенов-Тян-Шанский предоставил Б. Лебединскому место научного сотрудника в Центральном географическом музее. На новом месте работы художник активно включился в создание видовых картин, географических моделей, панорамных макетов, рельефных карт и т. д. «Специально для музея он создает большие полотна — “Степь Колыванская”, “Байкал. Хмурый день” и другие»⁵. Однако его плодотворная деятельность в Центральном географическом музее была недолгой. В апреле 1933 г. за хранение библиотеки репрессированного художника и друга Б. В. Шевякова (сына бывшего профессора и члена антибольшевистского правительства адмирала А. В. Колчака) Б. И. Лебединского обвинили в антисоветской деятельности и приговорили к 5 годам лагерей. Отбывать срок Бориса Ивановича отправили на Соловки. Однако отсидел он только год. Его условно-досрочному освобождению поспособствовали многочисленные ходатайства и прошения о помиловании, а также, возможно, Е. С. Пешкова, которая не раз помогала освобождению из заключения деятелей культуры⁶. Может быть (выскажем свою версию), на освобождение повлияла

⁵ Борис Лебединский. URL: <https://culture38.ru/brands/boris-lebedinskij/> (дата обращения: 15.04.2024).

⁶ Лебединский Борис Иванович ...

неразбериха, которая часто сопровождала реорганизации советского аппарата. Дело в том, что в декабре 1933 г. печально известный Соловецкий лагерь особого назначения (СЛОН) завершил свою историю, его реформировали, а имущество передали Беломоро-Балтийскому лагерю.

После условно-досрочного освобождения в апреле 1934 г. Лебединскому было запрещено проживание в Ленинграде, и он поселился в Старой Руссе. В этом городке Борис Иванович организовал изостудию, где обучалось до 50 человек. Многие из его учеников «уже через пару лет» становились участниками выставок в Ленинграде и Москве⁷.

Летом 1941 г. Б. И. Лебединский буквально в последний момент перед захватом Старой Русы гитлеровцами сумел вывезти семью в Горьковскую область. Причем перед эвакуацией спрятал в тайник более 300 своих работ, которые после войны не смог найти⁸. В Горьковской области Лебединский работал учителем в сельской школе, заведующим избой-читальней (избачом), художником-оформителем.

В 1944 г. Бориса Ивановича пригласили на работу в Художественное училище г. Иркутска, созданное на базе Изопедтехникума в 1939 г.⁹, и до конца жизни Лебединский Забайкальский край надолго уже не покидал. В Иркутске Б. И. Лебединский преподавал в Художественном училище, трудился в отделении Художественного фонда СССР, возглавлял Иркутскую комиссию по охране памятников старины и искусства. Много рисовал и выставлялся на площадках от городского до республиканского уровня. Фактом признания иркутянами заслуг Лебединского стало его избрание в 1947—1955 гг. (несмотря на лагерный срок!) депутатом трех созывов Иркутского городского Совета. В 1957 г. его вклад в культуру был отмечен званием «Заслуженный деятель искусств РСФСР». Наградили художника также орденом Трудового Красного Знамени.

Все биографы Б. И. Лебединского отмечают, что в 1960-е гг.

⁷ Борис Лебединский.

⁸ Из семейного архива // Новгородские ведомости. URL: <https://novvedomo.sti.ru/articles/culture/43005/> (дата обращения: 15.04.2024).

⁹ Иркутский художественный колледж им. И. П. Копылова. Наша история. URL: <https://web.archive.org/web/20200130014656/>; <https://www.irkhu.ru/history> (дата обращения: 15.04.2024).

его творчество обрело в Сибири, и особенно в Иркутске, необыкновенную популярность. Большими тиражами издавались альбомы его графики и живописи. Главными темами в них были виды старого и нового Иркутска, а также природа Байкала. Сам Лебединский так говорил о значении уникального озера в своей жизни и творчестве: «Я люблю Байкал, как самого близкого, родного человека. ... Тоскую, когда расстаюсь с ним. Слышу плеск его волн, вижу утренние зори над его просторами. Байкал — это потрясающая симфония! Он каждую минуту меняется и почти неуловим для художника в своем вечном волнении. Напрасно его представляют только хмурым, суровым, нелюдимым. Он бывает и ласковым и светлым, как юношеская улыбка. И небо над ним часто такой изумительной глубины, как в Италии. У меня одна цель: чтобы все увидели, как прекрасен Байкал!»¹⁰. Признано, что эти альбомы Лебединского о Байкале немало способствовали возникновению общественного движения в защиту уникального озера.

Основные вехи жизни Н. М. Ядринцева и основные моменты его доклада, представлявшие интерес для Б. И. Лебединского

Борис Иванович Лебединский задумался над организацией в Иркутске Художественного музея, по-видимому, либо при первом посещении Забайкалья, либо после переезда в главный город края в 1917 г. Как свидетельствуют архивные документы, воплощение планов он начал с материалов об экспедициях, исследовавших Сибирь, и о постановке в крае музейного дела. Среди ученых, которые привлекли особое внимание Б. И. Лебединского, оказался публицист, писатель, общественный деятель, исследователь Сибири и Центральной Азии Николай Михайлович Ядринцев (1842—1894)¹¹.

Уроженец Омска и выходец из купеческого сословия, Н. М. Ядринцев одно время проживал в столице Империи, где посещал как вольнослушатель Санкт-Петербургский университет. Позже был арестован и сослан в архангельскую губернию по делу «Общества независимости Сибири». В 1874 г. после помилования по приглашению генерал-губернатора Западной Сибири Н. Г. Казнакова вернулся в родной Омск. Здесь, помимо службы по вопросам тюремного управления,

¹⁰ Цит. по: Михайлов В. Певец Байкала // Смена. 1958. № 752 (сентябрь). URL: <https://smena-online.ru/stories/pevets-baikala> (дата обращения: 16.04.2024).

¹¹ Все данные о Н. М. Ядринцеве по: [Лемке, 1904; Мясников, [б.д.]].

Ядринцев занялся изучением Алтая. В 1881 г. вернулся в Санкт-Петербург, где к 300-летию присоединения Сибири к России издал труд «Сибирь как колония», который получил широкое признание и был переиздан. Кроме того, Ядринцев стал основателем столичной газеты «Восточное обозрение». Правда, издавал ее в столице недолго и уже в том же 1881 г. в силу разных причин, включая цензурные, перевел издание в Иркутск. Через 10 лет в свет вышла его книга «Сибирские инородцы, их быт и современное положение».

Однако не только (и не столько) книги принесли Ядринцеву известность. В 1886, 1889 и 1891 гг. он совершил исследовательские экспедиции в Минусинский край и верховья реки Орхон в Монголии, открыл развалины Хара-Балгаса и древней монгольской столицы Каракорума. Особое значение имели его находки памятников древнетюркской письменности с дублированием текста китайскими иероглифами, что позволило их расшифровать.

Эти открытия вызвали фурор в научном мире. В 1890 г. Ядринцев с большим успехом сделал доклады о своих изысканиях в президиуме Русского географического общества в Санкт-Петербурге, на заседаниях Парижского географического общества и на Международном Московском конгрессе исторической археологии и антропологии. При этом, будучи за границей, нелегально издал антигосударственный памфlet «Иллюзия величия и ничтожество. Россию пятят назад». После возвращения в Россию в 1894 г. Ядринцев получил приглашение возглавить в Барнауле статистический отдел Управления Алтайского горного округа. Однако в должности практически не поработал, из-за неразделенной любви покончив жизнь самоубийством.

Б. И. Лебединского, обращавшегося к наследию Н. М. Ядринцева, особенно заинтересовал доклад этого ученого и общественного деятеля о поездке по азиатской части России, который он сделал в Императорском русском археологическом обществе в 1879 г. Сегодня данный документ опубликован¹², но для нас важно то, что он нашел отражение в делах Лебединского, поэтому мы будем давать сноски на архивные фонды, связанные с ним.

¹² Н. М. Ядринцев о поездке по восточным территориям России для обозрения музеев и археологических работ // Музееоведческое наследие Северной Азии: труды музееведов XIX — начала XX века. Томск: изд-во Томск. ун-та, 2019. С. 81—109.

Ядринцев во время поездки, которая продолжалась 3,5 месяца, проехал более 9000 верст, посетил музеи и археологические раскопки в Екатеринбурге, Тюмени, Тобольске, Томске, Мариинске и других местах вплоть до Иркутска. Наибольшее впечатление на него произвел музей в Минусинске: «Музей [в Минусинске] основан 10 лет назад по инициативе Н. М. Мартынова¹³, по богатству предметов археологических и разнообразию отделов он может считаться первым научным музеем во всей Сибири. На него не истрачено, надо заметить, ни одной казенной копейки, всё приобретено пожертвованиями и стараниями Н. М. Мартынова. Музей этот замечателен тем, что он не представляет кладовую с беспорядочным собранием предметов, но все они точно классифицированы и находятся в превосходном порядке. Превосходно составленная коллекция дала возможность издать ныне каталог с подробным описанием древностей Минусинского округа, составленный Д. А. Клеменцем¹⁴. При музее, кроме того, работал даровитый рисовальщик художник А. В. Станкевич¹⁵, который делал рисунки археологических предметов, рисовал могилы, памятники и поместил в музее акварельные картины этнографического содержания»¹⁶.

На момент посещения Минусинского музея Н. М. Ядринцевым в нем было «3630 предметов в археологическом отделе, а именно: медных и бронзовых 1270, 5 желтой меди 12, железных 1849, из камня и кости 309»¹⁷.

Особое внимание Лебединский обратил на описание Ядринцевым устройства Минусинского музея: «Музей помещался в нижнем этаже местного училища и занимал 7 отделений: общественная библиотека, музейная библиотека, естественноисторический отдел,

¹³ Мартынов Николай Михайлович (1844 — 1904) — провизор, ботаник, основатель Минусинского публичного музея (ныне Минусинский региональный краеведческий музей им. Н. М. Мартынова), Почетный гражданин города Минусинска.

¹⁴ Клеменц Дмитрий Александрович (1847—1914) — русский этнограф, археолог, географ, революционер-народник.

¹⁵ Станкевич Александр Владимирович (ок. 1846 — после 1892) — польский художник, известен, прежде всего, как акварелист, многие годы провел в Сибири.

¹⁶ АИОХМ. Личное дело Б. И. Лебединского. Л. 13.

¹⁷ Государственный архив Иркутской области. Ф. 293. Оп. 1. Д. 809. Л. 6 (далее: ГАИО).

сельскохозяйственный, кабинет учебных пособий, этнографический отдел и археологический отдел <...> Археологическое собрание помещается в особой небольшой комнате, небольшая часть выставлена под стеклом в верхней части 5 больших шкафов и в верхней части стен; вазы, котлы размещены на шкафах, — большая же часть материала хранится в закрытых шкафах. Все мелкие предметы пришиты к картонам и сгруппированы по системе, принятой в каталоге г[осподина] Клеменца. Самые мелкие предметы, как серьги, стрелки, пряжки и т. п., кроме того, что пришиты по нескольку [штук] к кускам картона, но каждая группа помещена еще в бумажные коробки. Черепки тоже размещены в бумажные коробки и сгруппированы по местностям. При устройстве предметов на стенах имелась в виду симметрия, как это принято на выставках, на щитах. Камни с письменами украшают вход в музей у крыльца. Здесь находятся известные рунические камни... <...> Благодаря этому [Минусинскому] музею, ныне не пропадает уже ни одна находка в округе.... Собиратели древностей в музее ревниво следят за всеми находками и раскопками. <...> Только с основанием музея получилась местная коллекция, до этого все частные коллекции исчезали неизвестно куда. <...> Минусинский музей дал толчок и пример основанию других общественных музеев в Сибири, и теперь основан подобный же музей в Енисейске, где также собираются древности, положено основание музею в Семипалатинске, в Бийске и на днях строится музей в Тобольске»¹⁸.

Лебединский при знакомстве с докладом Ядринцева обратил внимание также на важность для него профессионального подхода к проведению научных изысканий. «Вклад в науку» горного инженера И. С. Боголюбского¹⁹ Ядринцев оценил так: «На месте я убедился, что раскопки инженера Боголюбского не могли удовлетворить научным требованиям; они велись спешно и небрежно, как доказывает раскопка на Узунджуле. Курган здесь был разрыт в центре, кости вытащены из средины, но могила не исследована по бокам, так как при обзоре могильника я убедился, что около кургана попадались еще кости. Находки господина И. С. Боголюбского

¹⁸ Там же. Ф. 480. Оп. 1. Д. 60. Л. 18.

¹⁹ Боголюбский Иннокентий Семенович (1841—1897) — выпускник Санкт-Петербургского горного института, инженер, увлекался археологией, написал несколько научных работ, на общественных началах помогал Минусинскому публичному музею.

не были доставлены даже в сохранности. Рабочие разбивали черепа и т. д. Впрочем, к счастью, любознательность господина Боголюбского коснулась очень немногих курганов»²⁰.

Иную характеристику Ядринцев дал археологическим изысканиям выходца из купеческой семьи, выпускника физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета, шахматиста и археолога И. Т. Савенкова, который с 1907 по 1914 г. будет заведовать Минусинским публичным музеем: «Раскопки его на Узунджуле по тщательности и добытым результатам заслуживают вполне внимания. Им открыта могила обитателя бронзового века с вполне сохранившимся костяком. В головах и ногах находились глиняные чаши, у правой руки чекан или боевой бронзовый топорик, около пояса бронзовый кинжал. Положение костяка и предметы, найденные при нем, совершенно мне напомнили могилу и предметы, найденные на покойнике в Ананьевском могильнике»²¹.

Знакомство с докладом Н. М. Ядринцева укрепило у Лебединского убеждение в том, что сибирское искусство имеет древние корни, и подвигло его к решению вопроса о представлении первобытных образцов живописи в Иркутске. Кроме того, опыт постановки музейного дела, особенно в Минусинске, направил художника на создание новых иркутских выставочных центров, музейных пространств, где будут размещены произведения искусства разных художественных школ и известных мастеров, отечественных и зарубежных. Борис Иванович занимался изучением памятников разных периодов, анализировал особенности местного искусства, сотрудничал с сибирской художественной интеллигенцией, учеными и местными жителями.

Заключение

Проведенное исследование показало, что Б. И. Лебединский, задумываясь об организации Художественного музея в Иркутске, изучал опыт предшественников. Особый интерес он проявил к наследию исследователя, писателя и общественного деятеля Н. М. Ядринцева, в частности к его докладу 1879 г. о поездке по Сибири. Здесь Б. Лебединского заинтересовали, прежде всего, страницы о постановке музейного дела в Минусинске. Лебединский извлекал из работы публичного музея в этом городе и связанных с ними археологических

²⁰ ГАИО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 61. Л. 14.

²¹ Там же.

изысканий не только положительный, но и отрицательный опыт. Архивные материалы о работе Лебединского с докладом Ядринцева демонстрируют также, каким образом интеллектуальное и творческого сообщество Иркутска проявляло интерес к художественному наследию народов Сибири, включая предметы искусства, относящиеся к далекому историческому прошлому²². Знакомство Лебединского с отчетом Ядринцева углубляет наши знания о предыстории открытия в 1936 г. Иркутского областного художественного музея.

Список источников

- Ларёва Т. Г. История изобразительного искусства Прибайкалья XX — начала XXI века. Иркутск: Принт Лайн, 2015. 616 с.
- Лебединский Б. И. Из наблюдений над крестьянским зодчеством Иркутского округа деревни Грановщина. Иркутск: Власть труда, 1929. 12 с.
- Лемке М. К. Ядринцев, Николай Михайлович // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефона. Т. XLI. СПб., 1904. С. 501.
- Меметов В. С. Проблемы теории и методологии генезиса интеллигенции // Интеллигенция и мир. 2007. № 4. С. 7—15.
- Муратов П. Д. Художественная жизнь Сибири 1920-х гг. Л.: Художник РСФСР, 1974. 144 с.
- Мясников А. Николай Ядринцев: сибирский патриот, открывший столицу Чингисидов // Вокруг света. URL: <https://www.vokrugsveta.ru/articles/nikolai-yadrincev-sibirskii-patriot-otkryvshii-stolicu-chingizidov-id694715/> (дата обращения: 20.04.2024).
- Рябчикова Ф. Д. Государственный музейный фонд: возникновение и осмысление понятия (1918—1991 гг.) // Вопросы музеологии. 2018. № 9 (1). С. 39—54.
- Тихонова Л. В. Резцом и кистью. Иркутск: Вост-Сиб. кн. изд-во, 1983. 112 с.
- Ткачев В. В. Деятельность Б. И. Лебединского (1891—1972) в Иркутском обществе молодых художников начала XX века // Вестник магистратуры. 2019. № 10-3 (97). С. 28—31.
- Ткачев В. В. Художественная интеллигенция в социокультурной жизни Байкальской Сибири начала XX в. (по материалам периодической печати) // Интеллигенция и мир. 2021. № 2. С. 88—100.
- Фатьянов А. Д. Судьба сокровищ. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1967. 112 с.
- Фатьянов А. Д. Художники, выставки, коллекционеры Иркутской губернии. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1995. 192 с.

²² Архив ИОХМ. Дело по истории художественной жизни в Иркутской губернии. Л. 16.

Чернoperов В. Л., Усманов С. М. Вместо введения. Российская интелигенция и западные интеллектуалы в современном мире. Модели социально-политического поведения // Интелигенция и интеллектуалы в изменяющейся социально-политической действительности: кол. монограф. / отв. ред. В. С. Меметов, В. Л. Чернoperов. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2014. С. 8—28.

Чернoperов В. Л., Усманов С. М. Глава 1. Интелигенция и интеллектуалы в современном мире: самоопределение, социальный профиль, судьба // Интелигенция и интеллектуалы — такие разные ... и похожие. Проблемы самоопределения и деятельности в XX — начале XXI века: кол. монограф. / отв. ред. В. С. Меметов, В. Л. Чернoperов. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2016. С. 8—53.

Чирков В. Ф. Изобразительное искусство Сибири XVII — начала XXI в. Словарь-указатель в 2-х т. Тобольск: Обществ. благотворит. фонд «Возрождение Тобольска», 2014. 815 с.

References

- Chernoperov, V. L. and Usmanov, S. M. (2014), 'Instead of an introduction. Russian intelligentsia and Western intellectuals in the modern world. Models of socio-political behavior', in Memetov, V. S. and Chernoperov, V. L. (eds), *Intelligentsia i intellektualy v izmeniaushcheisia sotsial'no-politicheskoi deistvitel'nosti: kollektivnaia monografiia* [Intelligentsia and intellectuals in a changing socio-political reality: a collective monograph], Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo: 8—28.
- Chernoperov, V. L. and Usmanov, S. M. (2016), Chapter 1. 'Intelligentsia and intellectuals in the modern world: self-determination, social profile, fate', in Memetov, V. S. and Chernoperov, V. L. (eds), *Intelligentsia i intellektualy — takie raznye ... i pokhozhie. Problemy samoopredeleniya i deiatel'nosti v XX — nachale XXI veka: kollektivnaia monografiia* [The intelligentsia and intellectuals are so different... and similar. Problems of self-determination and activity in the XX — early XXI century: collective monograph], Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo: 8—53.
- Chirkov, V. F. (2014), *Izobrazitel'noe iskusstvo Sibiri XVII — nachala XXI veka. Slovar'-ukazatel' v 2 tomah* [The Fine Arts of Siberia in the XVII — early XXI century: Dictionary-indicator in 2 volumes], Obshchestvennyi blagotvoritel'nyi fond "Vozrozhdenie Tobol'ska", Tobol'sk, Russia.
- Fatyyanov, A. D. (1967), *Sud'ba sokrovishch* [The fate of the treasure], Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, Irkutsk, Russia.
- Fatyyanov, A. D. (1995), *Khudozhniki, vystavki, kolleksionery Irkutskoi gubernii* [Artists, exhibitions, collectors from Irkutsk province], Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, Irkutsk, Russia.
- Lareva, T. G. (2025), *Istoriia izobrazitel'nogo iskusstva Pribaikal'ia XX — nachala XXI veka* [History of Fine Arts of the Baikal Region in the XX — Early XXI], Print Line, Irkutsk, Russia.

- Lebedinsky, B. I. (1929), *Iz nabliudenii nad krest'ianskim zodchestvom Irkutskogo okruga derevni Granovshchina* [From observations of peasant architecture of the Irkutsk district, the village of Granovshchina], Vlast' truda, Irkutsk, Russia.
- Lemke, M. K. (1904), ‘Yadrintsev, Nikolai Mikhailovich’, in *Entsiklopedicheskii slovar' Brockgauza i Efrona* [Encyclopedic Dictionary of Brockhaus and Efron], vol. XLI, St. Petersburg, Russia: 501.
- Memetov, V. S. (2007), ‘Problems of the theory and methodology of the genesis of the intelligentsia’, *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 4: 7—15.
- Muratov, P. D. (1974), *Khudozhestvennaya zhizn' Sibiri 1920-kh gg* [Artistic life of Siberia in the 1920s], Khudozhnik RSFSR, Leningrad, Russia.
- Myasnikov, A. (no date), ‘Nikolai Yadrintsev: Siberian patriot who discovered the capital of the Genghis Khans’, *Vokrug sveta* [Around the world], available at: <https://www.vokrugsveta.ru/articles/nikolai-yadrincev-sibirskii-patriot-otkryvshii-stolicu-chingizidov-id694715/> (Accessed 20 April 2024).
- Ryabchikova, F.D. (2018), ‘State Museum Fund: the emergence and understanding of the concept (1918—1991)’, *Voprosy muzeologii* [Questions of Museology], no. 9(1): 39—54.
- Tikhonova, L. V. (1983), *Reztsom i kist'iui* [With a chisel and a brush], Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, Irkutsk, Russia.
- Tkachev, V. V. (2019), ‘Activities of B. I. Lebedinsky (1891—1972) in the Irkutsk Society of Young Artists of the Early XX Century’, *Vestnik magistratury* [Bulletin of the Magistracy], no. 10-3 (97): 28—31.
- Tkachev, V. V. (2021), ‘Artistic intelligentsia in the socio-cultural life of Baikal Siberia at the beginning of the XX century (based on periodicals)’, *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 2: 88—100.

Статья поступила в редакцию 10.01.2025; одобрена после рецензирования 24.02.2025; принята к публикации 26.02.2025.

The article was submitted 10.01.2025; approved after reviewing 24.02.2025; accepted for publication 26.02.2025.

Информация об авторе / Information about the author

B. V. Tkachev — исследователь, преподаватель-исследователь, педагог-организатор отдела краеведения и музейной работы, Центр развития дополнительного образования детей; руководитель, Научно-исследовательский центр «Иркутская историческая школа интеллигентоведения», Иркутск, Россия.

V. V. Tkachev — Researcher, Teacher-researcher, Teacher-organizer of the department of local history and museum work, Center for the Development of Additional Education for Children, head of the Research Center “Irkutsk Historical School of Intellectual Studies”, Irkutsk, Russia.

Интеллигенция и мир. 2025. № 3. С. 146—156.

Intelligentsia and the World. 2025. No. 3. P. 146—156.

Научная статья

УДК 930.1

EDN <https://elibrary.ru/wcxifb>

DOI: 10.46725/IW.2025.3.8

Научная специальность ВАК

5.6.1. Отечественная история

5.6.2. Всеобщая история

5.10.1. Теория и история культуры, искусства

ЛЕВ КОПЕЛЕВ И ДИАЛОГ КУЛЬТУР

Борис Львович Хавкин

Российский государственный гуманитарный университет,

Москва, Россия, novistor@mail.ru, SPIN-код: 6830-2158,

<https://orcid.org/0000-0002-4419-3639>

Аннотация. Российское интеллигентоведение находится в долгу перед культурологом, историком, писателем, переводчиком немецкой литературы Львом Зиновьевичем Копелевым (1912—1997). В течение многих лет Лев Копелев настойчиво и убедительно выступал за поиск исторического взаимопонимания между русскими и немцами — российско-германский диалог культур. Несмотря на публикацию в России исторических источников по проблеме российско-германского диалога культур, в частности материалов Вуппертальского проекта, и издание работ Копелева, его роль в установлении и развитии диалога между Россией и Германией по актуальным вопросам истории и современности всё еще нуждается в дальнейшем изучении. Привлечению внимания к этой проблеме посвящена наша статья.

Ключевые слова: Л. З. Копелев, российско-германские отношения, Вуппертальский проект, диалог культур

Для цитирования: Хавкин Б. Л. Лев Копелев и диалог культур // Интеллигенция и мир. 2025. № 3. С. 146—156.

LEV KOPELEV AND THE DIALOGUE OF CULTURES

Boris L. Khavkin

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
novistor@mail.ru, SPIN: 6830-2158, <https://orcid.org/0000-0002-4419-3639>

Abstract. Russian intellectual studies are indebted to the cultural critic, historian, writer, and translator of German literature Lev Zinovievich Kopelev (1912—1997). For many years Lev Kopelev persistently and convincingly advocated the search for historical understanding between Russians and Germans — the Russian-German dialogue of cultures. Despite the publication in Russia of historical sources on the problem of the Russian-German dialogue of cultures, in particular, the materials of the Wuppertal project, and the publication of Kopelev's works, his role in establishing and developing a dialogue between Russia and Germany on topical issues of history and modernity still needs further investigation. Our article is devoted to drawing attention to this problem.

Keywords: L. Z. Kopelev, Russian-German relations, Wuppertal project, dialogue of cultures

For citation: Khavkin B. L. (2025), ‘Lev Kopelev and the Dialogue of Cultures’, *Intelligentsia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 3: 146—156 (in Russ.).

Имя Льва Зиновьевича Копелева — выдающегося германиста, литературоведа, историка, переводчика, ветерана Великой Отечественной войны, узника ГУЛАГа, политического изгнанника — относительно недавно было возвращено российской общественности.

Л. З. Копелев в 1938 году окончил Московский институт философии, литературы и истории, в 1941 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Драматургия Шиллера и проблемы революции». С началом Великой Отечественной войны добровольцем ушел на фронт. Майор Копелев служил старшим инструктором 7-го отдела Политуправления 2-го Белорусского фронта. Он участвовал в пропагандистской работе по разложению войск противника, писал антифашистские листовки, выступал на линии фронта с радиообращениями к немецким солдатам. Весной 1945 г. Копелев убедил гарнизон немецкой крепости Грауденц в необходимости сдачи в плен.

5 апреля 1945 г. Копелев был арестован за «сочувствие к противнику». Освобожден 4 января 1947 г. 17 марта 1947 г. снова арестован и 4 мая 1947 г. осужден по прежнему обвинению; приговорен

сначала к трем, а затем к 10 годам заключения (в дальнейшем срок сокращен до 6 лет). В «шарашке» Марфино Л. З. Копелев сидел вместе с А. И. Солженицыным, став прототипом Льва Григорьевича Рубина в романе «В круге первом». 7 декабря 1954 г. Копелев был освобожден, в 1956 г. реабилитирован с восстановлением в коммунистической партии. Вскоре был принят в Союз писателей СССР (1959).

В 1950-е — 1970-е гг. Копелев активно занимался научно-исследовательской и переводческой работой, читал лекции по немецкой литературе. Он помогал А. И. Солженицыну в подготовке публикации повести «Один день Ивана Денисовича» и выступал в защиту диссидентов.

В 1960 г. вышла в свет книга Копелева «Сердце всегда слева». Затем были написаны книги «И сотворил себе кумира» (1978), «Хранить вечно» (1975; в СССР опубликована в 1990), «Утоли моя печали» (1981). В 1968 г. Копелев был уволен из Московского института истории искусств и исключен из КПСС за статью «Возможна ли реабилитация Сталина», вышедшую в свет в венском коммунистическом журнале «*Tagebuch*». С 1971 г. Копелев регулярно публиковался на Западе. В 1977 г. он был исключен из Союза писателей СССР.

В 1980 г. Копелев с женой Раисой Орловой по приглашению писателя Генриха Бёлля выехал на год в ФРГ для работы в архивах и чтения лекций. Через два месяца после прибытия в Западную Германию Копелев и его жена были лишены гражданства СССР (советское гражданство им вернуло в 1990 г. М. С. Горбачев). С 1981 г. Копелев — профессор-исследователь при Бергском университете г. Вуппертала; инициатор и руководитель «Вуппертальского проекта» — истории взаимного узнавания русских и немцев от Средневековья до XX в.

В 2002 г. в России вышел в свет труд «Лев Копелев и его Вуппертальский проект» [Копелев, 2002]. Книга представляет собой первую попытку изложить основные факты биографии выдающегося гуманиста и мыслителя XX века, дать представление об итоговом труде его жизни — многотомном издании «Западно-восточные отражения» и концепции диалога культур.

Диалог культур — это процесс взаимодействия, взаимовлияния, взаимопроникновения культур разных стран и народов, формирование

общего культурного пространства и общечеловеческих духовных ценностей. Русский философ М. М. Бахтин писал: «Чужая культура только в глазах другой культуры раскрывает себя полней и глубже (но не во всей полноте, потому что придут и другие культуры, которые увидят и поймут еще больше). Один смысл раскрывает себя, встретившись и соприкоснувшись с другим, чужим смыслом: между ними начинается как бы диалог, который преодолевает замкнутость и односторонность этих смыслов, этих культур. Мы ставим чужой культуре новые вопросы, каких она сама себе не ставила; мы ищем в ней ответы на наши вопросы, и чужая культура отвечает нам, открывая перед нами новые свои стороны, новые смысловые глубины» [Бахтин, 1979: 334—335]. В этом состоит ключевое понятие диалога культур. Для Бахтина диалог всеобъемлющ: «Где начинается сознание, там начинается диалог» [Там же: 183].

Копелев в своем понимании диалога культур развивал концепцию великого немецкого поэта Иоганна Вольфганга Гёте: «Нужно узнавать особенности каждой нации, чтобы примириться с ними, вернее, чтобы именно на этой почве с нею общаться; ибо отличительные свойства нации подобны ее языку и монетам, они облегчают общение, более того, — они только и делают его возможным. Поистине, всеобщая терпимость будет достигнута лишь тогда, когда мы дадим возможность каждому отдельному человеку или целому народу сохранить свои особенности с тем, однако, чтобы он помнил, что отличительной чертой истинных достоинств является их причастность всечеловеческому». Слова Гёте: «Не может быть и речи о том, чтобы нации думали согласно, но они должны узнать друг друга, понять друг друга, и если они не могут любить, то хотя бы научиться терпеть друг друга», — стали девизом жизни и деятельности Копелева [Гутнин, 1994: 9].

Копелев считал, что единственным условием сохранения жизни на планете является единство науки, политики, экономики и морали [Копелев, 2002: 212]. Для этого необходимо искоренение «образа врага» по отношению к другим народам. Копелев отмечал невозможность обобщающих суждений о народах и нациях, которые унаследованы или возникли в экстремальных исторических ситуациях. Ключом к преодолению вражды является возврат человеческого лица каждому народу, изучение его культуры, уважение

к ней и ее наследию. Советский поэт Е. А. Евтушенко писал: «Сам Копелев понимал себя как посредника между культурами в Германии и России, и именно в этом качестве он прочно запечатлелся в памяти многих людей» [Евтушенко, 2004: 470].

Воплощением русско-немецкого диалога культур стала дружба Льва Копелева и немецкого писателя Генриха Бёлля. Их беседы на телевидении [Böll, Kopelew, 1981] и многолетняя переписка [Бёлль, Копелев, 2017] стали знаком взаимопонимания и взаимообогащения русской и немецкой культур и проложили путь к взаимному примирению наших народов [Хавкин, 2017: 240]. Копелев писал: «Войны сегодня еще больше, чем раньше, начинаются государствами, а доставляют страдания народам. Единственное, что мы можем сделать против этого, — рассказывать правду о том, что было, и о том, что есть, чтобы люди лучше узнали друг друга... Необходимо сделать всё, чтобы не возникла психология войны. Думать об общем, об общих жертвах, об общем страдании. И это должно нас объединять, а не разделять» [Бёлль, Копелев, 2016: 144—145]. Копелев был уверен, что у русских и немцев гораздо больше причин для дружбы, чем для вражды, и что рвы, оставленные двумя мировыми войнами, можно преодолеть, к чему он и приложил немало усилий. Под его руководством немецкими и русскими учеными был создан фундаментальный многотомный труд «Восточно-европейские отражения» («Вуппертальский проект»), раскрывающий историю взаимоотношений России и Германии с глубокой древности до конца XX в.

В 1981 г. Лев Копелев, живший в Кельне на правах вынужденного эмигранта из СССР, выступил с почином, который не имел себе равных в мировой гуманитарной науке: он предложил создать многотомный труд, отразивший не только развитие российско-германских межгосударственных отношений, но — прежде всего — отношений наших народов друг к другу на протяжении IX—XX столетий. Сам замысел был грандиозным и дерзким. В нем счастливым образом соединились русские размах и всемирная отзывчивость, немецкие исполнительность и аккуратность.

В течение нескольких месяцев план, получивший название Вуппертальского проекта, обсуждался в официальных инстанциях ФРГ. Весной 1982 г. была утверждена его концепция и открыты пути финансирования. Организационной базой проекта стал незадолго

до этого основанный Вуппертальский университет, профессором которого был избран Копелев. Официальное наименование труда (входящее к терминологии Гёте) было определено следующим образом: «Западно-восточные отражения» — а его корпус разделен на две серии: «Россия и русские глазами немцев» и «Германия и немцы глазами русских» [Spiegelungen, 1985—1998]. Уже в самой идее Вуппертальского проекта была заложена идея «диалога культур»: диалога между Россией и Германией, диалога внутри русской культуры, диалога внутри немецкой культуры.

Копелеву удалось сформировать коллектив талантливых и эрудированных единомышленников (Д. Херрман, К.-Х. Корн, М. Келлер, М. Классен, Г. Кёнен) и сделать в относительно короткий срок то, что было бы в иных условиях под силу научному институту с-solidным штатом сотрудников. Началась интенсивная работа по осуществлению замысла «Западно-восточных отражений». В 1985 г. вышел первый том серии «Немцы о русских», в 1988 г. — первый том серии «Русские о немцах». Всего при жизни Копелева было выпущено или подготовлено к печати в свет десять томов первой и второй серий, охватывающих период от эпохи Киевской и Новгородской Руси до первых десятилетий XX века. Эти результаты позволяют оценить Вуппертальский проект как одно из важнейших научных достижений XX века в гуманитарной сфере.

Принципиальная новизна проекта — в его синтетической природе: в его реализации участвуют историки, переводчики, культурологи, философы, литературоведы. Исследовательские методы, выбранные авторами «Западно-восточных отражений», отвечают потребностям современного теоретического знания. Речь идет, прежде всего, о компаративном изучении прошлого, об антропологическом измерении истории, о соотношении локальной и универсальной истории.

В центре внимания Копелева не только позитивные примеры российско-германских культурных коммуникаций, но и анализ коллективных представлений, приведших (в обеих странах) к формированию устойчивых «образов врага». Свою главную задачу Копелев и его сотрудники видели именно в преодолении вражды между народами. «Наша задача скромна, — писал Копелев. — Мы хотим познавать и познанное излагать объективно; объяснить для того, чтобы способствовать просвещению: пробудить

взаимопонимание между людьми и между народами... Разумеется, мы не питаем никаких иллюзий относительно возможности непосредственного влияния в обозримом будущем на распространенные представления о чужих. Однако мы надеемся, что и в Германии, и в России люди начнут, наконец, извлекать уроки из собственной истории. Они должны это сделать, чтобы история человечества не завершилась глобальным саморазрушением» [Копелев, 2002: 116]. Копелев прекрасно понимал, сколь трудны пути, ведущие к сотрудничеству, взаимообучению и взаимопониманию народов, особенно в современных условиях, когда ксенофобия «угрожает существованию целых наций и всего человечества» [Там же: 114]. Руководитель многотомного коллективного труда был твердо убежден в том, что дух дружественных отношений между Россией и Германией «мог бы действительно оздоровить мир» [Там же: 168].

Среди опубликованных в книге статей Копелева хотелось бы отметить текст о контактах Германии и России в эпоху Просвещения. Дар автора как историка и культуролога раскрылся в предлагаемых читателю живых образах поэта Пауля Флеминга, посетившего Россию в XVII веке, ученого-энциклопедиста Готфрида Вильгельма Лейбница, разработавшего по просьбе Петра I проект развития науки и образования в России.

Дарование Копелева как политического публициста ярко проявилось в его диалоге с писателем и историком Г. Кёненом (Франкфурт-на-Майне), по-своему продолжающем тематику бесед Льва Копелева с Генрихом Бёллем [Böll, Kopelew: 1981]. Копелев подвергает резкой критике и достаточно широко распространенную в кругах западной интеллигенции 1920-х гг. ложную идеализацию Советской России, и ставшую модной в последние годы интерпретацию нашей страны как «империи зла». Речь в беседе идет — согласно тематике тома (последнего подготовленного к печати при жизни Копелева) — о воздействии русской революции на Германию и германскую культуру, но собеседники, далеко выходя за эти рамки, ведут заинтересованный разговор о сегодняшних судьбах России и Германии, о сходных задачах народов обеих стран по преодолению «образов врага», по извлечению уроков из тоталитарного прошлого. Собеседники вносят, таким образом, свой вклад в неоконченный «спор историков» о природе тоталитарных режимов.

История XX века заканчивается, по определению Копелева, «не гармоническим финальным аккордом, а многими вопросительными знаками». Как случилось, — вопрошаet автор, — что именно в Германии и в России «выросли из совсем разных исторических корней и во многом противоположных социальных конstellаций тоталитарные режимы, которые при всех различиях во многом родственны по идеологически и прагматически мотивированной безоглядной бесчеловечности во внешней и внутренней политике, особенно же в борьбе против истинных и мнимых противников?» [Копелев, 2002: 197—198].

Принципиально важен вывод Копелева о том, что с «образом врага» можно покончить прежде всего средствами культурного общения: недружелюбие, противоборство русских и немцев «остаются в своем хронотопе, в своем разделе истории, ограниченном временем и пространством», но «духовные связи... остаются, напротив, непреходящими» [Там же: 185]. Копелев четко выступает против одностороннего выпячивания позитивных аспектов связей двух государств (немцы образно говорят в таких случаях о «шоколадной стороне» явлений), говоря: оба народа «должны посмотреть назад, на Сталинград и многие страшные события 1941—1945 гг., на Аушвиц и Бабий Яр, на преступления СС и вермахта в оккупированных областях» [Там же: 186]. Россия, писал Копелев, «нуждается не в подачках, а в сотрудничестве во всех областях. И это нужно не только России, это нужно и Германии, и всей Европе» [Там же: 187].

Существенно важно, что и общая подготовка русского издания, и основательный биографический очерк о Копелеве, и перевод ряда его статей принадлежали старейшине российских германистов, председателю Центра германских исторических исследований Я. С. Драбкину, дружившему с Л. З. Копелевым более полувека, — с первых недель Великой Отечественной войны [Драбкин, 1997: 6]. В книге предпринята попытка «осмыслить масштаб вклада Копелева в сокровищницу мировой культуры, а — самое важное — сохранить и в меру возможности продолжить хотя бы некоторые из главных дел его бурной жизни, оставшихся незавершенными» [Копелев, 2002: 33—34].

Налицо парадокс: идеи Вуппертальского проекта, замыслы, рожденные в недрах российской культуры и отражающие коренные тенденции ее развития, приходят к нам из-за рубежа, а тексты

российского ученого публикуются в переводах с немецкого. Но это — парадокс «холодной войны» и ее трагических последствий, печальный результат политического курса советского руководства, буквально выдавившего из нашей страны Льва Копелева и других талантливых людей.

Копелев отмечает, что Вуппертальский проект, являясь началом глубокого исследования российско-германских культурных взаимосвязей, конечно же, «оставляет открытыми многие вопросы, на которые наши предшественники давали очень спорные, различные и противоречивые ответы» [Там же: 197]. Внутренне противоречивая история германско-российских взаимосвязей, заключает Копелев, содержит «такие предостережения и импульсы, как никакая другая» [Там же: 212]. Копелев сделал для примирения народов России и Германии больше, чем многие государственные и общественные деятели и организации. Изучение собранного Копелевым богатейшего опыта развития российско-германских отношений особенно актуально в настоящее время, когда эти отношения переживают глубокий кризис.

Список источников

- Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 423 с.
- Бёлль Г., Копелев Л. Почему мы стреляли друг в друга? СПб.: Владимир Даль, 2016. 415 с.
- Генрих Бёлль, Лев Копелев. Переписка. 1962—1972. М.: libra, 2017. 380 с.
- Гугнин А. А. Вуппертальский проект «Германия и немцы глазами русских» и его историко-культурное значение // Немцы в России: Историко-культурные аспекты: сб. ст. М.: Ин-т науч. информ. по обществ. наукам РАН, 1994. С. 6—22. (Серия «Теория и история культуры»).
- Драбкин Я. С. Памяти Льва Копелева // Новая и новейшая история. 1997. № 6. С. 113—121.
- Евтушенко Е. А. Последний идеалист // Л. З. Копелев. Поэт с берегов Рейна. Жизнь и страдания Генриха Гейне. М.: Прогресс-Плеяда, 2004. С. 469—471.
- Лев Копелев и его Вуппертальский проект / под ред. Я. С. Драбкина. М.: Памятники исторической мысли, 2002, 224 с.
- Хавкин Б. Л. Рец.: Г. Бёлль, Л. Копелев. Почему мы стреляли друг в друга? СПб.: Владимир Даль, 2016, 415 с. // Новая и новейшая история. 2017. № 1. С. 240—242.
- Böll H., Kopelew L. Mit Beitr. K. Bednarz. Warum haben wir aufeinander geschossen? Bornheim-Merten: Lamuv-Verlag, 1981. 222 S.

West-Östliche Spiegelungen: Russen und Russland aus deutscher Sicht und Deutsche und Deutschland aus russischer Sicht von den Anfängen bis zum 20. Jahrhundert / Hrsg. von L. Kopelew. Reihe A: Russen und Russland aus deutscher Sicht; Reihe B.: Deutsche und Deutschland aus russischer Sicht. München: Wilhelm Fink Verlag, 1985—1998.

References

- Bakhtin, M. M. (1979), *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of Verbal Creativity], Iskusstvo, Moscow, Russia.
- Böll, G. and Kopelew, L. (2016), *Pochemu my streliali drug v druga?* [Why Did We Shoot at Each Other], Vladimir Dal', St. Petersburg, Russia.
- Böll, H. and Kopelew, L. mit Beitr. Bednarz, K. (1981). Warum haben wir aufeinander geschossen?, Lamuv-Verlag, Bornheim-Merten, Germany.
- Drabkin, Ya. S. (1997), ‘In Memory of Lev Kopelev’, *Novaia i noveishaiia istoriia* [Modern and Contemporary History], no. 6: 113—121.
- Drabkin, Ya. S. (2002) (ed.), *Lev Kopelev i ego Wuppertal'skii proekt* [Lev Kopelew and His Wuppertal Project], Pamiatniki istoricheskoi mysli, Moscow, Russia.
- Gugnin, A. A. (1994), ‘Wuppertal Project “Germany and the Germans through the Eyes of Russians” and its Historical and Cultural Significance’, in *Nemtsy v Rossii: Istoriko-kul'turnye aspekty: sornik statei* [Germans in Russia: Historical and Cultural Aspects: Collection of Articles], Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia: 6—22 (Series “Theory and History of Culture”).
- Heinrich Böll and Lev Kopelev (2017), *Perepiska. 1962—1972* [Correspondence. 1962—1972], libra, Moscow, Russia.
- Yevtushenko, E. A. (2004), ‘The Last Idealist’, in Kopelew, L. Z. *Poets beregov Reina. Zhizn' i stradaniia Genrikha Geine* [A Poet from the Banks of the Rhine. The Life and Sufferings of Heinrich Heine], Progress-Pleiada, Moscow, Russia: 469—471.
- Khavkin, B. L. (2017), ‘Review: G. Bell', L. Kopelev. *Pochemu my streliali drug v druga?* SPb.: Vladimir Dal', 2016, 415 s. [G. Böll, L. Kopelew. Why Did We Shoot at Each Other? St. Petersburg: Vladimir Dal, 2016, 415 p.], *Novaia i noveishaiia istoriia* [Modern and Contemporary History], no. 1: 240—242.
- Kopelew, L. (1985—1998) (ed.), West-Östliche Spiegelungen: Russen und Russland aus deutscher Sicht und Deutsche und Deutschland aus russischer Sicht von den Anfängen bis zum 20. Jahrhundert. Reihe A: Russen und Russland aus deutscher Sicht; Reihe B.: Deutsche und Deutschland aus russischer Sicht. Wilhelm Fink Verlag, München, Germany.

Статья поступила в редакцию 03.02.2025; одобрена после рецензирования 24.02.2025; принята к публикации 26.02.2025.

The article was submitted 03.02.2025; approved after reviewing 24.02.2025; accepted for publication 26.02.2025.

Информация об авторе / Information about the author

Б. Л. Хавкин — доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики, факультет международных отношений, Институт международных отношений и политических наук, Российский государственный гуманитарный университет. Москва, Россия.

B. L. Khavkin — Doctor of Sciences (History), Professor of the Department of Foreign Regional Studies and Foreign Policy, Faculty of International Relations, Institute of International Relations and Political Science, Russian State University for the Humanities. Moscow, Russia.

Интеллигенция и мир. 2025. № 3. С. 157—161.

Intelligentsia and the World. 2025. No. 3. P. 157—161.

Научная статья

УДК [130.2:82](470)

EDN <https://elibrary.ru/zvdncu>

DOI: 10.46725/IW.2025.3.9

Научная специальность ВАК

5.9.2. Литературы народов мира

5.6.1. Отечественная история

5.6.2. Всеобщая история

РУССКИЕ ИНТЕЛЛИГЕНТЫ И ИХ ИСКАНИЯ: ВЗГЛЯД СЕРБСКОГО ИНТЕЛЛЕКТУАЛА

Сергей Михайлович Усманов

Ивановский государственный университет, Иваново, Россия,

orvozi@rambler.ru, SPIN-код: 6927-5829,

<https://orcid.org: 0009-0008-9970-9584>

Аннотация. Автор представляет читателям журнала три эссе о русских интеллигентах известного сербского русиста Зорислава Паунковича, члена Международной редакционной коллегии журнала «Интеллигенция и мир», главного редактора белградского журнала «Руски алманах». Для публикации выбраны тексты Зорислава Паунковича о Константине Леонтьеве, Александре Грине и Сергее Дурылине. Первоначально опубликованные в ведущей сербской газете «Политика», эти эссе публикуются теперь в русском переводе с изменениями, в авторской редакции. Подчеркнуто, что ученый из Сербии очень сжато, точно, оригинально и компетентно выразил свой взгляд на столь разных и непохожих друг на друга русских интеллигентов, прежде всего через анализ их литературного наследия. Наряду с уже опубликованной ранее журналом «Интеллигенция и мир» статьей Зорислава Паунковича о Гайто Газданове предлагаемые эссе сербского интеллектуала помогут и российскому читателю открыть для себя нечто новое о русской интеллигенции.

Ключевые слова: Русские интеллигенты, Константин Леонтьев, Александр Грин, Сергей Дурылин, Зорислав Паункович

Для цитирования: Усманов С. М. Русские интеллигенты и их исследования: взгляд сербского интеллектуала // Интеллигенция и мир. 2025. № 3. С. 157—161

Статья подготовлена в рамках технического задания на выполнение научно-исследовательской работы по заказу Ивановского государственного университета № 2025 —03 «Интеллигенция и интеллектуалы, многообразие современного мира и будущее России».

Original article

MEMBERS OF RUSSIAN INTELLIGENTSIA AND THEIR SEARCHES: A VIEW FROM A SERBIAN INTELLECTUAL

Sergey M. Usmanov

Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, orvozi@rambler.ru,
SPIN: 6927-5829, <https://orcid.org/0009-0008-9970-9584>

Abstract. The author presents to the readers of the journal three essays about Russian intellectuals by Zorislav Paunkovich, a well-known Serbian Russianist and member of the International Editorial Board of the journal “Intelligentsia and the World”, as well as the editor-in-chief of the Belgrade journal “Russki Almanakh”. Zorislav Paunkovich's texts about Konstantin Leontiev, Alexander Grin, and Sergey Durylin have been selected for publication. Originally published in the leading Serbian newspaper Politika, these essays are now being presented in Russian translation, with some modifications made by the author. It is emphasized that the Serbian scholar expressed his view on the diverse and dissimilar Russian intellectuals in a very concise, accurate, original, and competent manner, primarily through an analysis of their literary heritage. Along with the article by Zorislav Paunkovich about Gaito Gazdanov, which was previously published in the magazine “Intelligentsia and the World”, the proposed essays by the Serbian intellectual will also help the Russian reader discover something new about the Russian intelligentsia.

Keywords: members of Russian intelligentsia, Konstantin Leontiev, Alexander Grin, Sergei Durylin, Zorislav Paunkovich

For citation: Usmanov S. M. (2025), ‘Members of Russian intelligentsia and their searches: a view from a Serbian intellectual’, *Intelligentsia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 3: 157—161 (in Russ.).

The article was prepared within the framework of the technical assignment for the implementation of research work commissioned by Ivanovo State University No. 2025 — 03 “Intelligentsia and intellectuals, the diversity of the modern world and the future of Russia”

Зорислав Паункович — известный сербский русист. Он уже много лет является главным редактором белградского журнала «Руски алманах», целиком посвященного русской литературе, по сути же — всей русской культуре. Как отмечает сам Зорислав Паункович, свой журнал сербские русисты изначально выпускают собственными силами без всякой поддержки российских структур (цит. по: [Чанцев, 2018]). Такое отсутствие поддержки из России вызывает у нас глубокое сожаление, поскольку хорошо известно, сколько российских политических и финансовых ресурсов было истрачено и продолжает расходоваться на бесполезные и прямо вредные для России проекты.

Зато мы с большим удовлетворением отмечаем наше плодотворное сотрудничество с уважаемым сербским коллегой, который является членом Международной редакционной коллегии журнала «Интеллигенция и мир». Мало того, мы уже публиковали в нашем журнале содержательную статью Зорислава Паунковича о творчестве очень своеобразного писателя Русского Зарубежья Гайто Газданова [Паункович, 2023].

Теперь же мы бы хотели познакомить наших читателей с несколькими эссе сербского исследователя о русских интеллигентах. Собственно, Зорислав Паункович выпустил в Сербии уже две книги о русской культуре. Первая из них называется «Русские темы» (2010, второе издание — 2015 гг.). В ней собраны статьи, напечатанные автором в ведущей сербской газете «Политика». Вторая — «Разговоры с русскими писателями» — вышла в 2016 году. В ней опубликованы беседы Зорислава Паунковича с Василием Беловым, Владимиром Войновичем, Владимиром Глоцером, Александром Ароновым, Ксенией Драгунской, другими российскими литераторами и деятелями культуры. Здесь мы публикуем русские переводы только трех эссе из первой книги в несколько измененном виде в авторской редакции.

Чем обусловлен наш выбор текстов сербского русиста о Константине Леонтьеве, Александре Грине и Сергее Дурылине? Прежде всего, тематикой нашего журнала. Ведь все три российских писателя и общественных деятеля были настоящими интеллигентами (даже Константин Леонтьев — при его критическом отношении к русской интеллигенции своего времени). Кроме того, все они личности очень яркие, сложные, оставившие значительное

наследие. И еще — довольно мало известные российскому читателю нашего времени. Это целиком и полностью относится к Сергею Дурылину. Во многом — и к Константину Леонтьеву. О нем многие слышали, но мало кто действительно знаком с его творчеством. Наконец, и знаменитый писатель Александр Грин в современной России всё меньше упоминается, а потому читатель нашего журнала из краткого эссе о нем, несомненно, вынесет для себя нечто новое.

Стоит обратить внимание и на качество текстов Зорислава Паунковича. Они очень насыщенные: видно, что пишет настоящий профессионал своего дела. Автор акцентирует внимание на самом главном и существенном. Можно сказать, что ученый из Сербии очень сжато, точно, оригинально и компетентно выразил свой взгляд на столь разных и непохожих друг на друга русских интеллигентов, прежде всего посредством анализа их литературного наследия. И вместе с тем это тексты очень авторские. В них хорошо видна позиция сербского исследователя. Например, в эссе о Константине Леонтьеве Зорислав Паункович подчеркивает эстетизм русского мыслителя. Так делали и другие интерпретаторы наследия Леонтьева, подчас утрируя его якобы аморализм и нигилизм. Сербский ученый такую тенденцию не поддерживает, отмечая и христианскую основу мировоззрения Леонтьева.

Так что исследовательские труды Зорислава Паунковича во многом созвучны научным изысканиям российских интеллигентоведов, а потому предлагаемые эссе сербского интеллектуала помогут и российскому читателю открыть для себя нечто новое о русской интеллигенции. В своем интервью 2018 г. сербский ученый деликатно отмечал: «Я не говорю, что русские и сербы не могли бы знать друг друга лучше». Мы же можем утверждать с большей определенностью о том, что в России плохо знают Сербию, ее историю и культуру. Так вот,уважаемые читатели, давайте внимательно прочитаем эти эссе талантливого сербского ученого.

Список источников

- Паункович З. Творчество Гайто Газданова в интерпретации Льва Захарова // Интеллигенция и мир. 2023. № 3. С. 33—44.
- Чанцев А. Зорислав Паункович: Я не говорю, что русские и сербы не могли бы знать друг друга лучше (интервью) // Перемены: толстый веб-журнал. 2018. 20 нояб. URL: <https://www.peremeny.ru/blog/22829> (дата обращения: 31.01.2024).

References

- Chancev, A. (2018), ‘Zorislav Paunkovic: I am not saying that Russians and Serbs could not know each other better (interview)’, *Peremeny: tolstyi veb-zhurnal* [Changes: thick web journal], 20 November, available at: <https://www.peremeny.ru/blog/22829> (Accessed 31 January 2024).
- Paunkovich, Z. (2023), ‘Creativity of Gaito Gazdanov in the interpretation by Lev Zakharov’, *Intelligentsia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 3: 33—44, doi: 10.46725/IW.2023.3.2.

Статья поступила в редакцию 13.01.2025; одобрена после рецензирования 27.01.2025; принята к публикации 30.01.2025.

The article was submitted 13.01.2025; approved after reviewing 27.01.2025; accepted for publication 30.01.2025.

Информация об авторе / Information about the author

C. M. Усманов — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, Иваново, Россия.

S. M. Usmanov — Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Professor of the Department of General History and International Relations, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia.

Интеллигенция и мир. 2025. № 3. С. 162—171.

Intelligentsia and the World. 2025. No. 3. P. 162—171.

Эссе

УДК [130.2:82](470)

EDN <https://elibrary.ru/ypftza>

DOI: 10.46725/IW.2025.3.10

Научная специальность ВАК

5.9.1. Русская литература и

литературы народов Российской Федерации

5.6.1. Отечественная история

ТРИ ЭССЕ О РУССКИХ ИНТЕЛЛИГЕНТАХ (КОНСТАНТИН ЛЕОНТЬЕВ, АЛЕКСАНДР ГРИН, СЕРГЕЙ ДУРЫЛИН)

Зорислав Паункович

журнал «Русский альманах», Белград, Сербия, zorislavp@gmail.com

Аннотация. Автор предлагает читателям три эссе о русских интеллигентах: Константине Леонтьеве, Александре Грине и Сергеем Дурылине. При всех различиях между ними все они — яркие и оригинальные личности. Их творческий профиль представлен главным образом их литературным наследием.

Ключевые слова: русская интеллигенция, Константин Леонтьев, Александр Грин, Сергей Дурылин

Для цитирования: Паункович З. Три эссе о русских интеллигентах (Константин Леонтьев, Александр Грин, Сергей Дурылин) // Интеллигенция и мир. 2025. № 3. С. 162—171.

Essay

THREE ESSAYS ON MEMBERS OF RUSSIAN INTELLIGENTSIA (KONSTANTIN LEONTIEV, ALEXANDER GREEN, SERGEI DURYLIN)

Zorislav Paunkovich

magazine “Russian almanac”, Belgrade, Serbia, zorislavp@gmail.com

Abstract. The author offers the readers three essays about Russian intellectuals: Konstantin Leontiev, Alexander Grin and Sergei Durylin. Despite

their differences, they are all vivid and original personalities. Their creative profiles are primarily represented by their literary legacy.

Keywords: Russian intelligentsia, Konstantin Leontiev, Alexander Green, Sergey Durylin

For citation: Paunkovich, Z. (2025), ‘Three essays on members of Russian intelligentsia (Konstantin Leontiev, Alexander Green, Sergey Durylin)’, *Intelligentsia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 3: 162—171 (in Russ.).

Жизнь по мере красоты

Константин Леонтьев (1831—1891) был одним из самых издаваемых авторов русской литературы 1990-х годов, и в книге «Моя литературная судьба» впервые были собраны все его ранее опубликованные автобиографические произведения. Имеются также работы, опубликованные более ста лет назад в девятом томе его Собрания сочинений, а также значимые тексты, опубликованные позже, и те, которые не переиздавались. Представлены завершенные и незаконченные произведения, а также различные литературные жанры, в которых присутствует автобиографический элемент. Однако автобиографический фон присутствует во всем творчестве К. Леонтьева, в том числе в его художественных произведениях, и особенно в его переписке, которая не вся могла быть включена в данное издание (и не вся была собрана и опубликована). Наконец, среди его неопубликованных произведений, хранящихся в архивах, есть и автобиографические — эта обширная и хорошо составленная книга, таким образом, не содержит всех автобиографических пластов.

Константин Леонтьев — крупнейшая фигура русской классической литературы XIX века. Он был многогранной личностью (врач, писатель, критик, теоретик литературы, публицист, философ, политолог, теолог, дипломат и, наконец, монах) и оставил свой след в различных гуманитарных дисциплинах. Будучи философом консервативных взглядов, он, как отмечал хорошо знавший его Сергей Николаевич Трубецкой, был «заслуженно неизвестен» при жизни. Поскольку К. Леонтьева воспринимали как противоречивую личность, то его репутация постоянно подвергается переоценке и, вероятно, окончательно сформируется в будущем, хотя и сегодня она по-прежнему высока.

Этот «русский Ницше» (Н. А. Бердяев), сделавший красоту и эстетику основой всех своих размышлений, родился в не особенно богатой дворянской семье с большим количеством детей. Леонтьев получил медицинское образование и участвовал в Крымской войне в качестве врача. Пытался сделать литературную карьеру, но больший успех имели его критические, философские и политические труды. Леонтьев провел десять лет на успешной дипломатической службе, прослужив, в силу своих предпочтений, на Ближнем Востоке, в том числе в Греции, Турции и в Белграде. Пребывание в этом регионе оказало большое влияние на его теоретические построения и эстетические взгляды. В моменты душевного кризиса и болезни на Афоне он дал обет стать монахом, что и сделал гораздо позже, перед своей смертью.

Творчество Константина Леонтьева, как и его личность, ломает стереотипы, кажется парадоксальным и многое предвосхищает. Но всё оно основано на критерии красоты. Концепция исторического процесса в Византии и славянстве (*первоначальная простота — цветущая сложность — вторичное упрощение*), агитация за неравенство, за Византию, за Россию, против прогресса, против панславизма — всё это имеет в своей основе идею красоты, которую он в конечном итоге хочет примирить с христианством. Как критик, Леонтьев первым подчеркнул величие романов Льва Толстого, причем для того времени (когда господствовала идеологическая критика) использовал необычный литературно-теоретический аппарат, что делает его предшественником русской формалистической школы в литературоведении.

Автобиографические произведения охватывают различные периоды его жизни и творчества не систематически (Леонтьев часто касается одних и тех же событий в нескольких местах и освещает их с разных сторон). Как правило, они написаны превосходно, открыты и непосредственны, заставляя нас понять мнение исследователя С. Г. Бочарова о том, что «в мемуарной и эпистолярной прозе литературный дар Леонтьева выразился наиболее свободно и лучше всего». Это, прежде всего, единственная автобиография «Моя литературная судьба» и неоконченная работа «Мои дела с Тургеневым», посвященные его литературной деятельности и содержащие, например, сведения о том, что И. С. Тургенев ждал от начинающего Константина Леонтьева и Льва Толстого

обновления русской литературы. Его экзистенциальный кризис и жизнь на Святой Горе описаны в книге «Мое обращение и жизнь на Святой Афонской Горе». О своем детстве, семье (происхождении) и юности он рассказывает и в других местах, например, в своих литературных мемуарах, а также в «Рассказе смоленского дьякона о нашествии 1812 года» и «Рассказе моей матери об Императрице Марии Федоровне». О его преподавателях и медицинских исследованиях — «Воспоминания об Ф. И. Иноземцове и других московских докторах 50-х годов». О Крымской войне мы узнаем из писем к его матери и из его очерка «Сдача Керчи в 55 году». Особое место занимает цикл дипломатических мемуаров («Из воспоминаний консула»), посвященный людям, местам и событиям, а также классический текст воспоминаний об Аполлоне Григорьеве. В книгу также вошли критические работы, дополняющие основные тексты, а также специальная книга «Отшельничество, монастырь и мир», представляющая собой характерную иллюстрацию с воспоминаниями о жизни на Афоне.

Нам кажется, что помимо эстетического аспекта (который был для Леонтьева важнейшим и в жизни, и в творчестве), его разнообразная сфера деятельности дополняет наши представления и о России, и о XIX веке. Леонтьев делает это весьма убедительно, потому что, сохранив глубину, он естественным образом связывает весьма далекие друг от друга темы, а таких тем, как показывает обзор его биографии, было необычайно много. Наконец, на наш взгляд, неоспоримым является тот факт, что Леонтьеву и сегодня удается наладить контакт с читателем, его послания воспринимаются как актуальные.

В отличие от многочисленных критиков (второе издание двухтомника, посвященного Леонтьеву, в Москве в библиотеке «Pro et contra»), нам трудно судить о судьбе этого эстетического проекта. Хотя Василий Розанов уже заявлял, что «время Леонтьева придет», а составитель книги «Моя литературная судьба» Т. Ф. Прокопов утверждает, что его время пришло. Хотя идеи Леонтьева и имеют большое влияние сегодня, особенно в одном из направлений русской политической мысли, которое считается консервативным, вполне вероятно, что истинное открытие и безраздельное признание Константина Леонтьева еще впереди.

Жизнь Александра Грина

Александр Грин (1880—1932) известен в Сербии, прежде всего, как автор антологического фантастического рассказа «Крысолов», по которому в 1976 г. хорватский кинорежиссер Крсто Папич снял фильм «Избавитель» с Ивицей Видовичем в главной роли. Произведения Александра Грина не раз переводились на сербский язык, но он создал нечто гораздо более значительное: цикл романов и рассказов о «выдуманной стране», которую его поклонники называют «Гринландия». Его творчество продолжает русскую романтическую традицию особым, радикальным образом, опираясь, прежде всего, на достижения западной приключенческой литературы (Эдгар Аллан По, Роберт Льюис Стивенсон, Джозеф Конрад (Юзеф Коженёвский)). Поскольку как автор А. Грин не похож ни на кого в русской литературе, критики дали ему спорный титул «иностраница в русской литературе» (Михаил Левидов), в то время как его существенная принадлежность к ней была очень хорошо отмечена зарубежными исследователями, в том числе поляком Ежи Литвиновым. Круг его поклонников среди коллег широк и разнообразен — Александр Куприн, Максим Горький, Владимир Пяст, Виктор Шкловский, Лариса Рейснер, Андрей Платонов, Осип Мандельштам, Юрий Олеша, Константин Паустовский, Михаил Булгаков, Вениамин Каверин — и говорит сам за себя. Мастерство Грина в построении сюжета, исключительное знание психологии, точное и изобретательное использование слов, а также романтические добродетели его героев, их приверженность идеальной стороне реальности обеспечили ему огромную любовь читателей. После того как его вновь открыли во второй половине 1950-х годов (уже посмертно его критиковали за космополитизм и формализм), последовали многочисленные многотиражные издания его произведений. Он стал культовым писателем, а «Гринландия», и особенно герои и символы его романа «Алые паруса», вошла в массовое сознание россиян.

Особо отметим две книги, посвященные биографии писателя. Учитывая необычность литературного мира Грина, его личность и биография всегда вызывали интерес, поскольку могли бы пролить дополнительный свет на его творчество. Личность Грина и его необычная биография действительно контрастируют с его творчеством (по словам В. П. Абрамовой, первой жены Грина,

«Грин-писатель и Грин-человек — совершенно разные личности») и способствуют его лучшему пониманию. Кроме того, хотя это кажется весьма далеким от реальности, его творчество в значительной степени носит автобиографический характер. Наконец, Грин является не только автором уникального литературного произведения, но и человеком уникальной биографии.

Для знаменитой библиотеки «Жизнь замечательных людей» московский писатель Алексей Варламов написал первую литературную биографию Александра Грина, а в Феодосии в издательстве «Коктебель» вышло новое издание «Воспоминаний об Александре Грине» третьей жены писателя Нины Николаевны Грин. «Воспоминания» Н. Н. Грин были впервые опубликованы в 2000 году в Симферополе очень небольшим тиражом и фактически стали более доступными только благодаря этой книге. Новое издание «Воспоминаний об Александре Грине» также содержит много материалов, которые публикуются впервые.

Александр Степанович Гриневский (а это настоящее имя писателя) был сыном польского дворянина, сосланного в глубь России в 1863 году за участие в Польском восстании. Еще в детстве в Вятке Грин проявлял свой противоречивый характер, из-за чего ему удалось окончить лишь четыре класса школы. Он рано покинул дом, после чего сменил множество мест жительства (Одесса, Баку, Урал) и занятий (матрос, служащий, актер, слесарь, шахтер, лесоруб и т. д.). Затем он поступил в армию, из которой дважды бежал. В армии Грин вступил в партию социалистов-революционеров (эсеров) и в составе ее террористического крыла готовил террористический акт, от которого отказался в процессе его подготовки. После этого как активный член партии социалистов-революционеров он занимался пропагандой в подполье. За свою революционную деятельность Грин неоднократно подвергался арестам, находился в заключении и ссылке, бежал из ссылки. В порыве ревности стрелял в свою подругу, революционерку Екатерину Бибергаль, и ранил ее (к счастью, без серьезных последствий).

В Петрограде Александр Грин вел богемный образ жизни, следствием чего стал алкоголизм. Пытаясь изменить свой образ жизни, в 1924 году вместе с Н. Н. Грин переехал в Крым. Последние несколько лет жизни писателя были отмечены нищетой, проблемами с издателями, алкоголизмом и серьезными болезнями.

Не меньшее впечатление оставляет и личность писателя. Грин был одиноким, замкнутым, мрачным и неловким человеком. Он был самоучкой, но предсказал множество будущих явлений и открытий. Грин создал вымышленный мир, населенный героями, не носящими русских имен, при этом сам не знал ни одного иностранного языка и лишь однажды, будучи моряком в раннем возрасте, ненадолго покинул Россию (путешествовал в Александрию). Некоторые мемуаристы подчеркивают темные стороны его личности, в то время как другие вспоминают множество его не особенно хороших или необычных поступков. Например, оказавший ему гостеприимство писатель Михаил Слонимский проснулся ночью, увидев руки Грина на своей шее. Оказалось, что Грин писал рассказ, в котором была сцена утопления. Историк литературы Е. А. Яблоков отмечает, что, говоря о Грине, трудно найти тон, который был бы объективным и не оскорбительным.

В то же время, в полную противоположность собственному тяжелому жизненному опыту и неблаговидным чертам характера, Грин писал фантастические романы и повести с идеальными героями. Он был чрезвычайно последователен в своей литературной работе, и именно в этой последовательности находил пересечение жизни и творчества (своей биографией он считал свое литературное творчество). Две новые биографические книги о Грине, в которых авторы стремятся более цельно увидеть личность писателя, помешают его в контекст русской литературы в большей степени, чем это обычно делалось. И особенно из синтетической по своему содержанию книги Варламова складывается впечатление о Грине как о ведущем писателе русской литературы.

Из своего угла

Спустя годы после начала перемен в русской литературе, когда в годы перестройки были сняты существовавшие запреты, значимые публикации литературного наследия продолжают появляться. Некоторые из них выделяются своей литературной ценностью и существенно меняют наше представление об истории русской литературы. Одним из таких произведений является обширная книга Сергея Николаевича Дурылина «В своем углу». Книга вышла в мемуарном издании «Недавнее прошлое» издательства «Молодая Гвардия» (Библиотека мемуаров: Близкое прошлое; Вып. 21), хотя и не является мемуарами в полном смысле этого слова.

Сергей Николаевич Дурылин (1886—1954) — видный деятель русской культуры. В советское время он был известен, прежде всего, как разносторонний специалист — театровед, историк литературы и искусства, археолог, этнограф. За данный период он опубликовал более семисот статей в этих областях. Однако С. Дурылин активно занимался также религиозной философией еще до Октябрьской революции. Уже тогда он был чрезвычайно плодовитым автором, а также активным участником религиозно-философского движения. Его взгляды прошли эволюцию, характерную для русской интеллигенции той эпохи: от революционной практики в юности через учение Льва Толстого и модернизм в искусстве к религиозной философии.

Дурылин писал также литературные произведения — поэмы и прозу, которые были оценены его современниками и которые, по всем данным, заслуживают того, чтобы их вывели из забвения. В 1920 году он стал священником, а два года спустя был арестован и сослан. Это повторилось в 1927 году, и он оставался в ссылке до середины 1930-х гг. В отличие от других представителей русского религиозно-философского движения, он не только остался в Советской России и пережил репрессии, но и продолжил работать в сфере культуры в новых условиях.

Книга Дурылина «В своем углу» состоит из четырнадцати томов заметок, которые автор вел изо дня в день в период 1924—1932 годов. Заметки не предназначались для публикации, он писал их для себя. Они охватывают период ссылки в Челябинск, Томск и Киржач, с небольшим перерывом между двумя ссылками, во время которого Дурылин жил в Москве и в Крыму. Последний, четырнадцатый, том был продолжен в 1939 году в Подмосковье, а некоторые дополнения к книге автор внес в 1939, 1941 и 1944 годах.

«В своем углу» можно определить как великолепное эссеистическое произведение, созданное в традициях Василия Розанова («Уединенное», «Опавшие листья», «Апокалипсис нашего времени»). Как и в случае с Розановым, текст состоит из фрагментов, соседствующих с более краткими заметками. Однако Дурылин существенно отличается от Розанова, с которым он был близок и о котором много пишет в книге. Благодаря своей необычной биографии Дурылин познакомился с большим числом людей, значимых для русской культуры, и часто оказывался в самом центре исключительных

событий. Он беседовал со Львом Толстым, сотрудничал с Андреем Белым, первым поддерживал Бориса Пастернака, общался с художником Михаилом Нестеровым, исполнял последнюю волю Василия Розанова, навещал последних старцев в Оптиной пустыни. Но и сам он был оригинальным мыслителем и хорошим писателем.

Книга «В своем углу» отличается личным отношением к русской культуре. Вся жизнь писателя посвящена русской культуре, а русская культура (наряду с вечными темами жизни, смерти, природы, веры) — одна из основных тем книги. Дурылин записывает свои мысли и воспоминания, как правило, о том, что для него наиболее важно. Работа содержит бесценный материал из истории русской культуры, поскольку, помимо прочего, она регистрирует множество деталей, неизвестных из других источников. Писатель также стремится сохранить ценные данные, которые он слышал от других людей. В то же время, благодаря своей необычайной информированности и интересу к предмету, он также может предложить свою собственную интерпретацию явлений, событий и произведений, то есть своего рода скрытую историю литературы.

Книга «В своем углу» отличается глубоким знанием рассматриваемой тематики. Стиль Дурылина внешне непрятязательный, но точный и выверенный, без преувеличений какого-либо рода. Именно стиль представляет особую ценность этого произведения писателя. Иногда, всегда по какой-то причине, мы встречаем в книге его стихи, которые напоминают нам, что до революции они по праву включались в антологии. Оригинальная и необычная книга «В своем углу» также является своеобразным комментарием к русской литературе XIX—XX веков. Писатель рассуждает, основываясь на собственном опыте и принимая во внимание исторический опыт, в том числе революцию и ее последствия. Например, как человек, вышедший из купеческого сословия, он критически смотрит на пьесы Александра Островского или, наблюдая за ходом истории, констатирует завершение той линии русской литературы, которая тянется от Александра Пушкина к Федору Достоевскому и заканчивается Антоном Чеховым и Василием Розановым. Особую значимость этим комментариям придает, с одной стороны, сама личность Сергея Николаевича Дурылина, а с другой — тот факт, что он хорошо знает то, о чем пишет. Вероятно, не стоит даже говорить о том, что у Дурылина нет политической предвзятости и что его

размышления облекаются в более фундаментальные религиозные и культурологические категории. Галина Евгеньевна Померанцева, автор обширного предисловия в книге — своеобразного исследования о С. Н. Дурылине, считает, что «В своем углу» является наиболее важным произведением этого мыслителя, ученого и писателя. По нашему мнению, книга также занимает значительное место в русской литературе и можно смело сказать, что она написана на уровне великой русской литературы.

Эссе поступили в редакцию 20.12.2024; одобрены после рецензирования 09.01.2025; приняты к публикации 30.01.2025.

The essays were submitted 20.12.2024; approved after review 09.01.2025; accepted for publication 30.01.2025.

Информация об авторе / Information about the author

З. Паункович — литературовед, критик, переводчик-рурист, главный редактор журнала «Руски алманах» («Russian Almanac»), Белград, Сербия.

Z. Paunkovich — literary critic, critic, Russian translator, Editor-in-Chief of the magazine “«Руски алманах” (“Russian Almanac”), Belgrade, Serbia.

ТВОРЧЕСТВО УЧЕНЫХ

CREATIVE WORK OF SCIENTISTS

**К 50-ЛЕТИЮ
ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
TO THE 50TH ANNIVERSARY OF IVANOV STATE UNIVERSITY**

Интеллигенция и мир. 2025. № 3. С. 172—179.

Intelligentsia and the World. 2025. No. 3. P. 172—179.

Литературно-художественное произведение

УДК 821.161.1-1

EDN: <https://elibrary.ru/wblbyw>

DOI: 10.46725/IW.2025.3.11

Научная специальность ВАК
5.9.1. Русская литература и литература
народов Российской Федерации

От главного редактора журнала «Интеллигенция и мир»

В журнале «Интеллигенция и мир» (2025, № 2. С. 168—182) была опубликована статья В. В. Новикова и М. Г. Казачковой, посвященная научному и творческому пути доктора экономических наук, профессора Ивановского государственного университета А. С. Лифшица. Ниже читателям предлагается небольшая подборка поэтических произведений этого ученого.

СТИХОТВОРЕНИЯ

Аркадий Семенович Лифшиц

Ивановский государственный университет, Иваново, Россия,
ark.lifshits2011@yandex.ru, SPIN-код: 8102-1761,
<https://orcid.org/0000-0001-7199-7010>

Ключевые слова: Аркадий Семенович Лифшиц, поэзия, стихо-сложение, рифма, философия жизни, наука в поэзии, реализм, юмор

Для цитирования: Лифшиц А. С. Стихотворения // Интеллигенция и мир. 2025. № 3. С. 172—179.

Literary and artistic work

From the editor-in-chief of the journal “Intelligentsia and the World”.

The magazine “Intelligentsia and the World” (2025, no: 168—182) published an article by V. V. Novikov and M. G. Kazachkova, dedicated to the scientific and creative path of Doctor of Economics, Professor of Ivanovo State University A. S. Lifshits. Below, readers are offered a small selection of poetic works by this scientist.

POEMS

Arkadiy S. Lifshits

Ivanovo State University, Ivanovo, Russia,
ark.lifshits2011@yandex.ru, SPIN: 8102-1761,
<https://orcid.org/0000-0001-7199-7010>

Keywords: Arkadiy Semenovich Lifshits, poetry, versification, rhyme, philosophy of life, science in poetry, realism, humor.

For citation: Lifshits, A. S. (2025), ‘Poems’, *Intelligentsia and the World* [Intelligentsia and the World], no. 3: 172—179 (in Russ.).

О взаимной радости

Когда тебе рады, то дышится легче,
И голос становится громче и крепче,
И хочется жить, и творить, и работать
И до седьмого и более пота!
Когда тебе рады, то все твои мысли
Приходят во благо Великой Отчизне,
И сеешь разумное, доброе, вечное,
И я бы добавил еще человечное!
Когда тебе рады, то Солнце сияет,
И каждая мелочь тебя вдохновляет,
И ты вдруг становишься чутким и смелым,
Берясь за масштабное, сложное дело!
Так будем же рады себе и друг другу,
Хоть ветер в лицо, и ненастье, и выюга!
Пускай есть проблемы, задачи, заботы,
Когда не заладилось где-то и что-то!
Но, главное, чтобы тебе были рады,
Ведь верность в любви —
Это честь и награда!

Сердце и голова

Сердцу не должно быть плохо
От тревожных ожиданий,
От забот с тяжелым вздохом
И ненужности страданий.
От упущенного шанса
И несбывшейся надежды,
От того, что мы другие
И не будет всё, как прежде.
От несобранности воли
И раздробленности силы,
От потери хладнокровья,
Недостаточности пыла!
Сердцу не должно быть больно,
Голова должна быть светлой,
Будь готов по жизни к бою
И не гнись пред сильным ветром!

2019

За Россию

Я пью за Россию,
За веру в нее,
Чтоб не было серым
Ее бытие!
А горе и беды минули всех нас,
И каждый был счастлив
Без всяких прикрас!
За реки и долы,
Леса и поля —
Цвети, а не сохни,
Родная земля!
За гордое имя,
Красивую речь —
Нам есть что любить
И нам есть что беречь!
Я пью за Россию —
За отчий наш дом!
И знай же, Россия:
Тебя — не пропьем!

2012

Памяти мамы

*Посвящается
Вортман Маре Аврамовне*

Мне очень жаль,
Что Ты меня не слышишь,
Твой образ для меня как божество!
Не подойдешь ко мне поближе,
Всё в прошлом — горькое словцо!
Но Ты жива, как Солнца лучик,
Душа родная, Преданный друг,
Хочу Тебя обнять, но понимаю,
Что я могу обнять лишь боль разлук!
Твои таланты не забуду,
Как были годы хороши!
Спи с миром — помнят наши люди
Твои дела и искренность души!
Нет вечных на Земле, и все там будем,
У каждого свой срок и горький час,
Но я не превращусь в разлитый студень,
Могу я повторить еще не раз!
Была Ты человечной от природы,
Была Ты мудрой — видела вперед,
Была Ты щедрой и громоотводом
И, как герой, ушла в тяжелый год!
Ты для меня — утрата и потеря,
Но я не обреченный быть один,
Готов всегда идти к достойной цели,
Единственный и любящий твой сын!

2015

Нормальный мужик

Ты можешь быть и некрасивым,
Когда родился мужиком,
Не быть Гермесом суетливым
И не входить в Романов Дом!
Не быть прекрасным Аполлоном,
Глобальную не ставить цель,
Но быть по жизни окрыленным —
Обязанность, Ты мне поверь....
Когда себе Ты интересен

И манны от небес не ждешь,
Когда живешь Ты в ритме песен,
Ни на кого Ты не похож,
Когда гордишься — не кичишься,
И ценишь лучшее в себе,
Когда не тлеешь, а искришься
Назло проказнице судьбе,
Когда нутром Ты понимаешь —
Вот это самое твое,
И от забот Ты не взыхаешь,
И не противно бытие...
Когда Ты сам в своей тарелке
И видишь цельно мир кругом,
И не гигант, но и не мелкий —
Ты состоялся мужиком!

2021

За жизнь

Так пусть не будет нам хреново —
Ни знайным летом, ни зимой,
А непродуманное слово
Не ранит сердце с головой!
Пусть будет лучше, а не хуже
Без всякой фальши и прикрас,
Но пасаран душевной стуже,
А радость, не покинь же нас!
Пусть всё хорошее хранится
И искренности настежь дверь,
Пусть светятся от счастья лица
И вертит жизни карусель!

Жизнь похожа на лес и на поле,
На деревья и даже цветы,
Долгий пост и веселье застолья,
На подъем и на спуск с высоты!
Не мечтая о тихом покое,
Зная — там хорошо, где нас нет,
Не причислим к крутому застою
Вереницу всех прожитых лет!

2015, 2024

О науке

Наука нам дана затем,
Чтоб мы могли узнать,
Куда идти и почему
И как преуспевать!
Как видеть истины ростки,
Талант как воспитать,
Как убеждения свои
Достойно защищать!
Как строчки новые творить,
Не будучи портным,
Как любопытство сохранить,
Пройдя огонь и дым.
Наука нам дана затем...
Не в силах всё понять...
Но покорение проблем —
Такая благодать!

2015

Большое сердце педагога

Большое сердце педагога,
Его светлейшие мозги,
И одаренность есть от Бога,
И всё не мерит на рубли!
А как ему подвластно слово,
А по-простому так «речист»,
А как он подает основы —
Да, настоящий ведь артист!
Он самоценен по натуре
И может сам себя поднять
И управлять душевной бурей,
Когда студент не хочет знать!
Но он нуждается в поддержке,
А вуз — не проходной ведь двор,
Не будьте с педагогом дерзки —
И к Вам не прилетит укор!

2017

Правота женщины (не Брюсов)

ТЫ — ЖЕНЩИНА,
И ЭТИМ ТЫ ПРАВА,
Права, иначе как в тебя влюбиться?
Права, как неба синева,
Как грация, вокруг которой
Есть желанье виться!
Как дар природы,
Как живой родник,
Объект любви, который очень дорог,
Как сладкий голос, как огонь в груди,
Прекрасных ощущений ворох!
Как день и ночь,
Как Солнце и Луна,
Морской прилив,
Житейская отрада,
Да женщина, Ты все-таки права,
Ведь брать пример в любви
С тебя и надо!

2019

О поэзии (мини-лекция для студентов)

Я не могу не говорить стихами:
Поэзия — мой лучший разговор,
Она внутри меня,
Она и с Вами,
Она острит, не притупляет взор!
Она нужна и в радости минуты,
Она нужна, когда тебя постиг удар,
Она нужна, когд а страданий путы
Готовы придушить природный дар!
Мой каждый стих всегда идет от сердца,
Моя строка — есть чувства интеллект,
Своей души распахивая дверцу,
В нее я завожу студентов цех!
Поэзия летит быстрее птицы,
Она фундаментальней, чем гранит,
Она не просто освещает лица,
Она рождает благородный вид!
Пускай же Ваши души не черствеют,
Всё лучшее от вуза сохрани,
И пусть звучат
И как-то всех Вас греют
Вот эти мои новые стихи!

Стихи поступили в редакцию 13.11.2024; одобрены после рецензирования 10.12.2024; приняты к публикации 25.12.2024.

The poems were received by the editor on 13.03.24; approved after review 10.12.2024; accepted for publication 25.12.2024.

Информация об авторе / Information about the author

A. С. Лифшиц — доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры менеджмента, Ивановский государственный университет, Иваново, Россия

A. S. Lifshits — Doctor of Sciences (Economic), Associate Professor, Professor of the Department of Management, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia.

ПО СЛЕДАМ ПРОЧИТАННОГО READING AND DISCUSSION

Интеллигенция и мир. 2025. № 3. С. 180—199.

Intelligentsia and the World. 2025. No. 3. P. 180—199.

Обзор

УДК 94(4).08

EDN <https://elibrary.ru/advlhn>

DOI: 10.46725/IW.2025.3.12

Научная специальность ВАК

5.6.1. Отечественная история

5.6.2. Всеобщая история

5.6.7. История международных отношений
и внешней политики

ВАРИАТИВНОСТЬ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПОЛИТИКОВ: РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД МОНОГРАФИЕЙ И. Э. МАГАДЕЕВА «В ТЕНИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ДИЛЕММЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В 1920-Е ГОДЫ»

Василий Львович Черноперов

Ивановский государственный университет, Иваново, Россия,

vlchernoper-ov@rambler.ru, SPIN-код: 5277-4946,

<https://orcid.org/0000-0001-5887-7807>

Аннотация. В год 80-летия Победы в Великой Отечественной войне и победоносного завершения Второй мировой войны многие люди невольно задаются вопросом — а были ли шансы избежать страшной мировой бойни? Были ли варианты иного развития? В поисках ответа взоры обращаются к 1920-м — началу 1930-х гг., т. е. к тому времени, когда сформировалась и получила развитие Версальская система международных отношений. Именно этому периоду посвящен объемный фолиант «В тени

Первой мировой войны: Дileммы европейской безопасности в 1920-е годы» доцента Московского государственного института международных отношений (университета) МИД РФ Искандера Эдуардовича Магадеева.

У данного труда много особенностей, начиная с методологии, которая отличается некоторой эклектичностью. Но именно эта теоретическая и методическая пестрота, по нашему мнению, и делает возможным решение вопросов, которые И. Э. Магадеев ставит в своей монографии. Его работа, с одной стороны, традиционна. Например, в ней обозначены изъяны Версальской (и Вашингтонской) системы международных отношений, которые объективно вели к новой войне. С другой стороны, она по-настоящему новационная. Прежде всего, обращением к Локарнской системе, которая представляла собой модификацию Версальской системы международных отношений, попытку ее эволюционного развития и, следовательно, альтернативу скатыванию мира ко Второй мировой войне.

Еще одна поучительная линия монографии Магадеева — рассмотрение места и роли конкретных людей в международных процессах. Прежде всего, политиков и военных.

Труд И. Э. Магадеева позволяет выйти на обновленное (уточненное) определение «международных отношений» и, несомненно, будет еще неоднократно обсуждаться научным сообществом.

Ключевые слова: И. Э. Магадеев, монография, Версальская система международных отношений, Локарнская система, модификация, интеллектуалы, ответственность, вариативность мирового развития

Для цитирования: Черноперов В. Л. Вариативность развития международных отношений и ответственность политиков: размышления над монографией И. Э. Магадеева «В тени Первой мировой войны: Дileммы европейской безопасности в 1920-е годы» // Интеллигенция и мир. 2025. № 3. С. 180—199.

Обзор подготовлен в рамках технического задания на выполнение научно-исследовательской работы по заказу Ивановского государственного университета № 2025 —03 «Интеллигенция и интеллектуалы, многообразие современного мира и будущее России»

**VARIABILITY OF INTERNATIONAL RELATIONS
DEVELOPMENT AND RESPONSIBILITY
OF POLITICIANS: REFLECTIONS ON THE
MONOGRAPH BY I. E. MAGADEEV
“IN THE SHADOW OF THE FIRST WORLD WAR:
DILEMMAS OF THE EUROPEAN SECURITY
IN THE 1920s”**

Vasily L. Chernoperov

Ivanovo State University, Ivanovo, Russia,
vlchernoperov@rambler.ru, SPIN-код: 5277-4946,
<https://orcid.org/0000-0001-5887-7807>

Abstract. In the year of the 80th anniversary of the Victory in the Great Patriotic War and the victorious end of the Second World War, many people involuntarily ask themselves: were there chances to avoid the terrible world slaughter? Were there any other options? In search of an answer, our gaze turns to the 1920s — early 1930s, i. e. to the time when the Versailles system of international relations was formed and developed. It is to this period that the voluminous tome “In the shadow of the First World War: Dilemmas of the European Security in the 1920s” by Associate Professor of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation Iskander Eduardovich Magadeev is devoted. This work has many features, starting with the methodology, which is somewhat eclectic. But it is precisely this theoretical and methodological diversity, in our opinion, that makes it possible to resolve the issues that I. E. Magadeev poses in his monograph. His work, on the one hand, is traditional. For example, it identifies the flaws of the Versailles (and Washington) system of international relations, which objectively led to a new war. On the other hand, it is truly innovative, first of all, by referring to the Locarno system, which was a modification of the Versailles system of international relations, an attempt at its evolutionary development and, therefore, an alternative to the world sliding towards World War II.

Another instructive line of Magadeev's monograph is the consideration of the place and role of specific people in international processes, first of all, politicians and the military.

The work by I. E. Magadeev allows us to come to an updated (refined) definition of “international relations” and, undoubtedly, will be repeatedly discussed by the scientific community.

Keywords: I. E. Magadeev, monograph, Versailles system of international relations, Locarno system, modification, intellectuals, responsibility, variability of world development

For citation: Chernoperov, V. L. (2025), ‘Variability of the development of international relations and the responsibility of politicians: reflections on the monograph by I. E. Magadeev “In the shadow of the First World War: Dilemmas of the European Security in the 1920s”, *Intelligentsia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 3: 180—199 (in Russ.).

The review article was prepared within the framework of the technical assignment for the implementation of research work commissioned by Ivanovo State University No. 2025 — 03 “Intelligentsia and intellectuals, the diversity of the modern world and the future of Russia”

2025 год — год для нашей страны особый — это год 80-летия Победы в Великой Отечественной войне и победоносного завершения Второй мировой войны. Но это также год Памяти о страшной жертве, принесенной народами Советского Союза, правопреемником которого является Российская Федерация. Более 27 миллионов граждан СССР отдали самое дорогое, что у них есть, — свои жизни — для разгрома гитлеровской Германии и союзных ей стран, включая милитаристскую Японию¹. Вспоминая эту страшную цену Победы, невольно задумываешься над вопросами: была ли альтернатива недопущению войны, имелась ли возможность развития международных отношений после окончания Великой войны 1914—1918 гг. в рамках мирно-пацифистской парадигмы, была ли Вторая мировая война фатально неизбежна? Эти мучительные вопросы в очередной раз возникают по прочтении монографии «В тени Первой мировой войны: Дilemmы европейской безопасности в 1920-е годы» [Магадеев, 2021a]. Автором этого объемного (864 страницы) фолианта является доцент кафедры истории и политики стран Европы и Америки Московского государственного института международных отношений (университета) МИДа РФ Искандэр Эдуардович Магадеев. Имя этого исследователя хорошо известно как специалистам, которые занимаются международными проблемами (см., напр.: [Его же, 2021b; 2022; 2024]), так и тем, кто изучает

¹ Минобороны уточнило потери СССР в Великой Отечественной войне // Interfax.RU. 2011. 13 нояб. URL: <https://web.archive.org/web/20220202034354/>; <https://www.interfax.ru/russia/479070> (дата обращения: 22.08.2023).

вопросы интеллектуальной истории и интеллигентоведения (см., напр.: [Его же, 2023а; 2023б]).

Монографию И. Э. Магадеева «В тени Первой мировой войны...» выпустило в свет издательство «Аспект Пресс» в 2021 г. Книга вобрала, пожалуй, большую часть известной к 20-м годам XXI в. отечественной и зарубежной историографии и уже получила положительные отклики российских специалистов [Сидоров, 2021; Романова, 2022]. Представляемый обзор не является, строго говоря, очередной рецензией. Это размышления, порожденные прочтением труда И. Магадеева.

При чтении книги обращает на себя внимание решение автором вопросов методологии и понятийного аппарата — прежде всего, во введении [Магадеев, 2021а: 14—24] и первой главе монографии [Там же: 70—71, 111, 117—125, 127—128]. По словам самого Магадеева, в основание методологии положены концепции «из смежных гуманитарных дисциплин: истории, политологии, в меньшей степени — социологии», учитывающие различные направления исторических исследований и наработки в теории международных отношений [Там же: 12]. Такой подход выглядит эклектичным, но, по нашему мнению, вполне оправдан, по меньшей мере, по двум причинам.

Во-первых, в силу избранной И. Магадеевым темы исследования. Проблемы европейской безопасности и международных отношений межвоенного периода многогранны, что априори при создании единого исторического полотна требует объединения трудносоединяемого. Например, взглядов на системность международных отношений отечественных и зарубежных исследователей, реалистического подхода, основанного на таких базовых понятиях, как «международные отношения», «государственный интерес», «великие державы» и т. д., с конструктивистскими или либеральными наработками в области «культуры национальной безопасности».

Вторым оправданием методологической пестроты, избранной Магадеевым, является именно ее эклектичность. По нашему мнению, лишь такой подход, который предусматривает при рассмотрении проблемы ее расчленение на многие аспекты, каждый из которых изучается с использованием несовпадающих теорий и научного инструментария, позволяет создать объемную синтетическую картину прошлого. Правда, нам для полноты картины не хватило методологий и методик, характерных для геополитических и биографических исследований. Ведь их использование позволяет вывести на новый уровень осмысливания содержания

базового понятия «международные отношения». Поясним свою позицию.

В трактовке геополитики нам наиболее близко ее расширительное толкование, идущее от К. С. Гаджиева, Э. А. Позднякова и Ю. В. Тихонравова, которые видят в ней область знаний, комплексно изучающих географические, исторические, политические, экономические, демографические и иные факторы (см., напр.: [Поздняков, 1995: 42; Гаджиев, 2000: 7; Тихонравов, 2000: 18]). В вопросе же усиления биографической составляющей мы исходим из научного подхода, предполагающего одновременное воссоздание личностной истории и истории через личность [Репина, 2005: 12].

Добавление геополитической и усиление биографической составляющей могло бы удачно объединиться с тремя уровнями взаимосвязи,ложенными Магадеевым в основание своего труда: 1) «между системными и внутренними факторами», 2) «действиями отдельных акторов (индивидуов, социальных групп, государств и др.)» [Магадеев, 2021а: 17], которые руководствовались своими представлениями [Там же: 125—126] и 3) психологическими особенностями людей-акторов и утвердившимися в их представлениях стереотипами [Там же: 126—127].

Соединение подходов и связей, отмеченных выше, позволяет выйти на новое (или уточненное) определение понятия «международные отношения»: *Международные отношения — это совокупность экономических, политических, идеологических, правовых, дипломатических, военных связей (общений и сношений) и обюдных отношений между народами, между государствами и системами государств, между основными социальными, экономическими и политическими силами и организациями, которые действуют на международной арене. Определяющую роль в международных отношениях играют объективно существующие геополитические стратегии, корректируемые субъективными устремлениями социальных, религиозных или национальных групп, классов общества или личностей в их совокупности или в отдельности, что в итоге рождает вариантность путей развития.*

Как нам представляется, И. Э. Магадеев исходит именно из такого понимания природы международных отношений, начиная с первой главы, в которой акцентируется внимание на двух взаимосвязанных положениях, играющих ведущую роль в определении «международные отношения», предлагаемом нами. С одной стороны, — опора на фундаментальные факторы моши (экономические, географические, демографические, масштаб территорий и природные

ресурсы), которые объективны, с другой — на субъективных, часто сиюминутных сторонах процесса, что в итоге постоянно порождает вариативность развития.

Предпосылки к вариативности просматриваются уже в вопросе о поражении Германии в Первой мировой войне. С одной стороны, здесь вроде бы всё понятно — именно Германия 11 ноября 1918 г. подписала под диктовку Антанты Компьенское перемирие. С другой стороны, германские войска на момент окончания войны удерживали значительные территории на востоке бывшей Российской империи, ее армия и флот не были разбиты, и союзники не прошли парадом победителей по проспектам Берлина. Даже Версальский договор (по которому Германия теряла территории, на нее возлагались репарационные и иные обязательства, ущемлявшие ее суверенитет), подписанный на Парижской конференции в 1919 г. и вступивший в силу 10 января 1920 г., не выглядел абсолютным поражением. Геополитическое положение страны даже в чем-то усилилось. Действительно, если до Первой мировой войны на востоке и юго-востоке Второй рейх был ограничен в действиях такими мощными образованиями, как Австро-Венгрия и Россия, то после 1919 г. эти империи заменили Литва, Польша и Чехословакия, каждая из которых была слабее Веймарской республики в экономическом и военно-мобилизационном отношении. К тому же в каждой из этих стран, а также в Румынии и Королевстве сербов, хорватов и словенцев (КСХС; с 1929 г. — королевство Югославия), в силу выборочного применения победителями «права наций на самоопределение», появились большие национальные меньшинства [Там же: 152]. Наличие этого «разделения», как вслед за А. М. Фоминым подмечает И. Э. Магадеев, создавало «многочисленные очаги скрытой напряженности», разрядить которые Лига Наций — этот главный институт мониторинга и регулирования мировых процессов, созданный после Великой войны, — была не в силах [Там же].

Одной из самых разделенных наций Европы оказались немцы, и они стремились к воссоединению с Германией. Ситуацию, как справедливо отмечает Магадеев, усугубляли еще два обстоятельства: 1) разделение единого германского пространства «Польским коридором» на основной массив немецких земель и Восточную Прусию [Там же: 153] и 2) сохранение в Австрии популярной идеи о единой Германии [Там же: 152].

Веймарская республика учитывала проблему «разделенных немцев» и с момента вступления в Лигу Наций в 1926 г. и

укрепления своего экономического положения стала регулярно поднимать эту тему на разных площадках и использовать ее в качестве инструмента для решения международных вопросов и давления на Чехословакию, Польшу, Литву и другие страны [Там же: 152, 598, 628, 641, 669—670].

Сюжеты, разрабатываемые Магадеевым, заставляют в контексте геополитики обратить внимание на большевистскую Россию — страну, у которой были не только глобальные планы «мировой революции», но и более приземленные — «счеты» с Польшей после болезненного Рижского мира 1921 г. и, отчасти, со странами Прибалтики.

Сложившаяся ситуация априори делала страны Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европы, по терминологии профессора Сорбоннского университета, политолога Жана Готтмана, «приливно-отливными» территориями, вопрос о поглощении которых большими сильными соседями (усилившимися Германией и Советской Россией / СССР) рано или поздно должен был вновь возникнуть. Ситуацию для государств «приливно-отливной зоны» усугубляло то обстоятельство, что руководители Москвы и влиятельные силы в Берлине (военные, политики правых партий и связанные с ними «капитаны» германской промышленности), не желавшие признавать Версальскую систему международных отношений, достаточно рано начали взаимодействовать над изменением сложившегося миропорядка. Причем и большевики, и германские сторонники сотрудничества с Москвой в объяснении необходимости совместной работы проявляли удивительную изворотливость. Пропагандисты советского государства применительно к Германии ввели термин «промышленная колония», что позволяло борьбу немцев против Версальской системы рассматривать как национально-освободительную, а значит — идеально близкую коммунистической идеи [Черноперов, 2006б: 51—52]. Немцы же заявляли о России как естественном экономическом партнере Германии. Кстати, эту мысль поддерживали те большевики, кто ядро мировой революции видел в союзе сельскохозяйственной и богатой сырьем России («серпа») и промышленно развитой Германии («молота») [Там же: 52—53].

В свете вышесказанного закономерен вопрос: считало ли большинство немцев в 1918, 1919 и даже 1920-х гг., что они были разбиты в Великой войне? В предлагаемых ответах нам наиболее близка точка зрения тех авторов, отмеченных И. Э. Магадеевым (С. Жаннесон, М. Берг, Н. В. Павлов), которые указывали, что для

массы немцев и германской элиты осознание поражения в Первой мировой войне произошло только по итогам разрешения Рурского кризиса 1923 г. [Там же: 350].

В книге Магадеева немало страниц посвящено тому, как Антанта пыталась отстоять сложившийся миропорядок. Особенно им проработана позиция Франции, которая при решении европейских дел определенное время ставку делала на мощь своих вооруженных сил, требование полного разоружения Веймарской республики как потенциального врага [Магадеев, 2021а: 75, 149, 201—202, 236, 317, 319 и др.] и систему союзов с государствами Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европы — Малую Антанту [Там же: 84, 89, 91, 229—234]. Последняя, согласно планам Парижа, была призвана решить две основные задачи: 1) окружить Германию с запада и востока, устранив на корню ее надежды военного реванша; 2) создать «санитарный кордон» (фр. *cordon sanitaire*) между нею и Советской Россией / Советским Союзом и тем самым минимизировать исходящие из Москвы угрозы распространения идей большевизма [Там же: 84, 91, 158—159, 213—216].

В книге Магадеева показаны многие изъяны в проекте победителей по сохранению Версальской системы безопасности. Выделим четыре основных.

Во-первых, союзниками Франции по Малой Антанте выступали Польша, Чехословакия, Румыния и КСХС, о слабости которых говорилось выше. К тому же, как точно замечает Магадеев, сама система союзов, «формировавшаяся и эволюционировавшая на протяжении всех 1920-х гг., на деле оставалась весьма рыхлой, а ее потенциальная эффективность резко сократилась после Локарнских соглашений 1925 г.» [Там же: 92]. Эту «рыхлость» Магадеев оттеняет двумя фактами: 1) «договоры Франции с Польшей (1921) и Чехословакией (1924) не были “жесткими военно-политическими союзами”, содержащими обязательства по оказанию немедленной военной помощи»; 2) изменение позиции Парижа, который в стремлении экономически и политически сблизиться с Берлином и получить от Лондона гарантии безопасности своих западных границ начал после 1925 г. отдалялся от Варшавы и Праги [Там же: 533, 652].

Вторым изъяном, отмеченным в работе Магадеева, относительно сохранения Версальской системы было отсутствие единой линии в политике всех мировых акторов. Соединенные Штаты сразу после Парижской мирной конференции 1919 г., на которой были очерчены основные параметры послевоенного мироустройства, стали отходить от активного включения в военно-политические дела

Европы. Их внимание всё более концентрировалось на Латинской Америке и Тихоокеанском регионе [Там же: 505, 742—744]. В Европе повышенный интерес США сохранялся только в финансово-экономической сфере (от возвращения выданных кредитов до увеличения экспорта американских товаров) [Там же: 79, 107, 160, 202—204, 327—328, 347, 348, 507, 511—512 и др.]. Правда, полностью списывать американскую включенность в дела Европы не следует. Более того, значение «фактора США» в межвоенном развитии Европы возрастет многократно (и даже претендует на решающую роль), если рассматривать развитие Версальской системы сквозь призму репарационной проблемы и ее решения.

Помимо военно-политической отчужденности США, от участия в большой политике Европы долгое время оставались отстраненными побежденная Германия и большевистская Россия. Сил же только Франции и Великобритании для поддержания миропорядка и безопасности в рамках Версальской системы явно не хватало. К тому же отношения между этими странами в 1920-е — 1930-е гг., несмотря на постоянно декларируемую солидарность и наличие органов межгосударственного взаимодействия (Верховный совет Антанты, Конференция послов, Союзный военный совет в Версале, Репарационная комиссия и др.), развивались отнюдь не безоблачно. Как отмечено в работе Магадеева, Париж и Лондон в межвоенное время разделяли многие вопросы (военно-политическое противостояние, колониальные противоречия, экономическая конкуренция, масштабы наказания Германии, несовпадение политических курсов в Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европе и т. д.) [Там же: 75, 83—86, 93, 103—105, 106, 156—157, 168, 171—173 и др.]. Барьерами становились также сохранявшиеся стереотипы. Так, дипломаты и политики Англии «во внутренней переписке» и «правительственных дискуссиях» нередко называли французов представителями «латинской расы», для которой характерны «формализм, импульсивность и юридическое крючкотворство», видели в них людей с расстроенным «психическим здоровьем» и преувеличенными страхами [Там же: 127].

Совокупность причин, мешавших коммунированию Франции и Великобритании в 1920-е — 1930-е гг., вела к тому, что диалог между ними постоянно варьировался от сотрудничества к соперничеству. Причем иногда разногласия Парижа и Лондона обострялись настолько, что у некоторых наблюдателей создавалось впечатление о неизбежности военного столкновения между ними [Там же: 323]. И не только между ними. Как отмечено в книге Магадеева, в 1920-е —

1930-е гг. существенные противоречия наблюдались также между Великобританией, США, Японией и Италией, т. е. ведущими странами-победительницами в Первой мировой войне [Там же: 78, 87, 234—235, 241—252, 339—340 и др.]. Ситуацию еще более усугубляло то обстоятельство, что англичане, вслед за американцами, как отмечено в монографии, с определенного момента стали также самоизолироваться от дел континентальной Европы [Там же: 511—512].

В книге Магадеева с интересом читаются страницы, на которых показано, как советские политики, дипломаты и военные, внимательно отслеживая развитие межгосударственных разломов у коллектического Запада [Там же: 78, 86—87], пытались содействовать их углублению и использовать в своих интересах. Например, во время Генуэзской конференции [Там же: 198, 199—200], Рурского кризиса 1923 г. [Там же: 335] или после него [Там же: 381—385, 441—442, 452—453, 465—467, 477—478, 526—527, 601—615 и др.].

Третий изъян в планах победителей по сохранению Версальской системы, который можно вывести из труда Магаддева, — это неравномерность экономического развития побежденных и победителей. Проигравшая войну Германия, к тому же лишенная колоний и выплачивающая репарации, сумела сохранить свои экономические (в том числе военно-экономические) мощности [Там же: 100—101]. Более того, постоянно модернизируя свою экономику и эффективно используя внешние, прежде всего, американские кредиты, добилась больших успехов [Там же: 102, 106, 149]. Согласно данным, приведенным в книге Магадеева, с 1924 по 1929 гг. прирост промышленности Германии составлял в среднем 7,9 %, а экономики в целом — 4 % [Там же: 773]. Экономические успехи позволили ей нарастить экспорт и начать вытеснять с континентальных рынков США и Великобританию [Там же: 498].

Достижения германского народного хозяйства, как хорошо показал Магадеев, контрастировали с тем, что имелось в Третьей республике и Великобритании. Экономика Франции, хотя и демонстрировала в 1921—1924 гг. средние темпы прироста в 9,5 %, с трудом восстанавливалась людские и материальные потери, понесенные в Великой войне [Там же: 75—76, 354]. Еще одной проблемой (настоящим дамокловым мечом) для Парижа стали долговые обязательства перед Вашингтоном и Лондоном, что те неоднократно использовали для давления на французов [см., напр.: там же: 330—331, 352, 578—579]. Что касается Великобритании, то ее ежегодные темпы прироста с 1925 по 1929 гг. не превышали 2 % [Там же: 497].

Четвертый изъян в стремлении Франции и Великобритании удержать систему безопасности в Европе в рамках договоров Парижской мирной конференции 1919 г., который мы находим в книге Магадеева, — слабое военное присутствие этих стран, а также их союзников на территории Германии (оккупирована была лишь небольшая западная часть страны). Крайне мало вооруженных формирований французов и англичан было также в Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европе. В монографии Магадеева такое положение объясняется многими причинами. В том числе, нехваткой солдат и офицеров для выполнения боевых миссий на обширных пространствах, а также нежеланием военнослужащих (и даже политических элит) после Компьенского перемирия воевать [Там же: 153—154, 157—158].

В целом, факты, приводимые Магадеевым, показывают, что мир, выстроенный в Версале, стал лишь «перемирием на 20 лет» (слова, приписываемые маршалу Ф. Фошу). От себя добавим, хотя И. Э. Магадеев вслед за А. Д. Богатуровым разграничивает Версальскую и Вашингтонскую системы международных отношений [Там же: 19], изъяны, которые мы выделили выше, угрожали не каждой из этих систем в отдельности, а всему миропорядку, выстроенному на Парижской и Вашингтонской конференциях 1919—1922 гг.

Были ли иные варианты развития или исторические альтернативы? Вопрос правомерен не только исходя из нашего понимания природы «международных отношений», но также подхода самого И. Магадеева, который постоянно упоминает о неких «развилках» в мировой истории, т.е. исторических трендах большой протяженности, которые оформлялись в определенные исторические периоды. Всего с 1918 по 1930 гг. в книге Магадеева применительно в проблеме европейской безопасности, как мы поняли из текста, насчитываются две «развилки»: 1) от окончания Первой мировой войны до Рурского кризиса (1918—1923) и 2) от Рурского кризиса до мирового экономического кризиса (1923—1929/30). Заметим, что такая периодизация не выходит за рамки традиционного взгляда на хронологическое деление межвоенной истории. Мы видим новационность подхода Магадеева в следующем. Во-первых, в рассмотрении Локарнского периода как модификации Версальской системы. Во-вторых, в выделении в периоде 1923—1929/30 гг. четырех реперных точек, каждая из которых при определенных условиях могла перерастти в тренд: 1) 1924 г. — принятие на Лондонской конференции «плана Дауэса» и нового порядка выплаты Германией репараций [Там же: 390—391]; 2) 1925 г. — подписание соглашений в Локарно

[Там же: 426]; 3) 1927 г. — разрыв отношений между СССР и Великобританией [Там же: 574]; 4) 1929 г. — принятие «плана Янга» (или в традиционном написании «плана Юнга») и проведение Гагской конференции [Там же: 574, 669, 679].

В контексте вопроса о вариантах / альтернативах / развилах исторического развития исследование Магадеева наводит на мысль о возможности мирной эволюции Версальской системы и перерастания ее в нечто приемлемое для всех мировых акторов, что могло бы предотвратить Вторую мировую войну. Шанс на такой вариант развития усиливали пацифистские настроения, которые после Первой мировой войны охватили широкие слои населения — от политиков до рядовых граждан разных стран. Их всех объединяло стремление не допустить новой катастрофы, подобной 1914—1918 гг.

Сдвигам в умонастроениях людей после Великой войны, самой «политике пацифизма», изменениям в позиции ведущих международных акторов, что вылилось сначала в решения Лондонской конференции 1924 г., а затем в подписание Локарнских соглашений 1925 г., в книге Магадеева уделено немало места (см., например: [Там же: 112—114, 371—378, 426—495]). На ее страницах убедительно доказан тезис о том, что Локарнский режим безопасности означал хотя и не ликвидацию Версальской системы как таковой, но все-таки переход ведущих стран Запада от механизма, «закреплявшего привилегированное место победителей в Первой мировой войне» и дискриминацию побежденных, «к системе коллективной выработки политических решений», которая предполагала интегрирование Германии «в европейскую “большую политику”» [Там же: 523—524]. В контексте этих изменений с особым интересом читаются места монографии, на которых говорится о роли в укреплении или ослаблении данной линии конкретных людей, которых мы (при всей условности) можем отнести к интеллектуалам, — посла Великобритании в Германии лорда Эдгара Винсента д'Абернона, министра во многих правительствах и трижды премьер-министра Франции, лидера радикаль-социалистов Эдуарда Эррио, дуче фашистской Италии Бенито Муссолини, главнокомандующего войсками Антанты в 1918—1920 гг. и члена Высшего военного совета Франции в 1920—1929 гг. маршала Фердинанда Фоша и т. д. Остается лишь сожалеть о том, что в книге Магадеева отсутствует список упоминаемых в работе людей. Представляется, что его наличие дополнительно подчеркнуло бы масштабность проведенного исследования.

В череде лиц, которыми насыщена (местами, пожалуй, даже перенасыщена) книга Магадеева, наше особое внимание привлекли три фигуры — лауреатов Нобелевской премии мира 1925 и 1926 гг. министра иностранных дел Германии во многих правительствах и рейхсканцлера в кризисном 1923 г. Густава Штреземана, премьер-министра Франции в 11 кабинетах, неоднократно занимавшего также кресло главы МИДа Аристида Бриана и министра иностранных дел Великобритании в 1924—1929 гг. Джозефа Остина Чемберлена. Изучение их деятельности более чем поучительно. Особенно для реалий современного мира. Ведь Г. Штреземан, А. Бриан и О. Чемберлен — лидеры немцев, французов и англичан, т. е. наций, которые еще недавно безжалостно истребляли друг друга, — вступили в диалог по принципиальному вопросу безопасности и решили его не через диктат одной стороны, а путем нахождения компромиссов. Несомненно, результат, полученный ими на Локарнской конференции, не был идеальным, не решал многие проблемы, начиная с вопроса о восточных границах Германии, но, еще раз подчеркнем, его удалось достичь мирным, а не конфронтационным путем.

В связи с фигурой Штреземана, заметим, что он предстает в книге Магадеева человеком смелым, которому при отстаивании своей позиции пришлось выдержать сопротивление влиятельных сил, включая президента Веймарской республики Пауля фон Гинденбурга [Там же: 490—491, 492—493]. И еще. Материал, приведенный Магадеевым, укрепляет нас в состоятельности оценок политики Г. Штреземана, идущих от диссертации А. И. Петрова, защищенной четверть века назад [Петров, 2000]. Петров, пожалуй, первым из отечественных историков постарался доказать, что штреземановская доктрина «национально-либерального экономического ревизионизма» — это pragматический внешнеполитический курс, который 1) выстраивался на балансировании Германии между СССР и коллективным Западом, 2) связывал пересмотр наиболее тяжелых статей Версальского договора с укреплением доверительных отношений и 3) с логикой взаимных экономических интересов со всеми государствами (в первую очередь, западными).

Помимо Штреземана, в галерее портретов, созданных Магадеевым, отметим Бриана. Этот политик, как показано в книге, пришел к соглашению с Германией в 1924—1925 гг. не только в силу политической или экономической необходимости. Огромное (если не решающее) значение имело его мировидение. Бриан действительно верил в то, что немцы могут принять ценности демократии и превратиться «в другой народ» [Магадеев, 2021а: 108]. Именно это

позволяло ему ставить вопрос о возможности достижения с ними «моральной разрядки» [Там же: 533], а после приема Германии в Лигу Наций в сентябре 1926 г. воскликнуть «Прочь ружья, пулеметы, пушки! Освободим дорогу примирению, арбитражу и миру!» [Там же: 576]. Бриан не изменил своему курсу на взаимодействие с Берлином и позже. Более того, ратовал за расширение пространства взаимопонимания, включая в него СССР. В этом плане показательны его слова, приведенные И. Э. Магадеевым по книге Ж.-А. Суту: «...лишь когда Германия и Франция смогут договориться друг с другом, они преуспеют в урегулировании русских проблем и задач, имеющихся в России, не рискуя поставить себя под угрозу» [Там же: 606]. В контексте вышесказанного совершенно логично, что именно Бриан в апреле 1927 г. выступил с инициативой отказа от войны как орудия государственной политики [Там же: 732]. Умонастроения этого политика-интеллектуала полностью соответствовали «духу и эре пацифизма», хотя многие его действия, как показал Магадеев, носили не только абстрактно-миролюбивый, но и pragmaticальный характер [Там же].

Попытка вовлечения Советского Союза в процесс примирения и взаимодействия в Европе была настоящим переворотом в умах ведущих политиков континента. В этой связи заметим, что в Москве к середине 1920-х гг. также начала укрепляться тенденция, предполагавшая отказ от революционно-алармистских выступлений. Как отмечает Магадеев, первые шаги к этому обозначились еще в январе 1923 г. [Там же: 344—345]. В 1925 г. Москва подкрепила формируемый миролюбивый курс конкретными заявлениями и решениями. [Там же: 536—537]. В связи с новациями в политике СССР остается сожалеть, что Магадеев не обратился к дискуссии в советском руководстве о перспективах внешней политики большевистского государства, которая прошла в конце 1924—начале 1925 гг. [Черноперов, 2006а; 2010; 2024].

В работе Магадеева нарисована объемная картина того, как силам сторонников диалога и укрепления линии на взаимопонимание противостояли политики, военные и иные группы интеллектуалов, не верившие в возможность мирного сожительства с вчерашними врагами. Наиболее ярко это проявлялось у военных. Генерал Шарль Дюпон, возглавлявший французскую военную миссию в Берлине в 1920—1923 гг., например, был убежден в том, что доверительные отношения с немцами невозможны, потому что они как нация никогда не смогут понять и принять ценности демократии [Магадеев, 2021а: 108]. Ему вторил командующий французской армией в Сааре

с 1920 по 1927 г. генерал Жорж Анри Бриссо-Демайе, который в период политики в «духе Локарно» убеждал военную элиту своей страны в «германской военной угрозе» [Там же: 587, 588]. Не доверяли миролюбивой риторике немцев также маршал Ф. Фош и фельдмаршал имперского Генерального штаба Джордж Милн [Там же: 666, 702].

Кстати, как показано в книге Магадеева, германофobia французов была отчасти оправдана. Для большинства военных рейхсвера враги времен Первой мировой войны таковыми остались и после ее окончания, поэтому немцы разрабатывали планы не мирной, а силовой ревизии Версальской системы и втайне усиленно работали над созданием большой и хорошо оснащенной армии [Там же: 705, 706, 717]. Более того, как, например, военный министр в 1932—1933 гг. и последний рейхсканцлер Веймарской республики Курт фон Шлейхер, вынашивали идеи милитаризации всего немецкого общества и государства [Там же: 116].

В Германии, кроме большей части военных, идеи примирения и пацифизма не принимали многие правые и крайне правые политики, а также масса ветеранов. Они резко негативно реагировали на любые попытки коммуникации с вчерашними открытыми врагами. Неприятие их было столь велико, что, как показано Магадеевым, они не останавливались перед критикой кумира всех германских милитаристов П. фон Гинденбурга [Там же: 794].

С точки зрения влияния на массы среди противников коммуникации с бывшими врагами в Веймарской республике выделялись представители «консервативной революции» — идейного течения, которое стало одним из наиболее заметных в стране и сыграло немалую роль в укреплении антиреспубликанских, антizападных и пронацистских настроений в немецком обществе. Магадеев упоминает одного из наиболее ярких его представителей — Эрнста Юнгера. Этот ветеран, писатель, военный теоретик и неординарный мыслитель видел в Версальском договоре порождение отторгаемого им либерализма — «одного из краеугольных камней той цивилизации, “тайный эталон” которой “хранится в Париже”», попытку навязать немцам чуждые ценности, нормы и обязательства [Там же: 116, 794]. Э. Юнгер был убежден, что лишь национальный империализм разрешит не только внешнеполитические, но и внутриполитические вопросы Германии [Там же: 116].

Прочтение книги Магадеева в очередной раз убеждает в важной, подчас определяющей роли отдельных людей в истории. Ведь конец Локарнского курса, который мог стать модификацией

Версальской системы и этапом на пути ее мирной эволюции, был вызван не только объективными причинами, порожденными мировым экономическим кризисом, но и уходом из большой политики в 1929 г. ее творцов О. Чемберлена и А. Бриана и смертью Г. Штреземана [Там же: 794, 795, 799—801]. Причем это совпало с одновременным возвышением А. Гитлера — сторонника полного слома послевоенного миропорядка, чутко улавливавшего желания толпы.

В целом рассмотренная книга И. Э. Магадеева закрывает немало «белых пятен» в истории международных отношений. Но не только в этом ее значение. Она ценна еще и по другим причинам. Во-первых, эта монография доказывает, что в каждом историческом периоде не существует жестко детерминированной предопределенности. Всегда есть варианты / альтернативы / развилики. Работа Магадеева убеждает нас в том, что мир имел шанс избежать Второй мировой войны. В-вторых, исследование московского ученого еще раз демонстрирует то, что предотвращение военной катастрофы возможно лишь при диалоге, в том числе (или даже, прежде всего) с теми, кому ты не доверяешь и в ком видишь противника. В-третьих, книга Магадеева намечает новые направления исследований. Причем не только по истории международных отношений, но и по интеллектуальной истории и интеллигентоведению.

Список источников

- Гаджиев К. С. Введение в геополитику: учеб. для студентов вузов. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Логос, 2000. 428 с.
- Магадеев И. Э. В тени Первой мировой войны: Дileммы европейской безопасности в 1920-е годы. М.: Аспект Пресс, 2021а. 864 с.
- Магадеев И. Э. Первая мировая война и тренды европейской истории XX века. М.: Аспект Пресс, 2021б. 256 с.
- Магадеев И. Э. Дух Рапалло и европейская политика Франции (апрель-ноябрь 1922 г.) // История. Общество. Политика. 2022. № 2 (22). С. 6—15.
- Магадеев И. Э. «Интеллектуальная демобилизация» во франко-германских отношениях в 1920-е гг.: основные этапы, инструменты реализации, итоги // Интеллигенция и мир. 2023а. № 1. С. 52—78.
- Магадеев И. Э. Факторы и цели европейской интеграции в оценках французских интеллектуалов-левоцентристов (1920-е годы) // Диалог со временем. 2023б. Вып. 83. С. 134—148.
- Магадеев И. Э. Роль Чехословакии в развитии советско-французских отношений в период непризнания СССР: взгляд дипломатов и военных Третьей республики (1920—1924) // Славяноведение. 2024. № 1. С. 39—53.

- Петров И. А.* Внешнеполитический курс Густава Штреземана: 1923—1929 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2000. 215 с.
- Поздняков Э. А.* Геополитика. М.: Прогресс; Культура, [1995]. 93 с.
- Репина Л. П.* Личность и общество, или истории в биографиях (Вместо предисловия) // История через личность: историческая биография сегодня / под ред. Л. П. Репиной. М.: Кругль, 2005. С. 5—16.
- Романова Е. В.* Рецензия на книгу: Магадеев И. Э. В тени Первой мировой войны: Дileммы европейской безопасности в 1920-е годы. М.: Аспект Пресс, 2021. 864 с. // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2022. № 1. С. 149—152.
- Сидоров А. Ю.* Послевоенная Европа на перепутье. Формирование и эволюция Версальского и Локарнского режимов безопасности (Магадеев И. Э. В тени Первой мировой войны: Дileммы европейской безопасности в 1920-е годы. М.: Аспект Пресс, 2021. 864 с.) // Междунар. процессы. 2021. Т. 19, № 4 (67). С. 192—196.
- Тихонравов Ю. В.* Геополитика: учеб. пособ. для студентов вузов. М.: ИНФРА-М, 2000. 267 с.
- Черноперов В. Л.* Дискуссия ведущих советских дипломатов о перспективах внешней политики СССР в ноябре 1924 г. // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2006а. Серия: Междунар. отношения. Политология. Регионоведение. Вып. 1 (4). С. 116—126.
- Черноперов В. Л.* Дипломатическая деятельность В. Л. Коппа и подготовка большевиками «германского Октября» в 1923 г.: монограф. Иваново: Иван. гос. ун-т; Н. Новгород: Ин-т стратег. исследов. ННГУ, 2006б. 168 с.
- Черноперов В. Л.* Дискуссия в советском руководстве конца 1924 — начала 1925 гг. о внешней политике СССР // Разрушение и возрождение в истории Германии и России: сб. ст. Междунар. науч. конф., Томск, 23—25 сент. 2009 г. Томск: Томск. гос. ун-т, 2010. С. 344—359. (Серия «Германские исследования в Сибири». Вып. 7).
- Черноперов В. Л.* Дискуссия в большевистском руководстве осенью 1924 — зимой 1925 гг. о международном положении и внешней политике СССР // Германия на переломе эпох (К 50-летию док. ист. наук Артамошина Сергея Викторовича) / под ред. А. В. Сигимбаева. Брянск: РИСО БГУ, 2024. С. 247—283.

References

- Gadzhiev, K. S. (2000), *Vvedenie v geopolitiku: Uchebnik dlja studentov vuzov* [Introduction to Geopolitics: A Textbook for University Students Studying, 2nd ed., supplemented and revised, Logos, Moscow, Russia.
- Magadeev, I. E. (2021a), *V tenu Pervoї mirovoi voiny: Dilemmы evropeiskoi bezopasnosti v 1920-e gody* [In the Shadow of the First World War: Dilemmas of European Security in the 1920s.], Aspekt Press, Moscow, Russia.

- Magadeev, I. E. (2021b), *Pervaya mirovaya voina i trendy evropeiskoi istorii XX veka* [The First World War and trends in European history of the twentieth century], Aspect Press, Moscow, Russia.
- Magadeev, I. E. (2022), ‘The Spirit of Rapallo and France's European Policy (April—November 1922)’, *Istoriia. Obshchestvo. Politika* [History. Society. Politics], no.: 2 (22): 6—15.
- Magadeev, I. E. (2023a.), ‘“Intellectual demobilization” in Franco-German relations in the 1920s: main stages, implementation tools, results’, *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 1: 52—78,
- Magadeev, I. E. (2023b), ‘Factors and goals of European integration in the assessments of French left-of-center intellectuals (1920s), *Dialog so vremenem* [Dialogue with Time], iss. 83: 134—148. Magadeev, I. E. (2024), ‘The role of Czechoslovakia in the development of Soviet-French relations during the period of non-recognition of the USSR: the view of diplomats and military men of the Third Republic (1920—1924)’, *Slavianovedenie* [Slavic Studies], no. 1: 39—53,
- Petrov, I. A. (2000), *Vneshnopoliticheskii kurs Gustava Shtrezenmana: 1923—1929 gg.* [Foreign policy course of Gustav Stresemann: 1923—1929], Ph. D. (History) Thesis, Moskovskii gosudarstvennyi universitet imeni M. V. Lomonosova, Moscow, Russia.
- Pozdnyakov, E. A. ([1995]), *Geopolitika* [Geopolitics], Progress; Kul'tura, Moscow, Russia.
- Repina, L. P. (2005), ‘Personality and Society, or Stories in Biographies (Instead of a Preface)’, in Repina, L. P. (ed.), *Istoriia cherez lichnost': istoricheskaiia biografiiia segodnia* [History through Personality: Historical Biography Today], Krug, Moscow, Russia: 5—16.
- Romanova, E. V. (2022), ‘Review of the book: Magadeev I. E. In the Shadow of the First World War: Dilemmas of the European Security in the 1920s. Moscow: Aspect Press, 2021. 864 p., *Vestnik Rossiiskogo fonda fundamental'nykh issledovanii. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki* [Bulletin of the Russian Foundation for Basic Research, Humanities and Social Sciences], no. 1: 149—152,
- Sidorov, A. Yu. (2021), ‘Post-war Europe at a Crossroads. Formation and Evolution of the Versailles and Locarno Security Regimes (Magadeev I. E. In the Shadow of the First World War: Dilemmas of the European Security in the 1920s. Moscow: Aspekt Press, 2021. 864 p.), *Mezhdunarodnye protsessy* [International Trends], vol. 19, no. 4 (67): 192—196.
- Tikhonravov Yu. V. (2000), *Geopolitika: Uchebnoe posobie dlia studentov vuzov* [Geopolitics: A Textbook for University Students], INFRA-M, Moscow, Russia.
- Chernoperov, V. L. (2006a), ‘Discussion of Leading Soviet Diplomats on the Prospects of USSR Foreign Policy in November 1924, *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N. I. Lobachevskogo, seriia: Mezhdunarodnye otnosheniiia. Politologiya. Regionovedenie* [Bulletin of the Lobachevsky University of Nizhny Novgorod, series: International Relations. Political Science. Regional Studies], iss. 1(4): 116—126.

- Chernoperov, V. L. (2006b), *Diplomaticheskaia deiatel'nost' V. L. Koppa i podgotovka bol'shevikami «germanskogo Oktiabria» v 1923 g.: monografija* [Diplomatic activities of V. L. Kopp and the preparation of the “German October” by the Bolsheviks in 1923: monograph], Ivanovskii gosudarstvennyi universitet; Nizhnii Novgorod: Institut strategicheskikh issledovanii NNGU, Ivanovo, Russia
- Chernoperov, V. L. (2010), ‘Discussion in the Soviet leadership in late 1924 — early 1925 about the foreign policy of the USSR’, in *Razrushenie i vozrozhdenie v istorii Germanii i Rossii: sbornik statetii Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Destruction and revival in the history of Germany and Russia: collection of articles from the International Scientific Conference, Tomsk, Russia, 23—25 September 2009, Tomskii gosudarstvennyi universitet, Tomsk: 344—359 (series “German Studies in Siberia”, iss. 7).
- Chernoperov, V. L. (2024), ‘Discussion in the Bolshevik leadership in the fall of 1924 — winter 1925 about the international situation and foreign policy of the USSR’, in Sigimbaev, A. V. (ed.), *Germaniia na perekome épokh (K 50-letiiu doktora istoricheskikh nauk Artamoshina Sergeia Viktorovicha)* [Germany at the turn of the eras (On the 50th anniversary of Doctor of Historical Sciences Artamoshin Sergei Viktorovich], RISO BSU, Bryansk, Russia: 247—283.

Статья поступила в редакцию 02.12.2024; одобрена после рецензирования 20.12.2024; принята к публикации 25.12.2024.

The article was submitted 02.12.2024; approved after reviewing 20.12.2024; accepted for publication 25.12.2024.

Информация об авторе / Information about the author

V. L. Chernoperov — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, Иваново, Россия.

V. L. Chernoperov — Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Professor of the Department of General History and International Relations, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР
Российский междисциплинарный журнал
социально-гуманитарных наук

2025. № 3

[12+]

Директор издательства *Л. В. Михеева*

Редактор *Д. Л. Лакербай*

Технический редактор *И. С. Сибирцева*

Компьютерная верстка *Е. Е. Андреяновой*

Дата выхода в свет 29.09.2025.

Формат 60 × 84¹/₁₆. Бумага писчая. Печать плоская.

Усл. печ. л. 11,6. Уч.-изд. л. 10,4.

Тираж 100 экз. Заказ № 43. Цена свободная

Адрес редакции: 153025 Ивановская обл., г. Иваново, ул. Тимирязева, 5

Факс: +7(920) 672-03-68. E-mail: int_i_mir@mail.ru

Издательство «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Ивановская обл., г. Иваново, ул. Ермака, 39

☎ (4932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

Отпечатано в АО «Ивановский издательский дом»

✉ 153025 Ивановская обл., г. Иваново, ул. Степанова, 5, литер А, А1-А7

☎ (4932) 30-32-37. E-mail: 301411@rambler.ru

Генезис

Формирование

**Представлены
основные направления
интеллигентоведения**

Деятельность

Типология

**Роль
в современном
обществе**

**Сущностные
черты**

Журнал адресован
научным сотрудникам,
преподавателям, студентам вузов

*Основан в 2001 году
Выходит 4 раза в год*

*Распространяется по подписке
и предварительным заявкам*

Междисциплинарный журнал,
не имеющий аналогов в России

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР